

Aneeka

RECH
BAD
REMYT

— Мама, кто живёт за морем?

— За морем... живут боги, великие сидхе. Вечно резвятся они в золотых садах Яблочного Эмайна, не зная ни старости, ни печали. А за нижнем морем — царство фоморов, чёрных повелителей смерти.

— А кто живёт за границей холмов?

— Люди.

— А они добрые или злые?

— Пока ещё не определились.

Часть I. Два острова. Глава 1. Подарок королевы

Болли опустил морду, оскалил зубы и тихонько зарычал. Хозяин успокаивающе потрепал друга по прижатым к голове ушам. Добрый пёс. Преданный, сильный, свирепый. Но уж больно впечатлительный, когда рядом туман. Впрочем, оно и понятно: тут и человеку жутко становится, что уж с бессловесной твари взять.

Болли тоскливо покосился на хозяина единственным глазом. У Эрика-то глаза два, а не видит хозяин ни сида. В буквальном смысле. Тонкие полупризрачные тени, от которых тягучим, сладковатым веет, клубятся у самой воды. Эрик рукой достал бы, если б захотел. Болли тяжело вздохнул и снова предостерегающе рыкнул на размытую фигуру. Кошки, те альвов получше видят, конечно. Но эти ж твари разве хозяев предупредят? Ведьмовское отродье!

Пёс обеспокоенно втянул воздух, принюхиваясь, но тут же улёгся у ног Эрика. Запах, примешивавшийся к влажно-тягучим струям тумана, был знакомым, почти родным. Сигрид.

Юная девушка, светловолосая, тоненькая, выпорхнула из-за скалы фьорда, будто стрекозка. Море холодное, короткое северное лето ещё не набрало силу, а она ступает босиком по кромке прибоя, и пена облекает её ступни тонким кружевом. Тоньше, чем привезённое в подарок Эриком. Удачным выдался прошлогодний поход, много диковинок погрузил рыжий викинг на свой драккар, не стыдно и к дочери ярла посвататься. Вот только на Зелёный остров заходить не стоило. И девчонку с заострёнными, будто лошадиными, ушами без мочек, надо было оставить в покое. Может, тогда бы и не увязался за резной драконьей мордой этот туман...

— Сигрид, — сурово нахмурился Эрик, — зачем пришла? Знаешь же, на побережье теперь небезопасно.

— Тебя искала. — Голубые глаза девушки вызывающе блеснули.

— Нашла, так что ж теперь? — Эрик опустил голову, стал внимательно разглядывать камни, только бы на Сигрид не смотреть. Дочь ярла, правду сказать, тоже на викинга любоваться не стала: к драккару взглядом прикипела.

— Ты что, снова? Ты же обещал! — Развернулась, побежала вдоль влажной белёсой стены. Может, и прав отец, что за Ульва замуж идти велит. Тот, говорят, своему слову хозяин.

— Сигрид! — Крик в туман, словно в ворох бархата упал, запутался, Эрику к ногам скатился. Хотел, было, следом за любимой броситься, да сам себя осадил. Да, обещал. Свадьбу обещал, как богатств в походе раздобудет. Да кто ж знал, чем Королева Мэб за ласку к её подданной викингов отдарит? Эрик туман домой привёз. Эрику и обратно его загонять. А вернётся ли... про то только богам знать. Если промеж собой уже договорились.

Ушам своим не поверил ярл Альвгейр, когда любимая дочь объявила: согласна покориться воле отца. Раз Ульв Стейнсон человек достойный и надёжный, быть ему ярлу зятем. И до осени тянуть не нужно: чем быстрее свадьбу сыграют, тем лучше. Об Эрике и словом не помянула. Вот вернётся он с полным драккаром добра, а она уже...

Представлять себе лицо рыжего викинга в момент, когда он увидит Сигрид чужой женой, было щемяще-горько и оттого приятно. Гордо пройдёт мимо жена Ульва, позванивая золотыми запястьями и покачивая зелёными серьгами. Редок в этих землях малахит, а что редко, то и ценно. Синие глаза у каждого второго: что у Эрика, что у ярла... Уговаривает себя Сигрид, а сама себе не верит: страшно на жениха глядеть. Противно даже. Худой, невысокий, волосы цвета воронова крыла, а кожа бледная, и той же каменной зеленью отливает, что и глаза. Будто хвори туманные, от которых Ульв викингов избавил, на себя забрал.

Прикусила невеста губу, на жениха украдкой всё же поглядела. Боязно, а любопытно. Кто он, Ульв Стейнсон с Зелёных Холмов? Как добрался сюда один, без ладьи и драккара? Почему не носит бороды, как подобает мужчине? Горы сокровищ для подарков жене и её родичам будто из-под земли достал. Но более всего интересно, что такое ярл Альвгейр ему сказал, когда незаметно со спины подошёл. Тихо сказал, чтоб гости не расслышали. Хоть Сигрид и рядом была, а ни словечка не разобрала — на чужом наречии ярл к зятю обратился, будто яшень листвою зашелестел. Ульв волчьими зубами заблестел. Говор чужой у него оказался, а слова знакомые:

— Откуда такие мысли, ярл? Ты же меня знаешь.

— Знаю. — Голос Альвгейра морозными рунами затвердел. — Отсюда и такие мысли. Не убережёшь Сигрид...

— Разве ты не слышал мою брачную клятву, ярл?

Съёжилась молодая жена от жёсткого тона и вспомнила, что Ульв Стейнсон мудрой Вар обещал: до самой смерти оберегать и защищать жену, а также весь её род. Вот только про любовь ничего не говорил.

Скрипнул Альвгейр зубами, да в сторону отошёл, факел первым зажгёт.

Идут молодые в круге огня, и чем дальше, тем страшнее тени, которые Ульву на лицо ложатся. Кажется он Сигрид то волком, то вороном, то вовсе страшилищем с носа драккара. Отсюда мыслям уже к Эрику мостик. Картинка с серьгами-браслетами поблекла, далеко уже где-то... а ненавистный муж вот он, руку протяни. Двери закрыл и запер, остались молодожёны одни наедине со свадебным ложем. Ой, не так себе брачную ночь Сигрид представляла. Были в мечтах рыжая страсть, восторженный крик и сладостный стон в объятиях статного викинга. А вот страшного карлика, тянущего к Сигрид тонкие паучьи лапки, не было. Что ж ты, синеглазый Эрик, наделал? И до того себя жалко стало, что забылась на секундочку дочь ярла — тихо всхлипнула. Ульв небрежно развалился на медвежьей шкуре. Равнодушно сапоги скинул.

— Будет уже, не трясись. Ты не в моём вкусе.

Причалили ночью, обойдя остров по широкой дуге. Викинги надеялись высадиться незаметно, не всполошить побережье. «Глупо, — тоскливо думал Болли и жался к ноге хозяина. — Туман вокруг». Туман всё видит и следует за рыжим предводителем, как горностаевая мантия чужеземного конунга. Роскошный плащ из шкурок маленьких мёртвых существ. Болли взглянул на луну, гостеприимно расстелившую дорожку перед драккаром, и тихонько завыл.

Опытные воины пользовались каждым клочком тени, скрытно пробирались к стене

леса. Главное — незамеченными пересечь открытую полосу берега. Драккар в маленькой укромной бухте заметят не сразу.

До леса добрались. И там началось самое страшное.

Невозможно застать крадущегося викинга врасплох. Вот и Олав развернулся одним плавным, но стремительным движением, рубанул нападающего наотмашь. Ночную тишину разорвал крик боли и ярости.

Драка началась сразу со всех сторон. Эрик никак не мог сообразить, куда ему прорываться. Просто бил, парировал, уходил от удара и бил снова, время от времени пытаюсь построить хирд в круг. Но его выкрики бессильно тонули в тумане, не долетали до товарищей. Нападение оказалось чудовищным в своей неотвратимости: от засевших на деревьях лучников может спасти построение за щитами, но в викингов не стреляли. Безобразно размалёванные рожи возникали прямо из тумана, словно рождались в нём.

Туман... серебристо-лунное марево окутывало воинов, искажало звуки, скрадывало лица и обманчиво изменяло расстояния. Выбрасывая вперёд руку в стремительном выпаде, Эрик терял из виду собственное запястье. Его окружал узкий круг обозреваемого пространства, остальное же терялось за липкими белёсыми стенами.

Эрик крутанулся вокруг своей оси, отражая целящееся в него из пелены стремительное лезвие, и с досадой пнул Болли коленом в бок. «Что же ты, одноглазый, совсем нюх потерял?» — зло выплюнул он сквозь свежую щербину между зубами. Боевой пёс вёл себя, как глупый щенок: огрызался и щерился, но как-то неуверенно, а то и вовсе начинал жалобно поскуливать, стараясь заглянуть хозяину в глаза.

Но вот на рыжего предводителя накинудись сразу двое. Одному Эрик вспорол живот, и тот упал, машинально, но уже бессмысленно, зажимая смертельную рану, второго же подмял под себя Болли, наконец, избавившийся от колебаний.

— Молодец! — радостно выкрикнул Эрик прямо в окровавленную пасть обернувшегося к хозяину пса, но тут же побледнел и застыл на месте, будто луна облила его жидким серебром. Туман начал медленно рассеиваться, открывая взгляду место жестокой битвы, и вместе с туманом оплывали, растворялись мерзкие личины поверженных врагов. Барди, Ауд, Бьорн, Кнуд, Ламби, Варди... все лежат тут. Немые, неподвижные, некоторые так и не расцепившие смертельных объятий. Мёртвые викинги. А больше никого.

Одноглазый пёс спрыгнул с груди Олава и медленной, размеренной походкой направился к хозяину.

Потёрся головой о голенище сапога, надеясь на одобрение.

Где-то в листве послышался тихий смех.

Ульв встал ещё затемно. Накинул плащ и уже у самой двери бросил жене через плечо:

— Вернусь поздно и голодным. Чтоб ужин был готов.

И вышел, Сигрид даже ответить ничего не успела. С другой стороны, чего тут разговаривать? Хозяйке в новом доме, который ярл в приданое дал, осматриваться надо. Все комнаты обошла. Богато, ничего не скажешь. Не то что дочери ярла, жене конунга не зазорно таким двором заправлять. Вот только ни одного трэлла Сигрид так и не обнаружила. Мясо есть, кое-какие овощи, специи южные, что на вес золота продают... а вот кому распоряжения на ужин отдавать? Кем командовать?

Присела дочь ярла на кровать, на которой Ульв всю ночь провалялся, а она даже

подойти боялась, колени обняла и глубоко задумалась. К отцу, что ли, пожаловаться пойти? Смешно даже.

Сигрид тряхнула головой и решительно встала. Вспомнилось, как Ульв говорил с Альвгейром. Без всякого почтения, даже обращение «ярл» произносил как-то странно: не то чтобы с издёвкой, но словно указывая тому его место. Так говорить мог бы разве что... конунг? Ульв Стейнсон достаточно богат, чтобы иметь полный дом трэллов. Раз их тут нет, а ужин он приказал приготовить... приказал небрежно, будто какой-то тир, это может быть только вызов. Чего же он хочет? Доказать, что дочь ярла безмозглая неумеха?

В ушах отчётливо, словно муж стоял у неё за плечом, прозвучало вчерашнее: «Ты не в моём вкусе». И Сигрид залилась краской до кончиков ушей, будто зимняя рябина.

Конечно, у неё не такая пышная грудь, как у Гуннир, но, говорят, она ещё может вырасти. Ну хорошо, и волосы не такие длинные и густые, как у Ингунн...

Сигрид закатала рукава и набросилась на кусок кабана не менее яростно, чем Болли.

Ульв удивлённо перевёл взгляд с полусырого-полуобугленного куска, который брезгливо держал двумя пальцами, на молодую супругу.

— Что это значит, женщина? Я не для того женился, чтобы меня отравили в первый же день.

— Да? — Сигрид, усвоившая от Альвгейра, что лучшая защита это нападение, упёрла руки в бока и, сверля мужа гневным взглядом, воскликнула: — А для чего? Я тебе не нравлюсь, ты мне тоже, так чего сватался? Если ярлом думаешь после отца стать, так не надейся: он ещё тебя переживёт!

— Это вряд ли, — не глядя на Сигрид, Ульв бросил насмерть замученное мясо в очаг. Скинул сапоги, вытянул ноги к огню. Тягостное молчание висело между супругами ещё несколько минут, пока Ульв не подтянул поближе кожаный мешок, который принёс с собой, достал хлеб и головку сыра. Разломил, протянул половину жене. Принялся молча есть.

Сигрид вгрызалась в сыр мелкими быстрыми укусами, как мышка. После целого дня вынужденной голодовки ей показалось, что ничего вкуснее дочь ярла в жизни не ела.

Утолив первый голод, девушка робко, без прежнего вызова, произнесла:

— Ульв!

Он не ответил, но голову слегка повернул, давая понять, что расслышал.

— А зачем ты на мне женился?

Мужчина, выглядевший очень уставшим, небрежно стянул с себя плащ и верхнюю рубаху, упал на брачное ложе и, уже засыпая, пробормотал:

— Готовить научишься — расскажу.

Пламя погребального костра, сложенного Эриком для своего хирда, взметнулось выше деревьев и горело долго. Но последний викинг сидел с потухшим взглядом ещё дольше. Угли уже прогорели в невесомый пепел. Одна из серых «бабочек», кружившихся над кострищем, села на щеку викинга. Эрик вздрогнул, будто очнулся от сна, мазнул рукой по лицу, оставив грязный след на месте тонких «крылышек».

Болли преданно заглянул в глаза хозяина. Там была пустота.

На что годится вождь, потерявший всех своих людей? Скольких из них он отправил в

Валхаллу собственной рукой? А сам при этом остался практически невредимым... совсем, видно, отвернулись от рыжего Тор с Одним, не хотят видеть в светлых чертогах, на братском пиру. Издав полустон-полувсхлип, Эрик выронил меч. Низко стелющийся туман немедленно потянулся к лезвию белыми лапами, но Болли подскочил со звонким лаем, разметал липкое марево хвостом. После так потрясшей викинга братоубийственной схватки пёс сильно переменялся: больше не мялся, не скулил, не жался к хозяину. Напротив, пока Эрик пребывал в состоянии столбняка, Болли обнюхал все метки, оставленные жителями леса, убедился, что тут есть волчья стая и даже нарвался на короткую стычку с её вожаком. Этот бой закончился вничью, но Болли не собирался останавливаться на достигнутом: без команды драккар обратно не пойдёт, так что придётся обживать то, что есть. Пёс вспомнил светлый мех, хорошо заметный на фоне листвы, и притягательный запах молодой волчицы, искоса наблюдавшей за его битвой с вожаком. И облизнулся.

Воинственность Болли окончательно привела Эрика в себя. В конце концов, он ещё жив, а потому должен попытаться отомстить за товарищей. Но самое главное, нужно уничтожить этот проклятый туман. Ведь Эрик поклялся. Поклялся всеми богами, что сделает это, или умрёт. Так же, как чёрный коротышка с малахитовыми глазами, поклялся, ухмыляясь, выставляя напоказ неестественно острые зубы, что охранит Сигрид от хвори колдовского тумана, не позволит ему высосать блеск золотых волос, влагу нежных губ, жизнь из хрупкого тела, как это бывало с другими, сильными цветущими мужчинами, например. Туман, увязавшийся за Эриком после проклятых островов, проникал всюду, молочной пеленой застилал глаза, душил, гасил огонь жизни, не разбирая, кто перед ним: старик, ребёнок, женщина... каждый, кого касались липкие лапы колдовства, заболел, чах и умирал. Каждый, за исключением ярла, в первый же день с бранью и обнажённым мечом накинувшегося на белёсую пелену.

Оружие, разумеется, проходило сквозь туман, не причиняя тому ни малейшего вреда. От брани, в том числе и иноземной, которую Эрик не понимал, было немногим больше толку.

Сам рыжий викинг, как и его хирд, тоже оказался неуязвим для колдовской заразы, хоть белая позёмка и струилась за ним, как привязанная. Как тень.

Как тень, отброшенная неверным светом факела, однажды отделился от ночной темноты Ульв Стейнсон, отодвинувший белую стену за кромку прибоа. Ярл Альвгейр приветствовал гостя и велел оказать ему величайшие почести. Вот только смотрел при этом на карлика так, будто больше всего на свете мечтает свернуть тому шею.

Наутро после свадьбы дочери Альвгейр был трезв, но зол, будто с похмелья. Ярл всюду костерил «проклятого выродка, вобравшего в себя худшее от обоих родителей», но сам понимал: злиться надо в первую очередь на себя. Что если ярл перемудрил? Вспомнив, как расхохотался ему в лицо Ульв, Альвгейр поёжился, будто от пронизывающего порыва ветра.

Старые долги между ними давно уплачены, а клятвы оставались нерушимыми, и ярл надеялся, что никогда больше не увидит этих несмешливых малахитовых глаз, а, главное, никогда больше не услышит этот голос: обжигающий, как сталь, сладкий, как мёд, дразнящий, как любовная ласка.

Проклятый ублюдок не носил с собой оружия. Таким, как Ульв, оно не нужно. Слова его богатство, слова его драккар, слова его хирд. И эти же слова стали хирдом Альвгейра, стоило тому попросить. Но ещё смелее и яростнее чудесных воинов оказалась златокудрая Хельга,

отвесившая Альвгейру звонкую оплеуху. Можно одолеть хрупкое женское тело, но не сломить дух настоящей валькирии.

А Ульв сумел. Усмехнулся коротко, встретил взгляд кипящего гневом и желанием Альвгейра.

— Я спою для неё. Но слушать будете оба.

Последовавшая ночь вспоминалась ярлу горячей битвой. И он не знал, кто же на самом деле победил. С жаром и страстью отдавалась ему необузданная валькирия, пот застилал глаза, уста саднило от поцелуев, а по жилам бежал змеиный яд голоса барда.

Зачала златокудрая и родила мужу маленькую Сигрид, дитя победы над старым вождём и над женским сердцем. Вот только всё то время, что провела с Альвгейром его нежная Хельга, он, гордый ярл, бросался выполнять любой её каприз проворнее последнего трэлла.

Год шёл за годом, и каждый раз, в канун Самайна, который не празднуют на этих берегах, пропадал один из славных хирдманов Альвгейра, что пришли когда-то вместе с ним. А ярл знал, что в лесу завтра станет одним волком или медведем больше. Только за тех, кто связал себя узами брака, можно было не беспокоиться.

— Думаешь, их держит клятва Вар? — смех Ульва был грудным и резким — не смех, а ворчание волка.

Альвгейр знал, сколь мало значат клятвы для барда. Клятвы — это ведь тоже только слова, а слова — его верные трэллы. Как он прикажет — так и повернутся. Руна за руной ложилась перед алтарём, слово за словом произносил Ульв, заставляя рыжего Эрика повторять их одно за другим:

— Клянусь вернуть за границу царства фей туман Королевы Мэб. Или погибнуть.

Или погибнуть.

Эрик не был трусом. Но он был молод. И влюблён. Он не хотел умирать. И запнулся перед последним словом. Ульв поглядел на него снизу вверх вдруг ставшими изумрудными вместо малахитовых глазами и не улыбнулся — оскалился:

— Тебя туман не убьёт. Ты ей нужен живым. А вот Сигрид — без надобности.

— Поклянись, что Сигрид не умрёт, если я сделаю всё, как ты говоришь, — тут же выпалил викинг.

— Клянусь, — легко и непринуждённо, как весенний ветерок в листве, прошелестел голос барда, — она не умрёт, если ты всё сделаешь правильно.

Тут уже насторожился Альвгейр: сделаешь всё правильно. Слишком двусмысленно звучит. Он решил перестраховаться. Но стоило ли?

— Стоило ли? — спросил, ухмыляясь, уже на пороге чертогов новобрачных тот, кого называли Стейнсоном с Зелёных Холмов. Но Альвгейр знал, что выдал дочь за Брокксона из-под Чёрной Горы.

— Ты поклялся защищать Сигрид, — угрюмо ответил ярл на языке фей и лепреконов. — Ты не сможешь обидеть её...

— Я не обижаю женщин, ярл, — сверкнул белоснежными зубами новобрачный. — Я им пою.

Альвгейр грудью налетел на массивную дверь, но та уже была заперта изнутри.

Два дня ярл не находил себе места, воображая, как его дочь, его маленькая Сигрид,

стонет от страсти под тёмным отродьем, жадно тянется к нему алыми губами и нежно ласкает зеленоватую кожу выроodka. О, Альвгейр знал, на что способен голос Великого Барда, сам как-то ползал на коленях и обливался слезами, вымаливая прощение за неосторожно брошенные слова, сын светлого ши — перед сыном цверга.

Но те слова давно были сказаны, а прошлое осталось в прошлом. Будущее же Сигрид оставалось неясным.

Сам пойти к дочери ярл так и не решился. Отправил нестарую ещё, в самом соку, вдову Ингунн, пробормотав невнятицу про то, что девочка, мол, без матери росла...

Женщина понимающе кивнула, и к тому времени, как позёвывающая Сигрид вышла из дома, уже поджидала на крыльце.

— Отец за тебя беспокоится, — сообщила Ингунн, лаская девушку взглядом, полным нерастрченной материнской нежности. — Ты меня знаешь, болтать лишнего не буду. Но замужем-то была. Так что если беспокоит тебя что-то, ты не стесняйся — спрашивай.

По тому, какой густой краской залилась Сигрид, вдова сразу сообразила: не зря пришла.

— Ну, девочка, не бойся, — подбадривающе улыбнулась Ингунн.

— Как готовить кабана, чтоб съел, ещё и добавки попросил?

Глава 2. Народ Зелёных Холмов

Лес был не рад Эрику: ветви, будто живые, хватали за одежду, камни подворачивались под ноги, белесый туман стелился по земле, жадно облизывал ступни. Болли чувствовал себя увереннее хозяина, но не знал, куда тот направляется, а потому помочь ничем не мог.

Куда он идёт, викинг и сам не знал. Искать Королеву Мэб? Королеву фей в её собственном доме? Так или иначе, но исследовать местность стоило.

Лес был не рад Эрику. А вот болото встретило с распростёртыми объятиями.

Сигрид затаив дыхание следила за неестественно тонкими и длинными пальцами Ульва, сжимающими кинжал. Удар. Точный и сильный. Ульв перехватывает рукоятку поудобнее и светлое, безупречно держащее заточку, лезвие легко скользит, разделяя плоть, словно нос драккара — волну.

Мужчина придирчиво осмотрел кусок кабанятины, даже принялся, забавно, будто кролик, шевельнув кончиком носа, и отправил жаркое в рот.

Сигрид подумала, что его брачную клятву ждала с куда меньшим трепетом, чем предстоящих слов.

— Хорошо, — изрёк, наконец, Ульв. — Ингунн — отличная хозяйка. И очень красивая женщина. Это ж каким идиотом надо быть, чтоб умереть от такой жены!

Голубые глаза вспыхнули яростью. Вдова и в самом деле помогала, и уже не первый день, но если бы Сигрид знала, что сегодня муж вместо ночной темноты впустит вместе с собой красноватый луч заходящего солнца, выпроводила бы благодетельницу пораньше. Ульв не торопился посторониться, позволить гостье пройти, а отблеск заката, проникший вместе с ним, залил алым щёки женщины, рябиновым соком окрасил губы. Не иначе, как прелесть вечерней зори и порыв ветра, подхвативший короткое «Здравствуй, Ингунн», заставили чаще вздыматься высокую грудь. Без страха глядела вдова в самую глубину малахитовых глаз. Да и чего бояться, когда лицо хозяина освещает такая улыбка — тёплая и мягкая — а голос ласкает слух, будто бархат кожу?

Когда Ингунн улыбнулась в ответ, робко, чуть растерянно, Сигрид поклялась себе, что ноги этой женщины больше не будет в её доме. На жену Ульв ни разу так не глядел.

— Ты с ней спал? — Сигрид осеклась от резкости в собственном голосе. Вот тоже! Допрос собралась устраивать? Даже если что и было, разве ж признается?

— Нет, — смотрит серьёзно, даже брови нахмурил. А уголки губ подрагивают — вот-вот засмеётся!

— А хотел бы? — быстро, не думая, выпалила Сигрид. Муж в её сторону даже не посмотрел. Снова нож в мясо вонзил. И таким движением он это сделал, что дочь Альвгейра отчётливо поняла: захоти Ульв Стейнсон, разложил бы Ингунн прямо там, у двери. И то, что жена рядом стоит, ему бы не помешало.

— Я ей яд подарил, — Ульв ещё один кусок в рот отправил. Прожевал медленно, тщательно. — Тот, которым она мужа отравила.

Сигрид даже рот открыла от удивления.

— Не может быть! — проговорила тихо, но твёрдо. — Ингунн добрая. Она бы никогда...

Ульв поднял голову. Какое же у него лицо! Не грубое и обветренное, как у викинга, а гладкое, с чёткими чертами, будто тончайшим резцом из камня высеченное. «Как у отца, — вдруг подумала Сигрид, — если тому бороду сбрить».

— Верно, — вот и ей муж улыбнулся. Не так, как Ингунн, но всё равно приятно. — Я сам его убил. Дрянь был, а не человек.

По зелени малахита вдруг золотые прожилки заискрились... такие глаза — как омут. Глядишь в него, сама не замечаешь, как шаг вперёд делаешь, и водой ледяной затягивает... Сигрид решительно головой тряхнула, только косы по сторонам разлетелись.

— Врёшь ты всё. Её мужа волк задрал, я помню. А тебя тут тогда и в помине не было.

Третий кусок Ульв не глядя отрезал — на Сигрид смотрел. Доел, и сказал буднично, совсем как в день свадьбы:

— Жениха своего увидеть хочешь?

Эрик от зелёных полянок как от пожара шарахается: только кочкам да деревьям доверять можно. И то не всем. А под зелёным ковром багна плещется, лукавая топь за ноги хватает. Плащ бросить пришлось — вытянуть-то за него Болли вытянул, да пополам почти разорвал. Одежда неподъёмной стала от грязи. Волосы в один колтун слиплись. Кое-как глаза от тины протёр...

Викинг тяжело выпрямился и расхохотался. Смех вышел диким, под стать этому месту.

— Зато... зато комары отстали, — Эрик сплюнул набившуюся в рот тину.

Болли настороженно заворчал, начал пятиться, поджав хвост. Хозяин ещё раз протёр глаза и оторопело уставился на то, что потревожило пса: со всех сторон викинга окружили болотные огоньки.

— К-какого жениха? — Сигрид даже попятилась, а Ульв встал.

— А у тебя их много? — Он шагнул к Сигрид, и девушка подумала, что рядом с викингом Стейнсон, может, и выглядел карликом, но на неё всё равно сверху вниз смотрит. Или это просто взгляд у него такой — сверху вниз — независимо от роста?

— Рыжий, большой, бестолковый. Глаза синие.

— Эрик! — юная супруга залилась румянцев куда гуще вдовы Ингунн.

— Хорошо, что вспомнила. Так увидеть хочешь? Любишь его ещё?

Сигрид, беспомощно вжавшаяся лопатками в стену, вздёрнула носик и вызывающе взглянула в изумрудные, искрящиеся глаза:

— Люблю! Всегда буду любить, слышишь?!

— Одевайся тогда, — Ульв невозмутимо плащ на плечи накинул, фибулой застегнул. — Там холодно.

Все знают, как коварны болотные огоньки. Манят, дразнят, запутывают. В самую трясину затягивают, королеве Мэб на потеху.

— Пошли вон! Отродье! — рычит Эрик, описывая мечом размашистые круги. — Проваливайте, откуда пришли!

И бледные огоньки с лёгким шелестом крылышек разлетаются, убегают от блеска лезвия, пугаются запаха железа. Маленькие феи, волшебный народец, придворные королевы Мэб... возмущённые голоса настолько тонкие, что даже слов не разобрать. А Эрик и не пытается. Больше всего он хочет отогнать от себя эту погань. Огоньки не упорствуют — исчезают в тумане, укрываются в листья папоротника, теряются в кронах деревьев и чашечках цветов. Лишь один упрямится, мельтешит у Эрика прямо перед носом, так что приходится отмахиваться уже не мечом, а просто рукой.

Огонёк куда-то зовёт. Но викинг бредёт в противоположном направлении, то и дело проваливаясь в коварную трясику. Пока что псу удаётся его доставать, но сможет ли Эрик идти, когда неверные сумерки на болоте сменит ночная тьма?

Последний огонёк немного тускнеет, будто вздыхает, и пристраивается в хвост Болли. Непрошенный спутник не остался незамеченным — пёс ворчит, но не злобно, скорее, для порядка. Отвлекаться на глупости некогда — за хозяином надо следить.

Сигрид пробирает до мурашек. Но дело не в холодном воздухе: уж очень мрачен тот лес, в который ведёт её Ульв Стейнсон. Колдовской туман, оставивший в покое поселение, отступивший за границу прибоя, здесь снова стелется по земле. Но каждый шаг, каждое движение плаща идущего рядом мужчины отгоняет белесую пелену. Словно зачарованный круг движется по лесу, а в центре круга всегда находится Ульв. И Сигрид, которую он крепко держит за руку. Не так, как держал Эрик, ладонь к ладони — просто обхватил за запястье. Почему-то казалось, что руки у Ульва должны быть ледяные. А они тёплые. И твёрдые. Будто разогретый в очаге камень. Но чем дальше они идут, тем меньше становится круг, тем гуще тени, тем выше поднимается белый морок, тем явственнее пляшущие в тумане фигуры. Вот уже их окружают стены марева, а серебристый свет луны не в силах разогнать мрак на лице Ульва. Его тонкий длинный нос стал похож на клюв, а гладкие чёрные волосы блестят не хуже перьев. Зелёные глаза горят в темноте, искрятся, как драгоценные камни. В тумане тоже поблёскивают парные огни: зелёные, красные, золотые... У одной из белых фигур появились руки, потянулись к Сигрид. Ульв остановился, слегка запрокинул голову и... завыл.

Никогда бы дочь Алвгейра не подумала, что человек может издавать подобные звуки. Да и человек ли? Почти тотчас же на этот зов последовал ответ: вой волков, слившийся в единую жуткую песню, переходящую в медвежий рык, треск лесного пожара, вопль загарпуненного кита...

Туман шарахнулся в сторону, будто испуганный заяц. Ульв зашагал дальше, как ни в чём не бывало, а вдоль его пути, словно волны вдоль борта, потекли мохнатые тени, все как одна — с горящими глазами.

— Страшно? — спросил зять Альвгейра, не останавливаясь.

— Нет, — побелевшими губами ответила дочь ярла. Ответила так твёрдо, что муж замедлил шаг и повернул голову.

— Нет? — тонкая, чёрная, будто углём нарисованная на бледном лице бровь вопросительно надломилась.

— Ты — самый страшный в этом лесу, — через силу, но внятно произнесла Сигрид. —

А ты поклялся меня защищать.

Ульв и вовсе остановился, рывком развернул девушку к себе. Чуть приподнял лицо за подбородок. Глаза у Сигрид расширились, словно не в силах вобрать обрушившуюся с его взглядом зелень... нет, не малахита. Зелень травы и весенней листвы. Безбородое, с точёными чертами лицо оказалось вдруг очень близко. Тонкие, будто обескровленные, губы почему-то пахли мёдом. «Вот что значит «медоречивый», да?» — невпопад подумала Сигрид.

— Умная девочка, — твёрдый, ороговевший палец неожиданно нежно погладил её по щеке. — Умнее, чем твой отец. Даже жаль немного...

Мягкий, будто шелест ветра в листве, голос ещё звучал в ушах, а Ульв уже решительно тянул Сигрид дальше, всё ускоряя шаг. Кажется, навёрстывал упущенное. Девушка позволила увлекать себя безвольно, как кукла. Её трясло мелкой дрожью, руки сделались ледяными, а щёки горели. Не успела Сигрид восстановить дыхание, как проводник снова резко остановился.

— Гляди, — Ульв отодвинул с дороги гибкие стебли осоки. Сигрид чуть наклонилась к чёрной глади пруда, но ничего особенного там не увидела. Только туман вдруг перестал жаться за деревьями, растёкся над самой поверхностью воды. Но Ульва это, кажется, не беспокоило. Он встал у девушки за спиной и положил ладони ей на плечи. — Гляди, — повторил он, и ухо Сигрид согрело тепло его дыхания.

А потом Ульв Стейнсон начал петь.

Эрик прижался спиной к дереву. По крайней мере, корень, на котором он стоит, не уходит под воду. Бессмысленные блуждания выматывали не хуже яростной битвы. Но упрямство викинга не позволяло окончательно опустить руки. Передышку одинокий воин решил использовать, чтобы привести мысли в порядок. Получалось не очень хорошо. Проклятый туман будто набился в голову через нос и уши, потому что мысли двигались вяло, не позволяли разглядеть их очертания. «Что... я здесь делаю?» — тупо спросил сам у себя викинг, безуспешно стараясь ухватить ускользающие воспоминания. Гнев, боль утраты, лица товарищей, блестящие зубы черноволосого ублюдка, Альвгейр с обнажённым мечом и Сигрид...

Сигрид! Сердце встрепенулось, будто птица в клетке. Эрик качнулся вперёд, а туман... туман вдруг отступил. Белые стены раздвинулись, обнажив дорогу. Поначалу Эрик осторожничал, пробовал каждый шаг, но вскоре перестал: под ногами неизменно оказывался камень. Устойчивый. Нерушимый. Надёжный. Викинг шагал и мало-помалу стал различать необычные, неуместные звуки. Чем дальше он шёл, тем явственнее становилась музыка, тем шире делался свободный от тумана проход. И вот уже Эрик стоит на поляне... нет, это не поляна, а развалины. Наверное, когда-то здесь стоял храм. Даже сейчас каменные глыбы, образующие круг, потрясают воображение, и, кажется, вибрируют, отзываются на звуки арфы. Она полулежит в центре круга, запылённая, но всё ещё блестящая живым серебром. Больше половины натянутых в три ряда струн остались целы. Ветер гуляет в них, извлекая ту самую мелодию, что привела сюда викинга. Ту самую, что странным образом...

Эрик протянул руку. Выражение его лица сложно разглядеть под слоем грязи, но в синих глазах искрится любопытство, восхищение внезапно открывшимся чудом.

— Не трогай её.

Голос мелодичный, как весенний ручей. Как серебряный колокольчик.

Эрик вздрогнул и обернулся. Болли как ни в чём не бывало почёсывал за ухом. Если огоньку приспичило поговорить — это его дело.

— Почему? — от неожиданности викинг не спросил ни кто она, ни откуда взялась.

— Королева рассердится, — девушка шагала легко, будто плыла над травой. — Касаться инструмента Великого Барда запрещено. И никто не смеет послушаться, кроме ветра, не знающего преград...

— И что это... за Бард такой? — Гораздо интереснее было бы узнать, что это за волшебное создание с нежным румянцем так доверчиво направляется к викингу, но прямо спрашивать он не стал — побоялся спугнуть девушку с глазами лани.

— Великий Бард был жрецом Кенн Круаха, золотого бога, лившего кровь, скрытого туманом. — Белое платье казалось невесомым, сотканным из паутины. Эрик и думать забыл про то, как сейчас выглядит сам. — Могущество его было велико, ибо люди почитали его и даже приносили в дар своих первенцев...

— Дикари, — просипел викинг враз пересохшим горлом. Но не участь безвестных младенцев так взволновала сурового воина. Ткань платья незнакомки и в самом деле оказалась не толще паутины — струилась по совершенному телу, не скрадывая и не скрывая его выразительных изгибов.

— Кромм Дуб был силен и могуч. — Шаг. Ещё шаг. Глаза женщины светились мягким сиянием болотного огонька. — Но только тот, кто найдёт Душу Ирландии, кто возляжет с ней, и кому она покорится, сможет стать господином всех Зелёных Холмов. — От неё пахло диким шиповником и молоком. «При чём здесь молоко?» — думал Эрик, не в силах оторвать взгляд от двух округлых холмов, интересовавших его сейчас больше, чем все проклятые сиды Ирландии.

— Поэтому он послал Барда к Королеве Мэб...

Внимать рассказу об успехах хозяина трёхрядной арфы в деле покорения Души Ирландии викинг не стал. Рука уже ощутила упругость горячего женского тела. Губы прижались к лебединой шее, немедленно захмелев от её вкуса.

— Я прежде никогда не слыхала, как Бард поёт о любви, — едва слышно прошептала незнакомка, спрятав сияние глаз под сенью ресниц.

— Эрик! — не только голос, но сама интонация — требовательная, решительная — были настолько знакомы, что викинг немедленно разжал объятия и обернулся. Всего на секунду показалось: в неверной дымке тумана на другой стороне круга развалин он различает знакомый силуэт.

— Сигрид!

— Довольно! — Ульв крепко прижал к себе вырывающуюся жену, резким движением развернулся спиной к омуту.

— Пусти! Пусти меня! Я этой швали все лохмы выдеру!

— Успокойся! Ничего она ему не сделает. Сегодня, по крайней мере.

Его голос был твёрд, как камень. Как грудь, к которой сейчас прижимали Сигрид. Она вдруг подумала, что за всё время брака ещё ни разу не была к мужу так близко.

— Откуда ты знаешь? — спрашивая, она постаралась заглянуть ему в глаза.

— Знаю, — Ульв на неё не смотрел. На бледном, чуть зеленоватом лице, отчётливо

проступили заострившиеся скулы. Почувствовав, что девушка больше не вырывается, он убрал руки.

Волшебство угасло. Больше не было колдовских огней, пруд казался самым обыкновенным, даже туман куда-то отступил.

— Пойдём домой? — робко спросила Сигрид и сама взяла мужа за руку.

Ульв кивнул и молча двинулся вперёд.

Болли едва поспевал за хозяином. Как вихрь, как ураган мчался Эрик за неверным видением, мелькающим в тумане.

— Сигрид! — он выталкивал крик через саднящее горло. — Сигрид! — хрипел, сплёвывая кровь. — Сигрид... — бессильно шептал потрескавшимися губами.

Туман исчез. Как не бывало. А Эрик стоял у подножья высоченного дуба. Старого, морщинистого, в три объёма. Обессиленный, потерянный...

К стволу дерева небрежно прислонилась женщина. Стройное тело, красивое лицо, вот только уши... заострённые, без мочек. И рога на голове. Один рог. Второй обломан почти у основания.

— Место узнаёшь? Священное дерево Кромма.

Болли зарычал.

— Ты... — только и смог прохрипеть Эрик, все силы которого сейчас уходили на то, чтобы удержаться на ногах. Сладкий запах клевера кружил голову, туманил взгляд. — Это всё ты...

— Это всё Бард, — Альва рассмеялась. Точь-в-точь, как тогда, над трупами викингов. — Великий Лжец послал тебя на смерть, рыжий. И поделом.

— Зато я... — Эрик слегка покачнулся, но рука опёрлась о высокую холку пса, и викинг встал ровнее. — Зато я вернул обратно туман... королевы Мэб.

Альва сделала два танцующих шага вперёд. Трава под её ступнями не пригибалась. Болли угрожающе оскалился. Она на собаку даже не взглянула — разглядывала Эрика.

— Это марево Кенн Круаха, Скрытого Туманом. Тот, кто тебя сюда отправил, был его жрецом, Великим Бардом.

Викинг заскрипел зубами. Ублюдочный карлик! Чувствовал, что с ним что-то нечисто. Интересно, Альвгейр знал?

— Всё равно, — язык заплетался, Эрик попытался боднуть подошедшую совсем близко альву. — Он поклялся, что Сигрид... не умрёт. Если я всё сделаю правильно.

Волшебное существо так запрокинуло голову, что уцелевшим рогом кольнуло себя между лопаток. И расхохоталось. Звучало жутко. Даже Болли растерял свой пыл и скалиться перестал: напряжённо замер.

— Великий Бард обещал своему богу, что королева Мэб склонится перед ним. И она склонилась, да. Над тем, что от Круаха, известного людям, как Кромм Дуб, осталось. После того, как его убил собственный жрец.

Альва достала нож, и Эрик болезненно зажмурился — так ярко тот засверкал. Одиногорая пристально вглядывалась в лицо, заросшее рыжей бородой.

Есть два дня в году, когда королеву Мэб лучше не беспокоить. Два дня, когда граница

вокруг Волшебных Холмов истончается настолько, что сиды вспоминают о соседях. Люди по ту сторону границы тоже вспоминают о сиадах, а потому от холмов стараются держаться подальше, и увидеть короткоживущих — большая удача.

В тот Самайн Геро повезло.

Солнце начинало клониться к закату, а ветер принёс запах дыма. И звон металла. И крики. Геро напряжённо поводила чуткими ушами, нервно вышагивая вдоль границы. Глупо надеяться, что кто-нибудь из людей придёт сюда и расскажет, что происходит там, за стеной леса. Глупо... она и не надеялась, просто ждала и прислушивалась.

Шаги были лёгкими и бесшумными, как у альва. Ни одна ветка не хрустнула под ногой. Но было в этом беге то, чего не бывает у волшебного народца — страх смерти. Панический ужас.

Девушка с волосами цвета расплавленной меди на поляну перед дубом просто выпала. Выкатилась из леса, будто мячик, которым играют, бывает, юные альвы. Два резких поворота головы взметнули это медно-огненное покрывало, разбросали по плечам, а Геро уже прынула под сень листвы, рассыпалась багровыми сполохами разгорающегося заката... или догорающего пожара? Не заметив никого, девушка упала на колени и начала торопливо чертить руны. Геро заглянула ей через плечо и удивлённо приподняла брови: руны были правильные. Для этого времени. Для этого места. Вот только Великого Барда в Ирландии больше нет. Давно уже нет. С тех пор, как он привёл сюда чужих жрецов и пришлого бога, тех, что убили Кенн Круаха, тех, из-за которых Скрытый Туманом стал Наклонившимся с Холма. Нет больше друидов. Нет и филидов, хоть кое-кто ещё так себя и называет. А барды стали жалкими шавками, которым кидают кости с королевского стола. Король, под которым никогда не вскрикивал камень Фаль, перед колесницей которого никогда не расступались камни, и который в глаза никогда не видел душу Ирландии.

Аластриона лихорадочно царапала сухую, крошащуюся землю. Дуб был так огромен, его крона так густа, что сюда почти никогда не проникали свет и дождь, трава едва пробивалась. Полуоглохшая от стука собственного сердца, девушка не слышала, как пробирались по лесу трое викингов. Но не сомневалась, что скоро они будут здесь. У одного, рыжего, как она сама, был огромный пёс, который наверняка без труда взял след. Правда, Блейн, кажется, выдавил собаке глаз... Аластриона всхлипнула, вспоминая, как хрустнула шея симпатичного парня, на которого заглядывались все окрестные девчонки.

— Вот ты где!

Девушка вскочила. Она знала этот язык. Последние капли старой королевской крови утратчивали земли и власть, но как величайшие богатства сохраняли в семье крупницы знаний. Слова.

— Хочешь обязательно сделать это под омелой? — рыжий доброжелательно усмехнулся и расстегнул пояс. — Не бойся, от одного не понесёшь, так от другого получится. Или от третьего...

Будь тут седовласый Ауд, он бы неодобрительно нахмурился: омела священна. Сошедшиеся под ней должны опустить оружие. Но Ауда здесь не было — он дрался где-то рядом с драккаром, не хочет воду из виду упускать, старый пёс. Эрик пожал плечами, будто спорил с приёмным отцом. Оружие... почему бы теперь и не сложить? На девку совсем другое орудие нужно.

Аластриона не хотела слушать. И не хотела смотреть. Все её мысли сейчас должен был занимать Кромм. Кромм Дуб, убитый бог. Но краем глаза она всё-таки видела пса. И его

окровавленную глазницу.

Ирландка улыбнулась.

— Услышьте меня, — твёрдо, насколько могла, сказала Аластриона. — Сегодня, в Самайн, пусть Дикая Охота гонит это зверьё до самых холмов!

— Держи её! — ещё успел крикнуть Олав, но Эрик запутался в штанах, а в руке бешеной девчонки сверкнул золотой серп. С каким удовольствием она отсекла бы яйца этому рыжему чужаку! Но вместо этого полоснула по горлу. Себя.

Геро не верила своим глазам. Алым, как ягоды омелы, окропило ствол дуба.

Сиды не пьют кровь. Теперь, после ухода Кенн Круаха, не пьют. Но...

— Вот с-сука! — Эрик растерянно попытался оттереть капли с рукава. Как будто вся его одежда не была заляпана в крови родичей этой девчонки.

Долгий поход близился к концу. Многие месяцы опасностей, сражений и лишений. И море — на драккаре, полном мужчин. Потому что женщины больше трёх-четырёх суток не проживали. И их снова очень сильно не хватало.

— Гляди, ещё одна! — Бьорн зачарованно глядел куда-то вбок. О да, там было на что посмотреть.

Высокая, стройная, сияющая гневом, Геро шагала вперёд. И ей плевать было на грань, на холмы и на Самайн. Она рванула ветку омелы и та вытянулась, закрутилась, подобно лозе дикого хмеля. Это не люди, это скот, который Геро будет бичевать, пока не загонит в море, солёные, очищающие воды смоят грязь и кровь, вернутся белой пеной, а северные варвары станут кормом для рыб.

— Альва, — тихо сказал Олав, но никто его не услышал. Эрик с удивлением рассматривал высокие, заострённые уши, изогнутые, изящной формы рога. «Интересно, а мех у неё там есть? Это как козу трахать? Йотун меня раздери!»

— Йотун меня раздери, — зашептал Олав, — надо живьём брать. Альвгейру подаришь.

— Альвгейру? — Альва щёлкнула верёвкой-омелой и сорвала плащ с Бьорна. Тот взвыл.

— Он диковинки любит. — Болли прыгнул и тут же покатился по траве, обиженно поскуливая, как щенок. А в следующий миг, как ни крепко сжимал Олав меч, его вырвало из руки. Запястье полыхнуло болью.

— Тише, отродье! — прошипел он, усмехаясь своему отражению в тёмно-синих глазах Геро. Меч Эрика даже не касался её кожи, а на шее уже появился ожог. — Железа не любишь? Терпи!

Три меча, окованные щиты... Геро передвигалась, как во сне. Всё вокруг пульсировало и переливалось разными оттенками боли. Она почти не соображала, куда её ведут, пока рывок не заставил упасть на колени. Страдание стало настолько пронзительным, что отрезвляло.

Они стояли кружком. Крупные бородатые мужчины глазели на неё, как на диковинное животное. Да она таким для них и была.

— Слышь, — хмыкнул кто-то, — а, это... шерсть у неё там есть?

Геро не стала дожидаться, будут ли они проверять. Лиса, попавшая в силоч, отгрызает себе лапу. Альва в одно движение выломала обмотанный железной цепью рог.

Как она бежала! Никогда до и никогда после Геро не бегала так! Куда там оленям! Ветви родного леса не успевали раздвигаться, сами того не желая, хлестали по лицу. Однорогая альва рухнула от изнеможения уже внутри грота, у самой кромки воды, начисто забыв о том, что в Самайн не следует беспокоить королеву Мэб. Геро подняла голову, и злорадное предвкушение стало для неё живительным нектаром: Дикая Охота Кенн Круаха показалась бы сворой щенят по сравнению с душой Ирландии.

— Надо.....ать... отсюда! — седовласый Ауд с переменным успехом пытался перекричать бешеный порывистый ветер.

— В бурю? — прорычал Эрик. — В ночь?

— Здесь нам точно конец! — поддержал наставника Олав. Он кое-что слышал о сидах Волшебных Холмов. Сказки, конечно. Но если в самом деле существуют рогатые бабы, кто поручится, сколько в тех сказках правды. — Сегодня Самайн!

Захваченную на этом берегу добычу даже не успели толком погрузить. Но странное дело: драккар рыжего викинга ещё не потерял из виду землю, как небо расчистилось. Буря развеялась сама собой. Ветер стих. Волны ласково льнули к деревянным чешуйкам. Только последние багровые сполохи заката напоминали о пролитой сегодня крови.

— Может, вернёмся? — неуверенно предложил Бьорн. — Прочешем лес, найдём ту однорогую...

Эрик, уязвлённый позорным паническим бегством, чуть было не согласился. Но бросил взгляд назад и передумал. Остров заволокло непроглядным туманом. Дико, непостижимо.

— Веди нас домой, вождь, — твёрдо сказал Ауд. — И да хранят нас боги.

— Я вырежу тебе глаз, — обыденно сообщила однорогая. — А потом повешу на дуб вниз головой. У вас, я знаю, больше ценят ясень с целью поумнеть, но тебе дуб лучше подойдёт.

Эрик попытался сбить альву с ног. Вместо этого упал сам. Проклятый туман, сквозь который он продирался столько часов, иссушил, вытянул силы, сковал разум.

— Через пару дней, — продолжала Геро, — я отсеку тебе то, чем ты думал, когда погнался за девчонкой.

Викинг не собирался сдаваться без боя. Он мало на что уже был способен, и просто ухватил альву за лодыжку. Получил чувствительный пинок по рёбрам.

— А потом, — однорогая наклонилась к самому его уху и прошептала почти нежно: — я вырежу тебе сердце, чтобы когда-нибудь затолкать его в глотку Барду. Может, хоть это заставит паршивца заткнуться навсегда.

Жалобно заскулил Болли. Он полз, прижавшись к земле, стараясь подобраться поближе к хозяину, на альву же больше и не думал нападать. В его лобастой голове просто не осталось места для такой мысли.

— Хороший у тебя пёс, — задумчиво сообщила Геро, небрежно провернула в пальцах сверкающий клинок. — Преданный. Жаль, ты на него мало похож... но это мы подправим.

Нож вонзился викингу в правый глаз. Эрик заорал и почти тотчас же погрузился в блаженное небытие.

Глава 3. Нойды

Тем утром Ульв встал не поздно, а очень поздно. Сигрид успела разделать ягнёнка, разложить мясо по бокам очага, придавить раскалёнными камнями, принести из погреба сыр, масло, испечь хлеб и озаботиться прочей мелкой снедью. По опыту молодая супруга знала, что муж проснётся голодным.

Ел он молча. Медленно прожевал мясо, рассеянно разгрыз несколько сушёных слив, небрежно раздавил в руке пару орешков, аккуратно выбрал ядрышки. Сигрид, чуть смущаясь, протянула скир: впервые приготовила сама от начала до конца.

Ульв ел, не отрывая взгляда от супруги. Дочь ярла улыбнулась: на губах мужа остались белые влажные следы, совсем как у младенца. Он, кажется, заметил это, потому что тщательно, неторопливо, всё так же не отрывая взгляда от Сигрид, облизнулся.

Ей больше не было смешно. Вдруг стало очень жарко. В зелёных глазах снова появились золотые искры.

— Я женился на тебе потому, — размеренно сказал Ульв, — что на других условиях твой отец не согласился тебя отдать. А ты мне нужна.

— Нужна? — Сигрид едва выдавила из себя это короткое слово, так пересохло в горле. Грудь сжало сладким томлением ожидания. — Только я?

— Эрик же только в тебя влюблён, — пожал плечами Ульв и сжал в ладони ещё один орех. Скорлупа громко треснула. Сигрид вздрогнула.

— Эрик? — девушка, только что ярко-розовая, сильно побледнела. — А он тут при чём?

— Видишь ли, — Ульв задумчиво перекатывал несколько орешков в ладони, — я должен быть уверен, что он не выберется живым из Зелёных Холмов. А если выберется, то хотя бы никого за собой не приведёт.

— Что? — Сигрид обессиленно упала на лавку напротив. — Как?.. Почему?

— Туман, — заявил Ульв с таким видом, будто это всё объясняло. Супруга непонимающе уставилась на него. Стейнсон вздохнул.

— Твоему ненаглядному приспичило грабить ирландцев аккуратно в Самайн. Но это бы ещё полбеды. Ему непременно нужно было изнасиловать девчонку под омелой...

— Эрик не такой! — выкрикнула Сигрид, в отчаянии запустив в мужа полотенцем. Но промахнулась.

— Жёнушка, — снисходительно-ласково произнёс Ульв, — ты хоть знаешь, откуда дети берутся?

Юная супруга залилась смущённым румянцем, а мужчина продолжил как ни в чём ни бывало:

— ...трахнуть девчонку у самой границы холмов, под священным дубом Кенн Круаха. И по роковой случайности у неё как раз при себе оказалась семейная реликвия — золотой серп. Предугадать такое редкостное стечение обстоятельств было невозможно. Даже мне. Но самое поразительное в том, что твоему Эрику удалось вернуться из-за грани. И королева Мэб теперь спит и видит, как бы повторить его путь и покинуть холмы, туман вот привязала... Я не могу этого допустить.

Ульв говорил так твёрдо и невозмутимо, что Сигрид не оставалось ничего, кроме как поверить каждому слову. Стейнсон продолжал щёлкать орешки, а у его жены голова шла

кругом. Чудовищных усилий стоило просто оставаться сидеть, а не валяться по полу, рыдая и выдирая волосы. Воображение рисовало Эрика. Бездонные синие глаза, рыжие вихры, широкие плечи, могучие руки... сжимающие другую женщину. Сигрид ясно, до боли отчётливо вспомнила видение в омуте. И страсть на лице любимого, жадно припавшего губами к шее незнакомки. Судя по её улыбке, эту брать силой не пришлось бы.

— Его очаровали феи, да? — сдавленно проговорила несчастная брошенная дочь ярла.

— По крайней мере, пытались, — отозвался Ульв. У него кончились орехи.

— И... он теперь останется там? Навсегда? Будет есть, пить и... — Сигрид запнулась, но всё-таки произнесла: — спать с ними?

— Нет, не думаю. Королева Мэб прикажет ему вернуться. Я позаботился, чтобы после того, как туман снова коснётся берегов Ирландии, Эрик стал неуязвим для чар преследования Дикой Охоты. Но она, конечно, заметит мои руны. Так что попытается заставить его взять кого-нибудь с собой. Кого-нибудь, кто пройдёт как нитка в угольное ушко и откроет феям путь в мир людей. Ты мне нужна, чтоб этого не допустить.

— Не проще ли было просто убить Эрика? — безжизненным тоном спросила девушка. Ульв с сомнением повертел в руке сушёную ежевику. Отложил в сторону.

— Я собирался, на самом деле. И его, и весь его хирд. Но твой отец был против. Болтал что-то про долг и честь ярла.

Впервые в своей брачной жизни Сигрид заплакала. Ульв тихо, незаметно сел рядом и стал гладить её по волосам. Слезы текли и текли, будто воды Эльфюсау, и, кажется, уже положили начало ручейку, впадающему в море. Тогда Стейнсон заговорил:

— Запомни, девочка: нет ничего сильнее настоящей любви. Она в песок сотрёт камни, она ливнем зальёт огонь, она вихрем пролетит через море, она развеет любой морок. — Его голос был мягким и тёплым, как весенний ветерок, дурманящим и сладким, как хмельной мёд. — Самое могучее колдовство, самое смертоносное оружие — это любовь. Никто и ничто не сможет ей противостоять.

Сигрид всхлипнула и уткнулась мужу в грудь. Его рубашка немедленно увлажнилась.

— Ульв! — от слёз нос совсем опух, прозвучало гнусаво, — а та... ну, в омуте которая... это королева Мэб была?

Стейнсон тихо рассмеялся. словно горсть драгоценных бусин рассыпал.

— Нет. Просто маленькая фея. Ничего особенного.

— А... королева. Она какая? — Сигрид действительно было интересно. Она уже успокоилась. А вот на лицо Ульва словно напозла тень. Скулы заострились, а глаза вместо весенней листвы застыли узорчатым малахитом.

— Она... другая. Если увидишь, ни с кем не перепутаешь. Но, надеюсь, никогда не увидишь.

Если вас зовут Пёрышком, вы ожидаете, что в жизни вам не придётся поднимать ничего тяжелее перелётного паучка.

Викинг весил, кажется, как целый Мировой Змей. Снимая его с дуба, болотный огонёк приложила Эрика об дерево. Несколько раз. В том числе и головой.

— А дальше? — отчаяние притушило волшебный блеск глаз. Волочь эту неподъёмную тушу Пёрышко не сможет. А когда вернётся однорогая...

В руку ткнулось мокрое и холодное. Пёс викинга глядел на болотную фею умным

Тёмные глаза королевы Мэб больше не метали молнии. Они были холодны, как северное море, с берегов которого начинали путь чёрные стаи драккаров. Прекрасное лицо повелительницы фей дышало спокойствием и уверенностью. Длинные бледные пальцы перебирали в воздухе, будто королева играла на арфе. Это, конечно, было не так. Она играла на тумане. Геро не сразу решилась подойти.

— Говори. — Мэб не глядела в её сторону, но альва низко поклонилась.

— Вы предсказываете будущее не хуже филида, моя королева, — почтительно сообщила Геро. — Пёрышко погрузила рыжего на собаку и повезла на болото.

— Если бы филиды могли предсказывать будущее, их бы не перерезали, как телят. — Мэб сделала глубокий вдох и закрыла глаза, подставляя всходящему солнцу лицо.

В Самайн, когда викингам удалось уйти, Геро опасалась бешеного гнева королевы. Тем удивительнее было увидеть улыбку на её губах. Впервые за многие годы зима в Ирландии выдалась мягкой, а весна ранней. Вот и теперь Мэб витала в облаках. Альва напомнила себе, что неуёмное любопытство уже лишило её рога. Но тут же подумала: от одного рога толку в любом случае немного — можно и второй раз счастья попытать.

— Как вы узнали, моя королева?

— А что ещё оставалось бедной девочке? — Рассветный луч окрасил бледные щёки лёгким румянцем. — Она ведь слышала, как пел Бард.

— Я тоже слышала, моя королева. — Любопытство, с недавнего Геро, затмевало собой даже жажду мести. Мэб покачала головой.

— Нет. Он пел не для тебя. Наш маленький предатель не может по своей прихоти вызывать чувства — только усиливать те, что уже есть.

Геро растерянно молчала. Королева обернулась и открыла глаза.

— Пёрышко тебя ненавидит. За гордость, за высокомерие, за силу, за смелость и за удачливость. Даже за твои рога. А тут мужчина. Такой же сильный, смелый, удачливый. И твой враг.

— Меня ненавидит Пёрышко? Я даже не знала, что такой болотный огонёк существует.

Улыбка королевы теплела, подобно весеннему утру.

— Именно за это яростнее всего и ненавидят. Больно быть тем, кого не замечают.

— Но какой прок в этом Барду? — выпалила альва. — И откуда он мог знать?

— Он не знал, конечно. — Кучерявые облачка разбрелись по небу, как стадо овец. — Но у него тоже не было выбора: Ульв слишком далеко. Нет колдовства сильнее любви, её Бард и использовал. Викинг этот молодой и смазливый... был. — Улыбка Геро вовсе не казалась тёплой и мечтательной. — Наверное, есть у него зазноба за северным морем. А может, даже и не одна.

— Опасно ведь, — совсем осмелела альва. — Чем длиннее цепь, тем легче порвать. А Бард такой хитрый, предусмотрительный... почему сам ближе не подошёл?

— Он не осмелится, — вроде бы, ничего в королеве не изменилось. Но Геро вдруг вспомнила золотого бога Кенн Круаха. И подумала, что после его убийства сама Мэб — Сокрытая Туманом.

— Скоро Бельтайн.

Вестника ярла Сигрид узнала: частенько болтала с ним в доме отца. Как, кажется, давно это было... «О, Вар и Фрейя! — вздохнула юная супруга Ульва Стейнсона. — Всю жизнь вы мне разделили на «до» и «после». Вы и Ульв. А вот Эрик... Эрик...»

— Он ещё спит, — тихо ответила Сигрид, не глядя на парня — думала о своём.

Вестника звали Бьорн, но на медведя он совсем не походил, напротив, был худым и щуплым. Для викинга. А вот по сравнению с этим... со Стейнсоном...

— Спит, так проснётся, — хмуро сказал парень и плечом отодвинул хозяйку дома из проёма двери. У, как ярлову дочку замордовал, выродок. Недаром Альвгейр на него чуть зубами не скрипит. Уж каким солнышком Сигрид была — любуйся да грейся. Как Бьорн на неё заглядывался... не то чтобы всерьёз: куда ему с Эриком тягаться. Так то Эрик, а тут... поговаривают, чуть ли не за колдуна ярл дочку отдал. Сколько в том правды — сразу не скажешь. Но что Сигрид тенью самой себя стала — он и без колдовского зрения видит.

— Вставай! — произнёс Бьорн самым низким голосом, на который был способен. И даже занёс ногу, чтобы по ложу садануть, но хозяин дома открыл глаза. Юноше показалось, что он со всего размаха по скале засадил. Ступня заныла.

Ульв чуть приподнялся на локте и вытянул в сторону руку. Сигрид проворно вложила в ладонь мужа кубок. Не вода и не мёд: пахло ягодным духом. Над сосудом вился ароматный пар: жена с утра отвар сделала.

Пока Стейнсон пил, вестник исподлобья глядел то на него, то на Сигрид, стоящую рядом. Пустые глаза, искусанные губы...

— Нечего разлёживаться, — зло бросил Бьорн. — Ярл приказал тебе к морю явиться!

Ульв продолжал неторопливо пить. Закончив, всё так же, не глядя, протянул кубок Сигрид.

— Ярл. Приказал. Тебе. — его слова падали, как камни. — Явиться. Сюда. И сделать... что?

Парень чуть не зарычал. А ведь он, и правда, забыл!

— Вот! — презрительно, как ему казалось, а на самом деле неловко и поспешно, сунул Стейнсону кусок коры с нацарапанными рунами. Тот бросил на послание всего один взгляд и подскочил, как ужаленный.

Бьорн с неприкрытым злорадством наблюдал за торопливо одевающимся карликом. Если бы молодой викинг умел разбирать руны, злорадство его и вовсе не знало бы границ, ибо ярл Альвгейр написал:

«Неси сюда свой кобелиный хер, урод. Твоя баба меня с ума сведёт».

Пёрышко не разбиралась во врачевании. Болотный огонёк в топь заманивать должен, особо внимательным — клады указывать. По большим праздникам — иллюминантом на балу королевы фей служить. А вот лечить... да ещё людей! Этому её не учили.

Пёрышко со вздохом поправила повязку на изуродованном глазу викинга. Одна надежда на Геро. Ей-то не сложно! Сидам живое существо вылечить или цветок вырастить — всё равно, что цвергу нож выковать или камней драгоценных из недр земли достать. Альвы!

Убивать Эрика однорогая не собиралась. По крайней мере, убивать быстро. Позаботилась, должно быть, чтоб рана побыстрее затянулась. Вон, уже, и жар спадать начал...

Очнулся Эрик оттого, что Болли лизнул его в нос. Тихо приподнялся на локте, огляделся. Небольшая комнатка, деревянные стены, на которых развешаны полки, стоят горшки и мелкая утварь. Короба, плетёнки, какие-то мешочки. Разноцветные камешки весело поблескивают, потолок теряется где-то в полутьме.

Смутно знакомая девушка стоит спиной, наклонившись к столу, что-то помешивает в глиняной чашке. Тончайшая ткань платья соблазнительно обрисовывает крутые бёдра. Иногда Эрику мечталось, чтоб такие формы были у его Сигрид. Нет, он, конечно, и так её любил, но втайне надеялся, что с возрастом округлости станут более пышными. Соратники даже подшучивали над ним: забудь, мол! На Альвгейра погляди — даром, что суровый воин, а в кости тонок, будто яшень молодой. И Хельга его такая же была — мышка-норушка. Что только в ней нашёл? Но, видно, было что-то. Дважды сватался Альвгейр, дважды от ворот поворот получал. А на третий тогдашний ярл чужака из селения выгнал. Несколько лет ни слуху, ни духу не было, но всё же золотоволосый вернулся. И на этот раз привёл свой хирд. Людей у него было не так уж много, но все как один — берсерки. Так Альвгейр стал ярлом, а Хельга — его женой.

Пока Эрик вспоминал старые рассказы, девушка закончила возиться с чашкой и обернулась. Тут же испуганно вскрикнула. В стороны разлетелись глиняные черепки, жаркое варево впитывалось в земляной пол, но Эрику не было до этого дела: он, наконец, узнал эту женщину и теперь крепко держал за запястье.

— Ты! — одноглазый викинг как две капли воды был похож на оскалившегося Болли. — С этой однорогой заодно!

— Нет! — Пёрышко не могла отвести расширившихся от ужаса глаз от безобразной раны на лице Эрика. — Если она узнает, то убьёт меня. И, — тут уголки пухлых губок горько опустились, — ей ничего за это не будет. Геро — альва, любимица королевы Мэб. Таким, как она, всё дозволено. Унижать тех, кто оказался для них слишком хорош. Издеваться, мучить...

— Так ты что же, спасла меня? — синий глаз подозрительно окинул болотный огонёк, вопросительно встретился с глазом Болли. Пёс спокойно лежал у стола, дружелюбно помахивал хвостом.

— Не спасла, — тяжело вздохнула Пёрышко. — Никто не может покинуть край волшебных холмов. А здесь нас рано или поздно найдут. И тогда... — девушка не договорила, только всхлипнула. Глаза тотчас же наполнились слезами.

— Так чего ради ты меня с дуба сняла? — ухмыльнулся Эрик и притянул собеседницу поближе. Как ни странно, чувствовал он себя отдохнувшим и полным сил. Даже глаз почти не болел. Думать о глазе просто не хотелось.

— А что делать было? — снова всхлипнула Пёрышко. — Ты уже второй день висел. Рана почти зажила. А она ведь обещала, что... — Болотный огонёк опустила глаза пониже пояса викинга. Он проследил её взгляд и обнаружил, что лежал под шкурой совершенно голый. Тут же на ум пришло, что раздеть его, кроме этой воздушной феи, было просто некому.

— Я никогда не видела таких... как ты, — тихо сообщила Пёрышко, мимолётно касаясь мускулистой груди. — После того, как Бард сбежал, мужчин совсем мало осталось. Да и те всё больше за альвами бегают. — Узкая девичья ладошка скользнула вниз, прошлась по животу. — Даже Пак... а я, а мне...

Юная фея раскраснелась ещё сильнее, сама подалась вперёд и вдруг выпалила:

— Это всё королева! Она всех извела! Ледышка неприступная! Бард ведь служить ей взялся, каких только подвигов ни совершал, какие песни пел, а она всё на него, как на пустое место смотрела. Будто и нет его вовсе, просто ветер в ветвях шумит. Кто ж такое вытерпит? Вот он и...

Во второй раз выслушивать бредни про какого-то Барда Эрику вовсе не улыбалось, так что он, не мешкая, прервал поток красноречия самым действенным способом, который пришёл ему в голову. Мягкие, чуть влажные губы феи сначала испуганно вздрогнули... а потом ответили горячо и жадно. Упругая, идеальной формы грудь сама легла в руку. «Эдакой доброго воина можно вскормить», — подумалось викингу. Вторая рука тем временем вздёрнула паутинку платья и проверяла, подходят ли бёдра для рождения героев. Бёдра, определённо, подходили. И подходили не только для этого.

Эрик решительно повалил Пёрышко на лавку.

Удостоверившись, что у хозяина всё хорошо, Болли потихоньку выбрался наружу. Дразнящий запах белой волчицы давно уже будоражил пса, и только преданность заставляла его сопротивляться зову крови.

Волчица с независимым видом стояла неподалёку от входа в жилище болотного огонька. Кокетливо повела мордочкой, игриво приподняла пушистый хвост. У неё была течка.

Ульв не успел ещё и штанов зашнуровать, как Сигрид повисла у него на руке:

— Возьми с собой! Я по отцу скучаю!

Муж поглядел рассеянно, даже не ухмыльнулся.

— Идём.

Потянул к себе рубаху, но вдруг замер, словно к чему-то прислушался, тонкие губы чуть дрогнули в улыбке. Небрежно, будто какую-то мешковину, швырнул тончайшую шерсть под ноги. Не только Сигрид, но и Бьорн с любопытством наблюдали, как Стейнсон откинул крышку резного сундука и бережно достал оттуда ярко расшитую одежду. Жёлтый, красный и чёрный цвета переплетались замысловатыми узорами из кругов и ромбов, по центру бежало целое стадо оленей. Один из них, самый крупный и красивый, стоял поодаль, задумчиво опустив голову.

Ульв влез в рубаху, затянул пояс. На груди у него, примерно напротив сердца, пришлась фигурка расправившей крылья красной уточки.

На побережье оказалось многолюдно: всё селение высыпало к воде. Оно и не мудрено: не каждый день доводится увидеть настоящего колдуна-саама. А уж тем более двух. Сухонькая, сморщенная, как первый весенний гриб, старушка опиралась на руку Альвгейра и, посмеиваясь, еле-еле переставляла ноги, смешно раскачиваясь при ходьбе. Она что-то тихо лепетала, и спина ярла становилась всё напряжённее и напряжённее. Отстав на полшага, за ними шёл молодой темноволосый мужчина. Его наряд, с меховой оторочкой и поясом, увешанным металлическими кольцами, показался забавным кому-то из молодёжи. Но не успел шутник и рта раскрыть, как схлопотал затрещину от хирдмана ярла. Сурово зыркнув, воин оттеснил юношу назад. Тот непонимающе уставился в широкую спину.

— Поосторожней с ними, мальчик, — глаза старого Дага блестели юношеским восхищением. — Я ещё помню трудные времена, когда приходилось покупать у саамов не только попутный ветер, но и дождевые тучи. И обходилось недёшево, скажу я тебе. Хотя оно того стоило. Не выпускай из клетки души вздорного зуйка необдуманных слов. Побереги ярлу казну.

— Покупать... ветер? — недоумённо спросил юноша.

— Попутный! — весело поднял вверх палец старик. — Даёт тебе шаман верёвочку, а на ней три узелка. Выходишь в море, развязываешь один, и до самого заката тебе дует в спину. Главное, не дурить — все сразу не развязать.

— А что тогда будет? — заинтересовался молодой викинг, следующей весной уже рассчитывавший на собственный драккар.

— Плохо будет, — вздохнул старик и погладил бороду, скрывавшую горьковато-мудрую усмешку человека, с высоты преклонных лет вспоминающего ошибки молодости.

Молодой шаман прошёл мимо, никак не показав, что слышал разговор. И Альвгейр позавидовал его самообладанию. Самому ярлу с каждой минутой всё труднее было сохранять любезное выражение лица гостеприимного хозяина.

Стейнсону, поджидавшему гостей уже у входа в медовый зал, Альвгейр обрадовался, как родному. Цепкие пальцы старушки выпустили, наконец, предплечье ярла, позволив тому вздохнуть с облегчением. Сигрид подбежала к отцу, но Ульв этого не заметил. Он смотрел только на седовласую гостью. Смотрел так пристально, что та, неожиданно и для себя, и для своего молодого спутника, смутилась.

— Что ты улыбаешься, Волк, — сказала старушка по-девичьи звонким голосом, — будто видишь перед собой не трухлявую колоду, а молодую красавицу, которой волосы распустил?

— Я её и вижу, — ответил Ульв, не переставая улыбаться. Его голос, напротив, прозвучал низко, почти хрипло. Стейнсон, наконец, оторвал взгляд от лица гостьи и перевёл его на гостя. — Это твой сын?

Весёлые морщинки солнечными лучиками разбежались по лицу женщины. Сухонькая ладошка задела чёрную прядь, ласково погладила Ульва по гладко выбритой щеке.

— Это мой средний внук. Мой и Медведя. Знаешь, сколько зим прошло с тех пор, как вы оставили Суоми?

— Я не считал, — ответил Ульв, продолжая рассматривать молодого мужчину в диковинной одежде. Тот встретил взгляд твёрдо, но без вызова, почтительно наклонил голову, выказывая уважение.

— Из него получился хороший нойд*, — уверенно сказал Ульв.

— Получится когда-нибудь, — старушка обернулась и ласково посмотрела на внука. — Чему хотела, я успела его научить. А остальное уже самому придётся у духов выпытывать.

Она лукаво сощурилась, отчего пришли в движение мелкие складочки вокруг глаз.

— Если духи, помимо Мяндаша**, захотят с ним говорить.

Ульв бережно подхватил женщину под руки.

— Пойдём, Акка***, ты устала с дороги. Я налью тебе мёда, чтоб согреть тело и спок песню, чтоб порадовать душу.

Старушка с притворной строгостью шлёпнула его по руке.

— Всё бы тебе шутки шутить, насмешник-волк. Я не Луна, чтобы ты мне песни пел. И даже не утка... — тонкий, как веточка, палец, осторожно разгладил вышивку на рубахе

Стейнсона. — Но мне приятно, что ты её хранишь...

*Нойд — жрец-шаман, носитель духа-предка. При определённых обстоятельствах способен превращаться в соответствующее животное.

**Мяндаш — саамское божество. Серебристо-белый черноголовый олень с золотыми рогами и полузакрытыми глазами: их огонь так ярок, что человек может ослепнуть от их сияния.

***Акка — (фин. Akka — утка). Одно из саамских божеств, прародительница людей и животных.

— О чём они говорят? — Сигрид нетерпеливо дёрнула Альвгейра за рукав. Беседа велась на языке саамов, и никто из викингов ни слова не понимал.

— Просто болтают. — Ярл хмурился. Нахальная шаманка всегда его злила. А её внезапное появление не сулило ничего хорошего. — Не виделись давно.

— Это его мать? — девушка присматривалась к саамке с явным любопытством. Альвгейр даже закашлялся.

— Нет, не мать... просто знала его когда-то. Давно.

— А тебя?

— И меня, — нехотя отозвался отец. — Но... не так близко.

Бьорн, стоявший тут же, поблизости, готовый следовать за Сигрид и защищать девушку от возможных притязаний смехотворного шамана, понял, что кому-то придётся защищать старуху-шаманку от притязаний дочери ярла. Сигрид явно вознамерилась свести с ней короткое знакомство.

Гостя же тем временем сделала шагок назад, оглядела любопытно глазающую на неё толпу, убедилась, что всё внимание принадлежит ей, и произнесла разборчиво, громко и почти правильно на языке викингов:

— Твоя твёрдость вернула мир нашей земле, Ульв. Теперь дети оленя и медведя живут рядом, но духи предков велели передать тебе: грань тонка, а Скрытая Туманом сильна, как никогда, даже до северных берегов докатились её чары. Знай же, что нойды саамов на твоей стороне.

Она сделала попытку поклониться, но Стейнсон проворно поймал её за плечи и прижал к груди. Его тонкие губы были плотно сжаты, а взгляд задумчив.

Существовал довольно сложный ритуал, согласно которому ярл принимал знатных гостей, и согласно которому их рассаживали. Но Стейнсон непреклонно заявил:

— Она не викинг и не женщина викинга. Она — нойд. Я хочу, чтобы Акка сидела во главе стола.

Старуха лукаво поглядела на напряжённого Альвгейра и с неожиданной мягкостью произнесла:

— Будет вам, почестями меряться. Я сюда не для того явилась. Стара я уже с духами воевать. Онни, подойди. Вы мужчины, вам и совет держать. А меня, вон, — ясные серые глаза безошибочно нашли в толпе дочь Альвгейра, — девочка проводит. Устала я с дороги, ноги уже не те...

Ульв покосился на Сигрид с лёгким сомнением, но всё же сказал:

— Акка — дорогой гость для меня. Будь к ней внимательна. И не вздумай готовить рыбу.

Бьорн перехватил взгляд Альвгейра и понял его без слов: кивнул едва заметно. Шаман Онни поклонился старухе, признавая её право распоряжаться, и подошёл к Ульву. На Альвгейра он обратил не больше внимания, чем на ярких тупиков, встречавших лодку саамов на побережье.

Стейнсон мотнул головой в направлении исполинских дверей медового зала.

— Давайте, раньше сядем, раньше встанем.

— Время дорого, — подтвердил Онни приятным низким голосом. Это были первые слова, которые от него услышали викинги.

Сигрид заботливо подхватила под руку старушку-гостью, но стоило мужчинам скрыться в пиршественном зале, как смешная семенящая походка шаманки сменилась галопом, достойным молодой оленихи. Бьорн, вынужденный передвигаться скрытно, за женщинами едва поспевал. Сигрид же старуха почти волочила за собой, весело посмеиваясь.

— Так ты, значит, дочка Альвгейра и жена Ульва. Породнились, стало быть. Вот не ожидала, не ожидала. Муженёк твой полон сюрпризов.

— И не только он, Акка, — захлёбываясь от быстрого бега, пробормотала Сигрид.

Из-за спины старушки раскатился горошинами дробный скорый смешок.

— Это от возраста, деточка. Доживи до моих лет, и о тебе люди невесть что думать будут. Что уж про таких, как Ульв с твоим папочкой говорить...

— А... что про них можно... говорить? — Сигрид не хватало дыхания. — Расскажите, пожалуйста! Я папу что не спрошу о прошлом, он хмурится, Ульв — смеётся, а кто они, откуда... у нас тут никто не знает.

— Да и немудрено, — старушка повернулась, блеснула жемчужно-белыми ровными зубами. — Много ли викингов до седин доживают? Только мамку перестал сосать — на корабль да в море. А там уж кто вернулся, кто на дне морском очнулся...

— Очнулся?

— Ой, да не слушай, меня, старую, болтаю всё, болтаю...

Сигрид между тем задумалась, есть ли среди викингов действительно пожилые. Ауд казался ей древним старцем, но был ещё крепок телом и духом, седина только тронула его тёмные кудри.

— У нас есть старый Даг, — радостно вспомнила дочь ярла.

— Это одноногий? — проявила неожиданную осведомлённость её спутница и снова прыснула смешком. — Помню его, помню. Мальчишкой ещё. Ветер попутный у меня покупал. — И снова залилась смехом, звонким, по-девчоночьи чистым.

— Они с отцом в ваши земли ходили? — осторожно закинула удочку Сигрид. Про покупку ветра она не очень поняла, но раз покупал, а не силой брал, стало быть, не с набегом были, а мирно разошлись.

— Нет, — отозвалась старушка, постепенно сбавляя шаг. Женщины оказались у стены леса, и только сейчас Сигрид поняла, что не она вела гостью к дому, а та тащила её за собой какими-то тайными тропами.

— Дорога там, — попыталась девушка, наконец, задать направление.

— Срежем чуток, — непреклонно заявила шаманка и снова дёрнула Сигрид за руку. Та только ойкнула.

— Нет, — продолжала старуха так спокойно, будто не шла по дремучему лесу, полному злых, оголодавших за зиму медведей, а сидела за прялкой в тепле и уюте мужниного дома, — Даг ещё прежде Альвгейра проплывал. Два драккара у них было. Он один в живых и остался. А папочка твой его с собой согласился забрать. Вот тот и помалкивает. Да и про нас болтать... — старуха хихикнула, но не договорила: в чаще раздался треск.

«Ну вот! — безнадёжно подумала Сигрид, разглядывая огромного, как гора, медведя, неторопливо вышедшего им навстречу. — Погибать дурной смертью во цвете лет из-за выжившей из ума старухи!» Медведь, впрочем, не казался злым и голодным. Он подошёл вразвалочку, мягко переставляя огромные лапы, осторожно ткнулся широким лбом в бок старухи.

— Ну вот и ты, — шаманка погладила бурую морду. — Не утерпел... гляди только, маленькую не напугай.

Медведь лениво покосился в сторону Сигрид, пробурчал что-то, не размыкая пасти, и снова уставился на саамку преданно, будто Болли на Эрика. Недолго думая, старуха стала взбираться медведю на спину. Тот услужливо присел, а когда она устроилась, посеменил прочь, удостоив дочь ярла только отрывистого презрительного фырканья.

— Иди сюда, девонька, не бойся, — весело выкрикнула старуха с высоты косматого зверя. — Наверх не приглашаю, уж извини, больно он до юбок падок. Но у тебя ножки молодые, глядишь, не отвалятся по дороге. А потеряешься — что я мужу твоему скажу?

Сигрид опасливо приблизилась.

— Это какое-то колдовство?

— Ой, да какое это колдовство, — небрежно, как от мухи, отмахнулась старуха. — Это нойд-медведь, мой муж.

— Как это — муж? — округлила глаза Сигрид. — Вот этот?

На этот раз рассмеялся даже медведь. Не то что рассмеялся, а зафыркал, так что даже расчихался.

— А у тебя — волк, — хохотнула шаманка. — Не съел пока, как я погляжу. Так нойд это человек всё-таки, большую часть времени. Только при камлании дух предка в себя впускает, настоящим зверем делается. А что по мирам ходить умеет... так мало ли кто что умеет. А вот Ульв...

— А что Ульв? — вырвалось у Сигрид с таким нетерпеливым любопытством, что медведь, которого она уже забыла бояться, снова расчихался от смеха.

Было время, когда бог-олень Мяндаш жил среди людей и помогал им и делом, и советом. Это было время счастья и изобилия для всех жителей Суоми, и даже не только для тех, в чьих жилах текла кровь отца-оленя и матери-шаманки. Все, кто пошёл от мужчины и женщины, вылупившихся из пятого яйца Акки, Мировой Уточки, после рек, зверей, птиц и рыб, жили в мире и благоденствии.

Но это время давно прошло. Олли стал нойдом в год, когда дети медведя пришли на земли оленей и перебили едва ли не треть племени. Не вспомни Мяндаш о своих детях, и не осени своим присутствием молодого шамана, перебили бы всех. Или стада бы все увели, что означало такую же верную смерть. Олли знал: его способности невелики. Всего несколько

раз камлание выходило удачным настолько, чтобы пересечь границу Срединного мира. И ни разу путешествие не заканчивалось Верхним, где можно было просить помощи и защиты у благостных предков. С существами же Нижнего мира Олли никаких дел иметь не хотел. А вот нойд-медведь был не таким брезгливым: раз за разом шастал в тёмное обиталище, и однажды предок действительно вселился в него, порвал в клочья тогдашнего вождя племени и его двоих сыновей. После этого то ли нойд старался обходиться без помощи покровителя, то ли медведь больше не захотел его навещать, а только Олли знал — алчный нойд медведей больше не пользуется помощью своих предков. Но это не помешало ему захватить власть и пламенными речами поднять сородичей на разбойное нападение.

— Они олени, — презрительно завершил нойд свою речь. — Олени жрут только траву. И сами должны становиться пищей для того, кто сильнее. Это — закон. Так повелели боги!

Олли знал обо всём этом, будто видел и слышал собственными ушами: олень-предок Мяндаш вселился в него ненадолго, но оставил по себе яркие, животрепещущие воспоминания. Медведям не удалось застать соседей врасплох. Убитых было много с обеих сторон. Убитых людей и, что ещё важнее, убитых оленей. Зиму пережили тяжело. Так теперь переживали каждую зиму.

Быть нойдом — не врождённый и не наследственный дар. Нельзя точно сказать, кого выберет дух. Чаще всего это бывают мужчины, и чаще всего нойдами становятся сыновья нойдов, но лишь потому, что их духи находят наиболее удобными: отец уже научил отпрыска видеть духов, говорить с духами и вежливо взывать к духам. А также — быть осторожными.

У Олли было два сына. Старшего задрал в лесу медведь. Отец знал, что медведь был самый обычный, и его общими силами даже затравили. И съели. Но от этого было не легче.

Второй сын не пережил своей первой зимы: она выдалась особенно суровой, холодной, а, главное, долгой. Никто из детей, родившихся в тот год, не выжил.

Девочка появилась, когда Олли минуло уже сорок зим. Многие говорили, что в шалаш к его жене, верно, ходил кто-то другой. Нойд знал, что это ложь. Но даже если бы не знал, ему было уже всё равно. Отец назвал дочку Сату — «Радость». Поздняя радость не только выжила, но и росла здоровой и крепкой. А главное — умной. Олли и сам не заметил, как начал учить её смотреть и видеть. Сату схватывала на лету, и стареющий нойд лелеял надежду, что после его смерти будет кому принять в себя предка-оленя. Женщины-нойды — редкость, конечно, ну да нойды вообще редкость. А ведь была женщина-шаманка, от которой вёл род и сам Олли...

Вот как сложилось, что когда к берегу Суоми причалила лодка, шедшая против ветра, Сату не бросилась, как прочие девушки, расспрашивать божественно красивого высокого мужчину, кто он таков и откуда. Да, он умел заговаривать воду, и у него были золотые волосы, крупными кольцами падающие на плечи. Но с водой Сату и сама могла договориться. С водой, с ветром, иногда — даже с облаками. Только земля оставалась глухой и мёртвой, как девушка ни просила. А волосы... ну что волосы? У неё у самой — хоть кто обзавидуется. Да склоты, под платок спрятаны, не видно.

На руле в лодке сидел волк.

Волк!

Сату никак не могла взять в толк, как можно дивиться обычному, в общем-то, мужику, и проходить мимо такого! Не сразу она поняла: по какой-то нелепой случайности всем остальным огромный чёрный зверь кажется человеком. Немного скосив глаза, она даже стала смутно различать силуэт выбирающегося из лодки темноволосого мужчины. Он был

невысок ростом (ненамного выше того огромного волка в холке), худощав, поджар и бледен. Неужели, так выглядел бы пушистый зверь, с которого сбрили шерсть?

А ещё у него были зелёные глаза. Зелёные. Такие, каких Сату до сих пор не видела нигде. Должно быть, такого цвета трава на пастбищах Верхнего мира, где вольготно пасётся олень-предок Мяндаш.

Волк перехвалил её взгляд. И улыбнулся. Сату бросилась бежать.

Нойд-олень Олли поразил родичей тем, что прошёл мимо чудесного золотоволосого новоприбывшего без всякого интереса. А перед его невзрачным спутником опустился на колени.

Олли знал, что каждый дурак с хорошей памятью и толикой ума может заговаривать с водой: она наш общий предок, без воды нигде и никто не живёт. А вот нойдов-волков не бывает. Волк не заигрывает с людьми, волк не ввязывается в споры. Он следит за равновесием и законом. Вот почему ни один саам не станет охотиться на волков, даже когда их расплодившиеся стаи нападают на стада оленей.

— Я не знаю, зачем ты пришёл, о Волк, — произнёс Олли на священном наречии, — но прошу тебя: не дай умереть землям Суоми. Твои дети злы и обильны, но с каждым годом становится всё хуже, и хуже. Трава не может пробиться из-под снега, а рыба — пробить лёд, голод гложет нас и наших детей, но хуже всего, что много зим нету согласия между медведем и оленем.

— Встань, нойд, — сказал Волк, и его голос был одновременно тёплым и твёрдым, как разогретый на солнце камень. — Я сделаю, что ты просишь. Но мне потребуется помощь.

— Все люди-олени на твоей стороне, о Волк, — ответил Олли, которого избрали вождём в эти тяжёлые времена. Как ни трудно приходилось, а все понимали: не будь поддержки Мяндаша, олени были бы уже мертвы.

— Да будет так, — ответил пришлый, и на скале позади Олли сами собой появились глубоко высеченные замысловатые руны.

Глава 4. Величайшее колдовство

— Расскажи, как у вас... там, — попросила Пёрышко, доверчиво прижимаясь к плечу Эрика. На кончиках её ресниц подрагивало любопытство. Так просят странника рассказать сказку о дивных краях за высокими горами, за глубокими морями.

— У нас... — викинг задумался. Риторика не была его сильной стороной, за что Альвгейр частенько пенял молодому предводителю. «Вождь должен уметь вести за собой, — повторял он. — Не только примером, но и словом. Словом даже предпочтительнее. Потому что это позволяет сформировать не только арьергард, но и авангард». Эрик не всё понимал из того, чему пытался обучить будущего зятя ярл. Но от этого восхищение предводителем не только не страдало, но даже выигрывало.

— У нас замечательный вождь, — сообщил фее викинг. — Он самый мудрый, самый храбрый и самый доблестный воин. Ауд говорит, что с тех пор, как Альвгейр победил старого ярла и принял нас под свою руку, жить стало намного легче. Женщины стали больше рожать, а дети — меньше умирать. Драккары возвращаются с богатой добычей из походов, и мы не знаем больше ни голода, ни холода. Ярл повелел захватывать не только золото и драгоценности, но и мастеров, ведунов, и прочие диковины, так что в наших домах теперь много хитрых придумок.

— А жена у него есть? — перебила Пёрышко.

— У ярла? Нет, нету. Умерла. Только дочка осталась. — Тут Эрик мечтательно улыбнулся, а фея чуть заметно нахмурилась. Но тотчас же согнала облачко с лица, закинула полусогнутую ногу мужчине на пояс и одарила страстным поцелуем. На некоторое время Эрик отвлёкся от рассказа.

— Ты заберёшь меня с собой? — молочно-белый, упоительно нежный пальчик заскользил по бешено вздымающейся груди викинга, пытающегося отдышаться, стал спускаться ниже, ниже...

— Да, — со стоном выдохнул Эрик. Любой мужчина на его месте сейчас ответил бы то же самое.

— Хорошо. — Пёрышко обворожительно улыбнулась и склонила златокудрую головку на могучее плечо. Эрик слушал её ровное дыхание, вдыхал дразнящий аромат молока и думал: «В конце концов, а почему нет? Сигрид, конечно, это не понравится... ну да привыкнет. Она, всё-таки, будет женой. А в наложнице ничего плохого нет. Будет ей по дому помогать... — викинг огладил упругую высокую грудь. — Детей кормить... — Пушистые ресницы слегка вздрогнули, Пёрышко промурлыкала что-то неразборчивое и подалась вперёд. — Возьму! Йотун меня раздери, если не возьму!» Маленькие, полудетские ладошки шаловливо поглаживали в таких местах, что жгучее удовольствие достигло предела, когда начало причинять Эрику боль. Он перехватил оба запястья феи одной ладонью, а второй смахнул баночки и чашки со стола. Пёрышко чуть вскрикнула: не то сожалела о своих зельях, не то от того, что её водрузили на их место и решительно раздвинули ноги. Запах молока заглушил дугой: резкий, терпкий и пряный, под рукой у Эрика стало тепло и влажно, как в летнем болоте. Ему вспомнилось, как Ауд учил мальчишек пробираться через трясину: аккуратно погружать шест, пока тот не коснётся дна, и тут же проворно доставать обратно, чтобы снова погрузить, отметить следующий шаг... Фея-болотный огонёк извивалась ужом,

время от времени издавала влажные, нечленораздельные звуки, наводившие на мысли не то о водах болот, не то о криках вьющих там гнёзда птиц, умело заманивала путешественника к желаемому омуту. Напряжённая плоть викинга обрела твёрдость морёного дуба, фея отвечала с упругой податливостью гусяного пёрышка. Когда измождённый путник упал лицом меж двух ароматных «кочек» и уснул, невольно ослабив хватку, руки и ноги девушки обвили крепкое тело подобно побегам дикой омелы. Пёрышко губами сняла капельку пота у Эрика с виска и неторопливо начала выводить по щеке языком: «М-О-Й».

Геро застала королеву плетущей венки из кувшинок. Опустив голову, Мэб тихонько напевала под нос. Альва осторожно приблизилась к чёрно-зеркальной глади пруда. По спине пробежал холодок, хотя тумана поблизости не было.

— Где собака? — Последняя, самая крупная, кувшинка заняла своё место, замыкая цветочный круг, становясь одновременно его центром, началом и концом.

— В берлоге. — Альва заворожённо глядела в восковую чашечку, наполненную трепещущим, но непонятным колдовством. — Старого вожака волчьей стаи порвал. Отлёживается.

— Хорошо. — Королева жестом приказала Геро наклониться. Альва подавила порыв бежать прочь, сверкая пятками. Подчинилась.

Мэб водрузила своё произведение на голову однорогой, после чего рассыпалась легкомысленным роем ярких, неправдоподобно огромных бабочек. Такое поведение было столь необычно для повелительницы фей, что Геро долго ещё в недоумении следила за разлетающимися точками и не сразу обратила внимание: голову перестало клонить влево. Но когда, наконец, заметила, не удовлетворилась отражением, глядевшим на неё с тёмной поверхности омута — по желанию королевы там можно было увидеть не только то, что есть, но и что было, или же только могло бы быть. Долго и тщательно Геро ощупывала трагически утраченный правый рог. Тот упрямо оставался на месте, будто никуда и не отлучался.

— Так что, она в любой момент могла это сделать? — сама у себя спросила альва со слегка вытянувшимся лицом.

Мимо пролетела говорливая стайка ласточек и цветочных фей, оставила за собой облако сладкой пыльцы и повисшее в воздухе: «Завтра! Завтра!! Завтра!!!»

Завтра Бельтайн.

Чествование необычного гостя протекало весело и шумно: мёд-то ярл ставит. Повод не так уж важен. Впрочем, необычная внешность шамана и сама по себе вызывала любопытство. На другом конце стола травили байки про саамов, правда, вполголоса. Сам Онни, проголодавшийся с дороги, молча уплетал жаркое, не забывая отдавать должное соленьям и ягодам. Ульв заметил, что тот старается отведать всего понемногу: мочёные яблоки, рябину в меду, китовую отбивную... что-то у него на родине готовили иначе, что-то не готовили вовсе. Любопытство в сочетании с аккуратной неторопливостью расположили Стейнсона к молодому гостю. Альвгейр же поглядывал на саама исподлобья, видел в нём только скорбного вестника. Когда Онни накрыл кубок ладонью, не позволяя наполнить мёдом, ярл нахмурился, даже хотел указать на неподобающее поведение гостя, но Ульв опередил:

— Воды ему принеси, — сказал он девушке, замершей с кувшином в руках. — И мне тоже.

— Что это за выходки? — прошипел Альвгейр вполголоса. — Явился в мой дом без приглашения, так ещё и угощением брезгует?

— Он не к тебе приехал, а ко мне, — надменно возразил Ульв, а Альвгейр мгновенно вскипел, но ссоре не суждено было разгореться. Онни, невозмутимый, как заледеневшее море, снова подал голос:

— Будет разговор. Голова ясной должна быть, — выговор хороший, но наречием викингов молодой саам владел явно слабее своей бабки, тщательно подбирал слова. — Зелья, дым — потом. Когда камлать. Если надо. Я могу, бубны привезли.

Ульв переглянулся с Альвгейром, мотнул головой в сторону гостя, криво усмехнулся и произнёс на шелестящем наречии альвов:

— А парнишка-то профессионал. Ещё нам с тобой нос утрёт. Совсем озверели тут.

— За себя говори, — буркнул ярл тем же манером, демонстративно опрокинул в глотку кубок.

К дому вышли неожиданно и быстро. Сигрид оглянуться не успела, как уже стояла на собственном крыльце, хлопала глазами на старушку-гостью. Шаманка, подбоченясь, разглядывала жилище. Медведя — как не бывало.

— Симпатишно, — выдала, наконец, саамка и потрусила к двери. — Эк для тебя волчок расстарался, — продолжала оглядываться гостя уже внутри. Особенно внимательно рассмотрела застеленное шкурами ложе. Присела даже. — Удобно. Заботливый, ценит тебя, видно.

— В-вы так думаете? — осторожная Сигрид решила не упоминать, что роскошным домом обязана скорее отцу, чем мужу.

— Я, деточка, редко говорю, чего не думаю, — коротко хохотнула шаманка, немедленно сделавшись очень похожей на Ульва. — Где ж это видано, чтоб волк под крышей спал? Сколько ночей у меня в шатре провёл, а всё одно на земле ему ближе. Как ландыши цвести начинают, так и вовсе с ума сходит — валяется на спине, как щенок, только лапками дрыгает.

— Ландыши? — растерянно переспросила Сигрид, сама же подумала: «Бабка эта, кажется, чокнутая. И чем она Ульву сдалась? Может, от ран его выходила, или ещё что?» Встреча с медведем в лесу казалась уже далёкой и нереальной, словно увиденной во сне. Женщина же, подхватившая за хвост огромного лосося, выглядела совсем обычной, будничной.

— Чего это он там про рыбу говорил?

— Чтоб я её не готовила, — покраснела Сигрид. — Не нравится ему. Говорит, пересушиваю сильно.

Старушка захихикала. Хозяйка дома чуть было не обиделась, но вовремя сообразила, что смеются не над ней.

— Вот морда чёрная! — покачала головой саамка и ловко отсекла лосося голову. — Что рыбу, что мясо, сырым, бывает, лопают, а туда же! Нос воротить! — Старуха поманила Сигрид пальцем. — Ходи сюда. Покажу, как надо.

Девушка покладисто приблизилась, взяла второго лосося и постаралась в точности

повторить все движения шаманки.

— А вы... — Сигрид замялась, не зная, как лучше сказать. — Ульв... гостил у вас в... доме? — мысленно зацепилась она за упоминание о шалаше.

Гостья внимательно поглядела на девушку. Морщинистые щёки тронула мечтательная усмешка.

— Да и папочка твой захаживал, бывало, — прыснула она коротким смешком. — Пытался. В тот раз я впервые Мяндаша своими глазами увидела. Когда он Альвгейра на рога поднял.

Хозяйка слушала внимательно, хотя и не очень понимала. Рассказчица это заметила, пояснила:

— Давно это было. Я ещё девчонкой глядела, вот не старше тебя.

Сигрид постаралась определить, сколько лет старухе. По всему выходило, что когда она была девчонкой, её отца с Ульвом ещё и на свете не было, либо уж сущими младенцами она их знала. По крайней мере, последнего.

— Они детьми в Суоми жили? — в глазах дочери ярла блестела неподдельное любопытство. — С родителями? Какие они были? Я и маму-то почти не помню, а про дедушку с бабушкой отец мало говорит. Что хорошей крови, родом из далёких земель, да на этом и всё.

Саамка вдруг задумалась.

— Кровь в нём хорошая, сильная, да. Но только половина. В тебе — того меньше. Но кровь — не всё ещё. В Альгрейве... много гордости. Мало мудрости. У Ульва — тоже, но к нему и мерило другое прикладывать надо... что ж ты делаешь, дурында? — с той же интонацией продолжила старуха, глядя на руки Сигрид. — Ты ж пузырь порвала... э-э-э... изгадила всё. Тащи молоко теперь, а то горько будет. Молоко-то есть у тебя?

— Есть, — придушенно пискнула юная хозяйюшка и бросилась за горшком.

— Ой, дети... — бурчала под нос саамка, вымачивая пострадавшего лосося. — Кругом дети! И их дети... мало того, что не стареют, так и не взрослеют. За папашкой твоим всегда много девок бегало, — сообщила гостья, вполглаза поглядывая на Сигрид. — Братишек-сестрёнок у тебя, небось, по пальцам не пересчитать. Только что в отцы, если не в деды годятся тебе. А Альвгейр с тех пор ничуть не изменился. Разве вот бороду носить стал.

Это сообщение Сигрид не взволновало. Напротив, девушка приняла его не веру сразу и на удивление спокойно. Не маленькая ведь, замечала, что отец немногим старше Эрика выглядит. А всё отодвигала, гнала эту мысль от себя подальше. А что муж её не человек, давно поняла. Теперь же её интересовало другое.

— Так у вас с Ульвом... тогда... ну... — девушка снова замялась. Ревновать к рассыпающейся от старости шаманке смешно, но и напрямик спросить неловко: — что-то у вас с ним было?

Взгляд шаманки потеплел.

— Не чужой он мне, — коротко отозвалась саамка и снова взялась за рыбу.

Больше года прошло с тех пор, как на берега Суоми из утлой лодчонки высадились двое. Как оказалось, именно в лодчонке и было дело.

Олли исправно отправлял людей валить сосны и стягивать к берегу. Золотоволосый чужестранец руководил, иногда раздражённо покрикивал, и за зиму у берега вырос

огромный корабль. Нойд никогда не видел подобных. Даже представить себе не мог. Драккары викингов показались бы грубыми ореховыми скорлупками рядом с этим чудом. Изящные абрисы притягивали глаз, волны ластились к бортам, будто оленята-сосунки к мамке, да и люди нет-нет, а подходили просто чтобы притронуться, ласково провести ладонью по тёплому дереву. Неизвестно почему, но корабль Альвгейра всегда оставался тёплым.

Ульв выполнил своё обещание. Зима прошла пусть не сытно, но без потерь: медведи не нападали, да и волки больше не беспокоили. Даже снег сошёл раньше обычного. Олени довольно пофыркивали, выскивая куцые остатки прошлогодней травы. Берёзы робко выпустили клейкие ладошки листвы. Олли проводил взглядом божью коровку, деловито сползавшую по его ноге.

Зима кончилась. Волшебно красивый корабль покачивался на рейде. Не сегодня — завтра гости покинут оскудевшие берега Суоми. И кто знает, как скоро жажда крови сотрёт следы их пребывания? Когда снова нападут медведи? Этой зимой? Или следующей?

— Сату! Подойди сюда.

Востроглазая девчонка подбежала к отцу, блеснула улыбкой, наполнив Олли отеческой нежностью. В последнее время она часто улыбалась: то весело, то мечтательно, то задумчиво. Особенно, когда на Ульва глядела. Первый страх давно прошёл, Сату ходила за волком, как привязанная, совершенно позабыв об оленях. Впрочем, ни один из них не отбился и не занемог.

Иногда Олли спрашивал себя: что бы он сделал, если бы его Сату ходила за золотоволосым? Альвгейр был капризен, надменен и высокомерен. Для него одного возвели целый дом на берегу, похожий на жилища саамов не больше, чем чудесный корабль — на лодку-долблёнку. Шаман сквозь пальцы глядел, что то одна, то другая женщина всходила на резное крыльцо. Сначала потихоньку, согнувшись в три погибели. К концу зимы — гордо, уже не таясь. Золотоволосый был переборчив, а шаман знал: среди людей-оленей осталось слишком мало мужчин. Скоро все дети станут друг другу родственниками, начнут слабеть и умирать уже во чреве матери. Нужна, ох как нужна была новая кровь. У золотоволосого она была сильная, горячая, как подземный источник, бурная, как горная река. Породниться с сильным нойдом — большая удача. Вот только жениться Альвгейр тут ни на ком не собирался — это Олли понимал. Ну и пусть его. С таким зятем — только горя хлебнуть. Женщины выходили из гостеприимного дома счастливые, лучащиеся радостью — стало быть, не обижал их чужак. Трое к весне уже понесли. Но когда Олли увидел Альвгейра, шмыгнувшего в шатёр Сату... на месте оцепенел. Сердце отцовское велит за ним ринуться, взащей вытолкать, пусть даже дочь сама золотоволосого позвала. Вот только что скажет Волк на такое обращение с его спутником? Да что Волк! Олли и с самим-то Альвгейром не справится: к духам взывать некогда, а сам чужак молодой, сильный, смертоносный... проверяли уже некоторые. Из тех, чьи жёны к золотоволосому наведывались. Калечить никого не стал. Но скрутил — шутя. Будто ребёнка отшлёпал.

Пока Олли размышлял, Альвгейр вылетел из шатра без его помощи. Белоснежный черноголовый олень, степенно переставляя длинные ноги, вышел за ним и гордо повёл головой, поглядел на Олли из-под полуприкрытых век. Нойд почтительно поклонился предку:

— Здравствуй, Мяндаш. Спасибо тебе.

Олень покровительственно кивнул, только золотые рога блеснули, и неторопливо

удалился, медленно растворившись в рассветном тумане. Олли с золотоволосым долго ещё всматривались в густую дымку даже после того, как звуки мягко опускающихся копыт потерялись где-то вдалеке.

— Пожалеешь ещё, — едко, но без особой угрозы сказал Альвгейр, поглядывая на шамана. — Я хоть наполовину человек. А Стейнсон сердце из груди выдрал, а камень вместо него вложил. Гляди, утащит Ульв твою красотку в Нижний мир. Из тамошних он, ты разве не понял? — Золотоволосый тяжело встал, даже слегка покачнулся. Видно, здорово Мяндаш ему рогом наподдал. — Будешь на себе шкуру рвать, что мне не отдал, а поздно будет.

Олли ничего не ответил. Какой смысл говорить с этим сильным, но таким глупым нойдом? Пусть есть в нём кровь духа, как и в самом Олли, но не видит, не понимает золотоволосый, кто рядом с ним. Не нойд, не полукровка, и не бесплотный дух предка, залетевший вмешаться в дела живых. Волк — это просто волк. Не принадлежит он ни одному из миров. Его дело — наблюдать. И блюсти равновесие.

Ульв не требовал себе дом. Он приходил и уходил, когда ему вздумается. Когда хотел, спал в шатре Сату, когда хотел — заходил к Олли. С другими он почти не разговаривал. Да и побаивались его. Даже золотоволосый. Хорохорился, говорил нарочито громко и нагло, пытаясь громовым голосом напугать страх, загнать его поглубже. Иногда удавалось. Но Олли видел.

Однажды он застал их в лесу. Сату спала, уткнувшись в тёплый бок огромного чёрного зверя. Волк медленно поднял голову, окинул Олли яркими смарагдовыми глазами, снова опустил морду на сложенные лапы. Ни угрозы, ни обещания. Только бескрайнее, как зимнее небо, спокойствие. Вдруг вспомнилось, как женщины судачили: в местах, где отдыхает Ульв, трава растёт быстрее, сочнее и гуще. Вот только как он на мёрзлой земле лежит? Холодно же.

Шаман перестал переживать за дочь.

— Сату... — Олли не знал, как ловчее начать разговор. Но его девочка умная — сама всё поняла.

— Золотоволосый достроил корабль, — девушка глядела на чудесное творение с плохо скрываемой ненавистью. — Скоро Волк поведёт его в Исландию.

Шаман вспомнил, с какими горящими глазами Сату наблюдала за рунами, которые Ульв небрежно чертил прутиком на песке. Их тут же смывало прибоем, и он рисовал новые. Вспомнил, как замороженно девушка обводила пальчиками надписи, появившиеся на скале после прибытия лодки, слегка посмеивающегося Волка, толкующего рисунки на старом, ещё дедушкином бубне, по форме напоминающем утиное яйцо.

— Ты станешь сильным нойдом, Сату, — уверенно сказал Олли. — Сильнее, чем я. Пока он здесь — попроси его. Попроси научить тебя ходить по мирам так легко и так далеко, как я никогда не смогу. Ты ему нравишься. Он не откажет.

Кучевое облако набежало на низкое ещё солнце. Только что нежившаяся в его лучах девушка зябко подёрнула плечами. Опустила лицо, тихо произнесла:

— Да, думаю, в этом он мне не откажет...

Сату не помнила, чтобы когда-нибудь ландыши цвели так рано. Но весь берег

маленького озера был усыпан будто снегом. Чёрное пятно выделялось на их фоне так резко, что заслезились глаза. Ульв лежал на спине, следил за тяготеющим к горизонту солнцем. Тень Сату накрыла его лицо, и лишь тогда он перевёл глаза на неё.

— Ты такая серьёзная сегодня, маленькая Радость, — сказал он нарочито торжественным тоном. — Не иначе, у тебя есть ко мне серьёзный разговор. И Большая Просьба. Говори, чего ты хочешь. Серьёзная Радость — это так забавно.

Сату долго размышляла над тем, что скажет Волку. Но сейчас все слова будто вытекли у неё из головы, как вода вытекает из треснувшего кувшина. И остаётся только сухое, саднящее от утраты дно.

— Меня... прислал к тебе отец, — глухо сказала Сату. — Велел попросить показать мне другие миры. И научить ходить туда самой. Если... тебе это не запрещено.

Среди одуряющего аромата ландышей пахнуло вдруг горечью полыни. Ульв встал.

— Нет никого, кто мог бы мне что-то запретить, — сказал он с усмешкой, больше напоминавшей волчий оскал. — Но ты пришла сюда не за этим, маленькая Радость.

Шаманка вздёрнула подбородок и упрямо встретила взгляд зелёных глаз, ставших вдруг тёмными, как зимняя хвоя.

— За этим, — протянула бубен. — Научи. Чтоб... — голос чуть дрогнул, — я одна...

Ульв молча рванул её трёхцветный, увешанный кольцами шаманский пояс, оставив оба конца у себя в руках, притянул за него девушку к себе так близко, что Сату через одежду почувствовала, какое горячее у него тело.

— Что это? — Ульв обернул полотно пояса вокруг руки так, что виден остался только чёрный цвет.

— Н-нижний мир, — запинаясь, ответила Сату. Что-то странное было сейчас в его взгляде. Что-то звериное. А она только-только перестала видеть лохматую шкуру...

Ульв поднёс пояс поближе к её глазам.

— А ещё?

Сату облизнула пересохшие губы.

— Земля. Земные воды.

— Ещё, — Ульв прижимал её к себе всё крепче. Его грудь и руки были непоколебимы, как скала.

— Скала. Гора. Камень.

— Ещё!

Он опустил узкое, будто волчья морда, лицо. В колдовском сиянии глаз проскальзывали золотые искорки.

— Золотой Полоз! — выкрикнула Сату прямо в эти глаза. — Мировой Змей!

Тонкие губы шевельнулись. Но саамка не услышала:

— Ещё.

Слово потонуло в раскате грома, а лицо Ульва — во вспышке молнии.

— Укко.

У́кко (фин. Ukko) — верховный бог, громовержец в карело-финской мифологии. Представлялся стариком с седой бородой, разъезжающим по небу на колеснице, мечущим молнии и производящим гром. Известен как покровитель скота и урожая.

Здесь всё блестело, искрилось и скрежетало. Звон оружия, исполинских мечей и копий, маленьких дротиков, тонких спиц... Вертелись колёса, то тут, то там, загорались огни. Сату испуганно жалась к своему спутнику, но по сторонам глядела во все глаза. Мимо проносились невиданные повозки, невозмутимо прополз толстый, в обхват руки змей, в сопровождении трёхглавого пса. Люди попадались бородатые, низкорослые и с тёмными лицами.

— Где мы?

— В Свартальфахейме. По-вашему — Нижний мир. Часть его. — Чуть помедлив, Ульв добавил: — Я здесь родился.

«Вот почему ему так нравится закат», — подумала шаманка, разглядывая величественные своды всех оттенков от алого до бордового.

Справа полыхнуло огнём. Сату вскрикнула и спрятала лицо у Ульва на груди. Тот только рассмеялся.

— Не бойся, глупая. Это фонтан.

Девушка с любопытством оглянулась, заинтересовавшись незнакомым словом. Языки пламени действительно не выглядели опасными. Напротив, свивались замысловатыми фигурами, будто танцуют друг с другом над озером лавы.

— Дворец Короля-под-Горой, — сказал Ульв и указал рукой куда-то вдаль, за струи огненного фонтана. Когда они обогнули пламя и глаза Сату привыкли к новому освещению, она тихо ахнула. Дворец был полностью выполнен из драгоценных камней, подогнанных и огранённых так искусно, что казалось, будто стены сотканы из радуги.

— На вид — эфемерный, — прошептал спутник ей на ухо. — Но во всех трёх мирах нет камней прочнее, чем эти.

— Это самое прекрасное, что я когда-либо видела, — выдохнула Сату. Ульв только усмехнулся.

— Идём.

На первый взгляд в этом камне не было ничего особенного. Просто очень большой, гладкий и ярко-белый. А ещё горячий. Это заметно даже издалека: над камнем колыхалось марево, какое в жаркий день бывает над большим костром. Но чем-то камень притягивал взгляд. Смотреть на него было приятно, отводить глаза не хотелось. В груди становилось тепло и спокойно.

— Он... оно... бьётся, — с удивлением заметила Сату. Ульв медленно кивнул. Его взгляд тоже был прикован к белому горячему камню. — Это сердце? Твоё сердце?

Щека Ульва болезненно дёрнулась.

— Нет. Не моё. Это сердце Короля-под-Горой.

— А твоё где?

— Далеко. — Его лицо вдруг словно окаменело, почернело, прорезалось не то морщинами, не то трещинами.

— Пойдём отсюда. Здесь слишком много тьмы. Я покажу тебе... свет.

В руках у него снова оказался пояс, о котором Сату совсем забыла, но теперь Ульв повернул его жёлтой полосой.

— Золото. Солнце. Желток.

Свет прорезал чёрное небо россыпью алмазов. Это было ошеломляюще, потрясающе,

непостижимо. Сату летела, или падала, или растворялась. Она не могла понять. Грудь наполнял ветер, и песня, и радость до того, что стало трудно дышать. Её несла на себе спица огромного колеса, вокруг было множество спиц, сплетающихся, будто нити... а потом мир вращался вокруг неё, обрастая скорлупой исполинского яйца, снова потрескавшегося от множества гвоздиков-звёзд, и Сату поняла, что она внутри чудесной мельницы-Сампо, и смерти нет, нет беды и опасности, есть только счастье, полное и безграничное, а то, что люди принимают за смерть, на самом деле просто...

Ландыши щекотали шею, слегка покалывали крохотными зубчиками. Ульв медленно, до чего же медленно, проводил веточкой вдоль её скулы, вдоль шеи, опускался ниже, между ключицами. Сату вдруг поняла, что лежит на земле без одежды, но ей не холодно. И это даже не было странно.

— Кто ты, Волк? — спросила шаманка, глядя в травянистые, как листья ландыша, глаза. Он только пожал плечом.

— Ты только что сама сказала.

— Когда я в первый раз увидела тебя, я увидела волка. А сейчас вижу другое. Почему? Кто ты на самом деле?

— Я на самом деле волк, — веточка ландыша сделала петлю вокруг её пупка и неторопливо, будто гусеница, поползла вверх. — В том числе и волк тоже. Нойды привыкли встречать людей среди животных, а животных — среди людей. Поэтому ты видела то, что видела.

— Кто ты... ещё?

— Камень. — Ландыш переместился ей на грудь и начал вырисовывать круги.

— Ещё?

— Золото в пустой породе.

— Ещё... — Сату уже не спрашивала, а просила.

— Змей. — Цветок отброшен в сторону, а его путь повторяет горячая, чуть шершавая ладонь.

— Ещё, — простонала девушка и закусил губу.

— Я гром. И молния. — По позвоночнику Сату пробежала горячая волна, бросило в дрожь. — Я ручей. И реки. И океан... — То место, где её касались ласковые, словно летний дождь, пальцы, действительно обильно увлажнилось.

— Я ветер в твоих волосах, — прошептал Ульв ей на ухо, отчего выбившиеся несколько прядей с готовностью шевельнулись. Он протянул руку и одним движением развязал ленту, которую должен был снять жених на свадьбе, а невеста — подарить младшей родственнице. И в этот момент девушка обняла его за шею.

— Ты — мужчина, — сказала она, заглянув в искрящиеся золотом зелёные глаза. — А я — Сату. Твоя маленькая радость.

Теперь она знала, почему средняя полоса, полоса Мидгарда, на шаманском поясе — красная. Красный — цвет крови. Не только той, что проливает мужчина, отнимая жизнь. Но и той, что проливает женщина, когда её дарит.

Впрочем, это открытие было не единственным. Ещё Сату видела, как был создан мир.

Не просто видела — ощущала. Чувствовала чудовищное напряжение, ожидание, будущее, рвущееся на свет из когда-то уютной, но ставшей тесной темноты... Ульв был зелёным ростком, прораставшим внутрь неё. Было больно, но до того желанно, что боль оборачивалась радостью и восторгом. Его корни дробили камни глубоко в темноте, а листья ловили свет далеко в вышине, сам же он рос и твердел, твердел и рос... пока не стал мировым деревом, связавшим собой все три мира, а Сату — крошечной белкой, скользившей по его стволу то вверх, то вниз, и снова вверх...

А потом мир наполнился светом, и звуком, и смыслом. Стал завершённым и совершенным. Когда Сату, наконец, справилась с этим новым ощущением, Ульв уже был на ногах и полностью одет. Она провела ладонью по низу живота и подняла на мужчину глаза, полные слёз: хотелось плакать от счастья.

Но Ульв лишь отрицательно покачал головой.

— Нет, Акка. Там теперь никого нет. И не будет. Ни этим летом, ни следующим. Дальше — как сама решишь. Ты снесла своё яйцо, Уточка. Земля Суоми снова оживёт.

Ручейки слёз всё-таки прочертили её щёки.

— А... ты?

— Я показал тебе, как это делается, — его голос звучал не холодно, но как-то отстранённо, будто издалека. — Ты умница. Быстро учишься.

Через несколько дней Ульв отправился на последнюю охоту. И такой охоты не видели ещё люди-олени. Десятки озверевших волков гнали перед собой десятки же бурых медведей, испуганно поджимающих куцые хвосты. Какие-то пытались огрызаться, но волки так лязгали зубами, что косолапые шарахались, покорно позволяли вести себя, куда положено.

Ещё два дня и тех, и других грузили на корабль. По сходням поднимался медведь или волк, на палубу же ступал человек. Последним, даже после Альвгейра, шумного и счастливого, поднимался Ульв. Сату схватила его за рукав. Тот самый рукав, что сама соткала и покрыла вышивкой. Выглядело... неприлично. Кто-то даже неодобрительно хмыкнул. Но отец промолчал. А даже если бы и нет — ей было всё равно. Ульв обернулся, долго смотрел на неё, а потом поцеловал. По-настоящему, прижавшись губами к губам, а носом к носу, вовсе не так, как понарошку целовал своих женщин золотоволосый.

Сату вцепилась руками в яркую ткань, уткнулась лбом в твёрдую, будто каменную, грудь. Нойдам не положено плакать. Но она плакала и не стыдилась своих слёз.

— Я буду ждать тебя, — пообещала едва слышно, но твёрдо. — Пять, десять, двадцать лет. Сколько понадобится, слышишь?

— Не жди, Акка, — Ульв нежно коснулся губами её лба. — Я не вернусь никогда.

Глава 5. Накануне

Повелительница фей летящей походкой шествовала вдоль границы холмов. Её длинные волосы струились на ветру, будто водоросли в неторопливом ручье, сплетались и расплетались, пряди льнули друг к другу, и вновь отдалялись, окружая голову королевы тёмным ореолом. Прохладные пальцы Мэб небрежно касались стволов, листвы, щербатых серых камней и того, чего не было видно глазу. Граница всё ещё крепка. Но это ненадолго. Уже завтра...

Королева вошла в полуразрушенный каменный круг, босая ступня скользнула по тёплому серебру разбитой арфы, пальчики коснулись струн. Те отозвались чуть слышно, печально. Мэб прижалась спиной к остаткам стены и медленно сползла вниз, уселась, поджав под себя ноги. Прикрыла глаза и подставила лицо свету. На её губах играла пугающе-нежная улыбка: королева воскрешала в памяти то, что произошло здесь много лет назад.

К утру он остался один. А вода в ручье стала розовой, как облака. Облака были длинные, тонкие. Как струны.

Тетива — та же струна. Звучит на одной пронзительной ноте. Щёку обожгло болью. «Уходи!»

Бард не знал, откуда прилетела стрела: глаза были закрыты. Но ему и не нужно знать.

Струи тумана зазмеились по земле. Туман сбрасывал кожу. «Я шёл много дней, душа моя».

Люди, прятаясь в ветвях, разрисовывали лица яркими красками в надежде напугать неприятеля, если всё же придётся столкнуться с ним лицом к лицу. Напрасно. Лишённая покрова плоть впечатляет сильнее. Голоса стрел затихали, но упрямо шелестело по камню разбитое древко: «Умерли все, кто шёл за тобой».

Бард не ответил, не удостоив изрешечённых стрелами, сражённых из засады короткими мечами спутников даже воспоминанием, лишь взмахом руки закрутил туман, и тот поднимался выше, выше, скользил вдоль стволов. Маленькие люди скатились к корням деревьев. Больше не шевелились. А стрелы — не пели.

Теперь он пел сам.

Простой бард — лишь пыль под ногами филида, принявшего в себя прошлое, прозревающего будущее. «Я принесу твоей земле процветание».

Облака спустились ниже, набухли и округлились. Ветер бил в лицо: «Ты лукавый чужак, что думает покорить душу Ирландии».

Голос филида наполнил землю жаром, а небо холодом. Дышать сделалось тяжело. Но он пел: «Душе нужно тело, земле — хозяин. Я подарю тебе счастье».

Одна за другой небо прорезали молнии. Это тоже струны. На них можно играть. Если знаешь, как. «Кенн Круах — золотой бог. Под кем ещё вскрикнет камень Фаль? Перед кем разойдутся скалы? Кто ещё может стать тебе мужем?»

Громовые раскаты разбили мелодию. Не просто смеётся королева фей: хохочет. Заливается ливнем. «Кровавый жрец кровавого бога, пожирающего собственных детей!»

Уходи».

Ветер стих, и серебристые струи дождя падают отвесно. Друид бережно, осторожно перебирает их, заставляя звенеть нежно-нежно: «Золотой бог дарит жизнь за смерть. Он будет ласков. Ведь не пытался взять душу силой, а моими устами поёт о любви к тебе».

Дождь прекратился. В журчании ручья снова раздался смех:

«Ты не друид, мальчик, ты дурак. О любви ко мне? Тебя околдовала собственная арфа. Ей ты поёшь, не мне. Передай Сокрытому в Тумане, что проиграл».

— Проиграл? — Великий Бард оборвал песню на полуслове. Долго молчал, поглаживая гриф... В последний раз его рука нервно дёрнулась. Он поднял свою серебряную трёхрядную арфу и с размаху швырнул на камни.

Когда порванные струны обиженно отзвенели, в кругу каменных стен стояли двое. Мужчина и женщина. Их окружала Тишина.

С победным рыком викинг отвалился в сторону и перевёл дух. Первая связная мысль, посетившая его после этого, была о Сигрид. О том, что дочери ярла придётся делить с наложницей не только Эрика, но и крышу над головой — такого чудесного утра у викинга не было ещё никогда. И он намеревался это повторить. Конечно, и с женой можно бы... тут Эрик хмыкнул. Представить, чтобы Сигрид, суровая, своенравная Сигрид, пребольно ткнувшая его в рёбра, когда рука воина всего-то, почти случайно, легла на девичью талию, делала то, что сейчас проделывала фея, было невозможно. Или чтобы позволяла воплощать свои фантазии рыжему викингу. Нет-нет! Из Сигрид выйдет прекрасная жена, которая будет следить за слугами и домом, об руку с которой можно заявиться хоть к конунгу, но в постели... Эрик ласково потрепал по бедру лежащую тут же, на земляном полу, Пёрышко.

Фея потянулась плавно, как кошка, и даже тихонько замурлыкала. Она с подобной страстью тоже столкнулась в первый раз — викинг мало походил на виденных ею прежде мужчин. О Фрейя! И как же он ей нравился! Было в Эрике что-то живое, сильное, яростное из-за чего обитатели родного леса по сравнению с ним казались медлительными растениями. Пёрышко таяла от одного его взгляда, жадные поцелуи заставляли задыхаться от восторга, и даже то, как сноровисто и по-хозяйски викинг наматывал на кулак золотистые волосы, приводило её в невероятный восторг.

— Надо найти Болли, — сказал Эрик и встал. Будь на месте рыжего викинга ярл Альвгейр или хотя бы старый Ауд, он мог бы задаться вопросом, отчего лишение глаза и висение на дубе наполнило молодого воина такой кипучей энергией, какой он не ощущал в себе никогда прежде.

Но Эрик не имел обыкновения усложнять себе жизнь досужими размышлениями. Он просто знал, что тут, с Пёрышко, ему хорошо. Так же, как точно знал: нужно возвращаться домой, к Сигрид. То, что вернуться удастся, сомнений не вызывало. Главное — пса разыскать.

Одноглазый волк довольно заворчал и чуть отстранился, не переставая, впрочем, тесно прижиматься боком к светлой волчице. Та потёрлась мордочкой об основание его уха. Волк игриво куснул подругу в плечо. Он был уже удовлетворён, но взаимные ласки доставляли не

меньшее удовольствие.

Внимание привлёк необычный для леса шум. Кажется, человек кричал. «Болли, Болли!» На секунду крик показался волку смутно знакомым, даже захотелось вскочить и мчаться туда, к зовущему мужчине. Но белая волчица положила голову одноглазому на спину, и направление мыслей сменилось: он стал гадать, какого цвета будут их первые дети.

— Не ори. А то тебя кто-нибудь услышит.

От неожиданности Эрик действительно замолчал и заозирался в надежде углядеть говорившего. Тот обнаружился довольно быстро: худенький курносый паренёк восседал верхом на поваленном дереве и смотрел на викинга с забавной серьёзностью.

— Ну что уставился? — ухмыльнулся он Эрику в лицо. — Псина твоя давно уже семейством обзавелась. Не докричишься. Впрочем, — тут облачённый в травянисто-зелёный камзолчик незнакомец лукаво сощурился на болотный огонёк, нервно мельтешащий перед викингом, — я гляжу, и ты не отстаёшь.

— Пак! — Пёрышко снова обратилась девушкой и заломила руки. — Не выдавай нас! Я что хочешь для тебя сделаю!

— Поцелуешь? — с готовностью отозвался Пак и вытянул губы трубочкой. Фея покраснела, а Эрик почти по-звериному зарычал и за руку дёрнул её себе за спину. Угрожающе надвинулся на щуплого нахала.

— Ладно-ладно, — Пак предупредительно выставил ладони перед собой. — Остынь, большой рыжий мальчик. Ты меня напугал.

— Пак... — простонала Пёрышко, и в её голосе послышалось неподдельное отчаяние. Парнишка демонстративно приложил палец к губам.

— Ти-ше. Я же сказал. Королеве сейчас не до вас, но есть тут одна рогатая особа...

— Ты не расскажешь Геро? — Болотный огонёк заискрился недоверчивыми переливами.

Пак поджал губы.

— Нет. Даже больше. Я вам помогу.

— Но почему?! Ты же... она же...

Насмешливая рожица парня вдруг сделалась серьёзной.

— Потому что она очень красивая, Пёрышко. Очень умная. Очень гордая. Почти как королева фей.

— И?

— Ну а я решил взять пример с Барда — Великого Предателя, — пожал плечами Пак. — В конце концов, чем я хуже?

— Ты лучше! — восхищённо воскликнула фея-огонёк. — Ты такой, такой...

— Знаю, — отмахнулся тот и показал Эрику язык. — Я лучше всех.

Пак махнул рукой, приглашая следовать за ним, Эрик на мгновение заколебался, покосился на всё уплотняющийся туман, в котором стали, вроде бы, даже различаться какие-то фигуры, и решительно зашагал за провожатым. Болотный огонёк не отставал, наворачивая спирали вокруг обоих мужчин. Мысли всей троицы были заняты будущим, а потому никто из них не оглянулся, не вспомнил и не увидел как...

Королева фей разлеглась на своём широком троне, покрытом дёрном и увитом диким хмелем. Задумчиво подперла рукой подбородок, согнула ногу в колене, пошевелила пальцами.

— Спой мне, — приказала она, не глядя на стоящего перед ней мужчину.

— Великий Бард сам решает, когда ему петь. — Его поза была не менее расслабленной, чем её, но смарагдовые глаза вызывающе сверкали из-под соболиных бровей.

— Ты больше не Великий Бард, — сказала Мэб, разглядывая крону дуба. — Ты — мой придворный певец, пока я тебя не прогнала. Пой.

Мужчина наклонил голову к плечу и с минуту разглядывал королеву. А потом, действительно, запел.

Бард пел про Альвиса*. Но вовсе не так, как поют обычно на северных берегах. В его устах эта история рассказывала не о хитроумии Тора. Теперь это был гимн несчастной любви, поэма о страсти и преклонении, о самопожертвовании, доходящем до самозабвения.

Когда он замолчал, вокруг воцарилась тишина. Феи и эльфы, тесно столпившиеся кружком, кажется, не дышали. Не шумел ветер в ветвях, молчали птицы, и даже ручей забыл журчать, прислушавшись к чарующему голосу.

Восторженная тишина завершилась единым вздохом подданных Мэб. Многие вытирали слёзы. Даже королева выглядела задумчивой. Ободрённый произведённым впечатлением, бард приблизился к трону и произнёс:

— Придворным певцам полагается награда за труд, о прекрасная. Я предпочёл бы поцелуй.

Мэб обратила на барда насмешливый взор.

— Я тебя выслушала. Ты мне ещё и должен остался.

Мужчина тряхнул головой, в сияющих изумрудах мелькнули золотые искры.

— К тому же, и пел ты какую-то чушь, — продолжала королева, — цверги не каменеют на солнце.

— На солнце — нет, — ответил бард, изрядно подпортив почтительность голоса выражением глаз, — цверг каменеет, если его сердце разбито и перестало биться.

Мэб внимательно поглядела на него. Встала и подошла вплотную. Бард замер, употребив все силы на то, чтобы согнать с лица дерзкую усмешку. Не до конца преуспел.

Отточенный ноготь провёл по его щеке, и певец подумал, что ногти королевы скорее напоминают когти — так длинны и остры.

— Ты не похож на цверга.

Неуловимым, стремительным движением бард обнял повелительницу фей, его тёплый, чуть шершавый палец обрисовал её высокую скулу, тонко очерченные губы, точёный подбородок, спустился во впадинку шеи.

— Ты не похожа на фею.

Королева Мэб улыбнулась и нежно произнесла:

— Ещё раз так сделаешь — останешься без рук.

***Альвис** (др. — сканд. *Alviss* — «всезнающий») — в германо-скандинавской мифологии упоминается как самый мудрый из цвергов. Возгордившись, он решил породниться с асами и переселиться в Асгард. Посватался к дочери Тора Труд. Тор придумал

хитрость: сказал, что перед свадьбой желает проверить, так ли мудр цверг, как об этом говорят. На первый вопрос, об устройстве мира, Альвис отвечал более двух часов, на второй вопрос, о всех существах, Альвис отвечал ещё дольше и когда закончил — небо стало светло-серым. Тогда Тор попросил его назвать все звезды на небе, и увлечённый цверг начал отвечать, но наступил рассвет, и он обратился в камень. Так он был наказан за свою дерзость.

Пир был в самом разгаре, когда в медовый зал влетел запыхавшийся Бьорн.

— Что? — Альвгейр, нахмурившись, встал из-за стола.

— Я... — запинаясь, произнёс юноша, вдруг осознавший, что его сочтут трусом, если он расскажет, как позорно бежал от старухи, ехавшей верхом на медведе. — Она... — Бьорн вспомнил насмешливый, пронизывающий взгляд шаманки, полученный напоследок. Она знала, что юноша прячется там, в кустах. Видела, как трясутся поджилки при одном взгляде на исполинского зверя, чьё имя он с гордостью носил всю жизнь. И тогда Бьорн побежал.

Альвгейр, сообразивший, что в таком состоянии от мальчишки толку не добьёшься, ухватил его чуть не за шиворот и потащил вон, небрежно бросив собравшимся:

— Пир окончен. Но кто хочет — может продолжать.

Ульв тоже встал и обратился к Онни:

— Идём. Пришло время поговорить.

Ярл макнул юношу в бочку с водой. И подержал там подольше, поэтому потребовалось ещё какое-то время, чтобы Бьорн отфыркался и продышался.

— Говори, — жёстко произнёс Альвгейр, и юноша попятился. Он слышал, конечно, истории о том, с какой доблестью и жестокостью золотоволосый расправился с прежним ярлом. Но только теперь, кажется, окончательно в них поверил.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Ульв же отвёл молодого шамана в стоявший тут же, неподалёку, дом Альвгейра.

— Что Акка рассказывала обо мне? — Стейнсон указал Онни на лавку и сел сам.

— Почти ничего, Волк. — Гость воспользовался предложением и с любопытством огляделся. — Говорила, что это только её. Да и дедушка при твоём упоминании каждый раз принимался рычать. Олли поведал немного. Про то, как воевали олени и медведи, а вы с золотоволосым приплыли в маленькой лодке, идущей против ветра. И как ты собрал своих слуг, загнавших окончательно озверевших из рода медведей на корабль Альвгейра, построенный руками людей-оленей.

Ульв задумчиво закопался пальцами в густой мех шкуры, валявшейся на лавке. Альвгейр не отказывал себе в роскоши.

Молодой шаман некоторое время изучал лицо собеседника, но, наконец, не выдержал:

— Ты любил её? Бабушку.

Ульв потёр подбородок и бросил на Онни быстрый взгляд.

— Она ведь всё ещё в Срединном мире. Так что — нет.

— А она... — молодой шаман невольно запнулся. Начал с другого конца. — Дед просто взбесился, когда она плыть к тебе решила. И его с собой не взяла. До сих пор боится, что ты

её заберёшь. Как прочих. Потому и через Нижний мир прошёл. Ты... не сердись на него.

Стейнсон оскалился по-волчьи, но уже через мгновение глядел спокойно. Даже с любопытством.

— Хотел бы забрать — ты бы на свет не родился. Чуткий такой. Я и сам едва медведя заметил.

— Я следил, — со сдержанной скромностью пояснил Онни. — Знал, что дед следом пойдёт.

— Всё равно.

— Я сильный нойд. Сильнее всех, после бабушки. — И тут же молодой шаман поправился: — Из живых.

Ульв слегка поморщился и развалился на широкой лавке, как на ложе, полуоблокотившись о стену.

— Где ты вырос? У медведей или оленей?

— После того, как нойд Олли ушёл в Верхний мир, саамы живут вместе, не делая различия между предками, — вежливо ответил гость.

— Как это произошло? — в голосе Ульва прозвучал интерес, но глядел он не на собеседника, а в бревенчатый потолок, хмурился, постукивал пальцами по согнутому колену.

— Когда вы с золотоволосым уплыли, было тихо и мирно. Какое-то время. А потом к оленям стало приходиться всё больше медведей. И оставаться. Кто-то женился, как дед, и входил в дом своей женщины, кто-то просто перевозил семью. Жаловались на своего нойда. При прежнем медведе жил тише воды ниже травы, но когда стало понятно, что вы с золотоволосым не вернётесь, сделался вождём. Он был жесток и, кажется, безумен. Но среди медведей тогда сильных нойдов не было — дедушка ещё не набрался опыта, прочих ты увёз.

Ульв, наконец, повернул голову, видимо заинтересовавшись рассказом.

— Но однажды безумный нойд умер, да?

Онни утвердительно наклонил голову.

— Никто не решался его хоронить. Все знают, что после смерти нойды становятся сильнее. И когда все медведи перебрались к оленям, Олли попрощался с бабушкой и дедушкой, оставил им заботу о людях, а сам...

— Это сколько времени прошло? — перебил Ульв. — Мертвец должен был уже встать!

— Да, — печально вздохнул Онни. — Так и было. Отчаявшиеся медведи пытались сами его похоронить. Но многого не знали. Когда труп поднялся, один из них ударил его ножом. И на следующую ночь у безумного нойда оказались железные зубы. Он рыскал по деревне, по лесу и убивал. Когда кто-то пытался спрятаться на дереве — перегрызал ствол.

— И Олли удалось его одолеть? — Ульв недоверчиво хмыкнул.

— Нет. Безумный нойд его убил. — Онни произнёс это просто и буднично, как будто речь шла вовсе не о его предке.

— Но после смерти нойды становятся сильнее, — задумчиво протянул Стейнсон. — Особенно те, кто попадают в Верхний мир...

— Так и было, — повторил молодой шаман и вежливо улыбнулся догадливости собеседника.

— И ты там бывал? В Верхнем мире, я имею в виду? Говорил с ним?

Онни снова кивнул.

— Нойд Олли представил меня оленю-предку Мяндашу. Сказал — я ему понравился.

— Тебя, должно быть, в будущие вожди теперь прочат? — усмехнулся Ульв. Его глаза

весело заискрились золотом, но лоб всё ещё прочерчивала трещинка морщины. Казалось, он на минуту отринул от себя тяжёлые думы, чтобы умиленно взглянуть на играющего ребёнка.

— Нет, — ответил Онни и улыбнулся в ответ. — Я хороший нойд, но не лучший вождь. Слишком непоседливый. Когда отец уйдёт в другой мир, направлять саамов будет мой старший брат. Он достойный и рассудительный человек.

С каждой минутой Онни нравился Ульву всё больше и больше. Он даже подумал, что, задержись он тогда в Суоми подольше, этот мальчик-счастье* мог быть его внуком, а не медведя. Устыдившись этих мыслей, Стейнсон потёр лицо ладонями.

В этот момент в дом ворвался Альвгейр.

— Твоя чокнутая баба призвала берсерка и похитила мою дочь! — прорычал ярл.

— С Сигрид всё в порядке, — холодно произнёс Ульв, и не только глаза, но и кожа при этом у него стала отчётливо отливать зеленью. — И не говори о Сату таких слов. Поссоримся.

От запаха запечённой рыбы можно было захлебнуться слюной. Лосося, подпорченного Сигрид, женщины разделили на двоих, и саамка даже похвалила гарнир из запечённых овощей, приготовленный юной хозяйкой.

— Сату, — осторожно, не поднимая головы, заговорила дочь ярла. — Расскажи, пожалуйста, что... — Она густо покраснела и опустила голову ещё ниже, — что Ульву нравится?

— В еде? — невозмутимо осведомилась старуха, откидывая за спину седые косы.

— В... еде, — неловко подтвердила Сигрид, невольно покосившись на застеленное шкурами широкое ложе, видневшееся в приоткрытую дверь.

Саамка, пристально разглядывавшая девушку, только хмыкнула.

— Любишь его? — напрямик спросила она. Сигрид даже вздрогнула, отшатнулась. А потом осунулась, притихла.

— Я... не знаю. Я вообще-то Эрика люблю... — она растерянно поскоблила ногтем засохшее пятно на столе. — Вроде бы.

— Вроде бы? — Саамка прислонилась к стене и скрестила руки на груди. Ей было откровенно весело.

Сигрид убрала посуду со стола и решительно выпрямилась перед гостьей.

— Хочу, чтоб он меня любил, — уверенно заявила девушка. — А то женился и...

— И что? — Сату достала откуда-то из складок одежды небольшой бубен, разделённый на три части и расписанный множеством фигурок, уложила его к себе на колени и стала потихоньку ударять по нему.

— А ничего, — обиженно топнула ножкой дочь ярла. — «Ты не в моём вкусе» говорит!

Шаманка фыркнула, но некоторое время уделяла внимание только бубну. Сигрид хотела уже, было, рассердиться, но мерное постукивание успокаивало, расслабляло, создавало уют. Девушка присела рядом с гостьей и осторожно приткнулась к её боку:

— Поможешь, а?

— Помогу, — тихо сказала Сату и прижала ладони к светлой коже, натянутой на овальный каркас. Один конец бубна был уже другого, так что он походил на яйцо. — Я помогу, только не тебе, девочка, а ему, — сказала шаманка на языке Суоми, так что Сигрид ничего не поняла. — Для того и приехала. Сама хотела, да ты лучше подойдешь — у меня

трое сыновей и шестеро внуков. А ты молодая да трепетная, влюблённая...

— Что ты бормочешь? — нахмурилась дочь ярла.

— Дело, говорю, непростое, — отозвалась старуха. — Цверги — как земля, их породившая. Снаружи ледяным панцирем прикрываются, а сердца горячие, яростные. Видала когда-нибудь, как земля кровью через трещины вулканов истекает? Вот то-то... Сердце Короля-под-Горой весь Свартальфахейм согревает, освещает, в движение приводит. Мощные у цвергов сердца, сами они, бывает, не в силах с ними совладать. Ульв своё на далёком острове запер и неприступной стеной окружил. Никто не знает, почему. То ли спрятать решил, то ли наоборот, королеву туманов запереть хотел, да простого колдовства не хватило, вот сердце оставить и пришлось. Так, или иначе, а в груди у него камень пустой. Никого не полюбит, пока сердце на место не вернёт.

Сигрид сжала кулачки.

— Королева туманов? Это Мэб которая? Ух, я ей!..

— Тихо, — так властно шаманка это произнесла, что дочь ярла тут же замолчала и уставилась на гостью почти испуганно. — Слушай внимательно. Времени мало.

Старуха тяжело встала и неуклюже, заваливаясь на правый бок, двинулась к спальне.

— Ты шила? — указала она на рубаху, так и оставшуюся с утра валяться на полу.

— Я, — Сигрид проворно подхватила одежду и протянула Сату.

— Хорошо, — острый ноготь на сморщенном пальце пробежался по вышивке. — Добавить кое-чего надо. Нитки неси. Пяльцы, иглы.

Девушка метнулась за рукоделием, саамка же придирчиво выбрала небольшой остывший уголёк.

— Онни с твоим отцом не скоро Ульва отпустят, — говорила Сату, натягивая ткань на пяльцы, отчего рубашка стала подобием её бубна. — Бельтайн завтра.

— Бель... что? — не расслышала Сигрид.

— Граница на зачарованном острове истончаться будет, — сказала саммка, глядя в слюдяное окошко куда-то далеко, за бурное море. — В трёх местах слабину даст. Альвгейр с водой говорит, а она его через раз слушается. Его-то Волк в море и пошлёт. — Саамка уверенно чертила угольком замысловатые руны по выбеленной ткани. — Онни — сильный мальчик, молодой и горячий. Его Ульв отправит на готовый проснуться вулкан, через Нижний мир проведёт. Но всё это он так сделает, чтоб под ногами не мешались, нужными себя чувствовали.

Сигрид приняла у старухи пяльцы и стала сноровисто покрывать рисунок вышивкой — с рукоделием у неё с детства ладилось.

— А сам он что ж?

— А сам Ульв к чёрной воде потянется. К той, что подземными путями ходит. Там самая большая брешь и будет. Знаешь такое место поблизости?

— Знаю! Ой! — капля крови с уколотого пальца упала прямо на фигурку волка, за которую Сигрид принялась после рун.

— Это хорошо, — морщинистая ладонь шаманки накрыла ладонь Сигрид. — За ним побежишь. Утром, как развиднеет, он туда и бросится. При луне танцует королева, а к рассвету — на рубеже ночи и дня — к брешу придёт. Не до тебя Волку будет, да я ещё помогу. Глядишь, и проскочишь незамеченной.

Сигрид кивнула, и иголочка в её пальцах засновала ещё быстрее. Надо успеть, пока муж не пришёл.

Глава 6. Бельтайн

Повелительница фей любит балы, но то, что бывает в Бельтайн, совершенно особенное действо. Танцев, впрочем, хватает: кобольды так мелькают маленькими ножками в хороводах, что дочиста вытаптывают траву, болотные огоньки кружатся искрящимся вихрем. Лепреконы убирают поляны золотой утварью и тончайшими тканями, цветочные феи — наполняют сладкими, терпкими и свежими ароматами, волшебные бутоны раскрываются на гирляндах, обвивших стволы деревьев, и из чашечки каждого цветка вылетает маленькая фея. Они роятся, как пчёлы над медоносами, поблёскивают прозрачными крылышками в свете праздничных фонариков, которыми наполнили лес гномы. Их остроконечные красные колпачки мелькают тут и там, тут и там раздаются стук крохотных молотков, визг рубанка и сварливая песня пилы — гномы готовят скамьи, столы и хорошенькие резные беседки, которые тотчас же затягивает диким хмелем. Но в том, что касается обновок, нет равных лепреконам, а вернее, их жёнам: благоухающие платья из лепестков роз, прозрачные туфельки из мушиных крыльев, строгие камзолы из ночной темноты и яркие колпачки из шляпок грибов — вот за чем идёт к ним волшебный народец.

И вот зазвучали первые волынки и скрипки, весело и тревожно застучал боуран, даже Геро достала маленькую флейту и поднесла к губам. Смех королевы фей рассыпался лесным водопадом. Волшебство разлилось в воздухе так обильно, что, казалось, вот-вот начнёт собираться на лепестках цветов, как роса. Носились тени, птицы и запахи, с гиканьем промчались ночные всадники Кенн Круаха, горячие и нетерпеливые, как их кони, лишь предводитель подъехал к окружённой хороводом фей Мэб, почтительно склонил голову:

— Моя королева.

Его глаза горели пронзительным синим пламенем сида, бледное лицо казалось посеребрённым светом луны, а белые невесомые волосы спадали на спину, на круп коня и растекались туманом.

Мэб кивнула и мягко улыбнулась.

— Веселись, дин ши. Сегодня твоя ночь: у народа холмов появился гость.

Предводитель всадников поклонился, тронул поводья, и его конь, в глазах которого плескался огонь, а из ноздрей валил пар, в несколько прыжков догнал остальных. Дин ши издал охотничий клич, напоминавший, скорее, крик перелётной птицы, чем человека, и трава вслед за ним всколыхнулась широкой волной.

Ночные всадники, изголодавшиеся по настоящей дичи, горячили коней и прочёсывали окрестности со всем тщанием. Но Пак был духом леса, самой его сутью, а потому тропинки сворачивали под немислимыми углами, то разделяли преследователей, то сталкивали их между собой. Эрика с Пёрышком скрывал то внезапно разросшийся куст, то накренившийся дуб, то яма под исполинским корнем. Викинг был очень напряжён и то и дело хватался за меч, который Пак нашёл в своих владениях и вернул владельцу. Пёрышко дрожала, нисколько не сомневаясь, что как бы ни был смел и доблестен её избранник, против дин ши у него нет никаких шансов: бессмертный воин снесёт рыжую голову одним плавным, но незаметным глазу движением. Разве что, поиграть захочет, как котёнок с едой.

Однако ничего подобного не случилось. Дикая охота унеслась прочь, преследуя не то

стайку болотных огоньков, не то собственные фантазии, беглецы же потихоньку пробирались вслед за провожатым. Эрик продолжал хмуриться: насмешливый паренёк не внушал ему доверия. Заметив это, Пёрышко успокаивающе сжала руку любимого и тихо произнесла:

— Я верю ему, Эрик. Пак родился не здесь, а на Туманном Альбионе, и был привязан к нему всей душой, пока не встретил Геро. Духу леса нелегко переменить дом — всё равно, что взрослое дерево пересадить на новое место. Но он это сделал, ради неё. А она... она...

— Сказала, что меня об этом не просила, — сказал Пак, не оборачиваясь. Пёрышко смущённо опустила глаза, Эрик же только тихо хмыкнул: такие страсти из-за бабы? Да ещё рогатой? «А сам-то? — подначил внутренний голос. — Не из-за Сигрид разве попёрся сюда» «Ага, из-за Сигрид», — сам себе подтвердил викинг и немного загрустил. «Ага, шаз-з-з! — ехидно заметили внутри, и Эрик с ужасом обнаружил, что у него целых два внутренних голоса. — Сигрид или не Сигрид, а из фюлька ярл тебя всё равно бы выпер. Или убил. Чтоб другим неповадно было дрянь всякую в дом тащить». Викинг угрожающе зарычал на оба голоса. Пак раздражённо шикнул.

Лепреканы выкатили бочки верескового мёда. Королева Мэб неторопливо вышла на залитый лунный светом круг камней. Движения её завораживали, как трепет ветвей на ветру, как плавно меняющиеся очертания облаков, как бегущая в ручье вода, как мечта...

Белая волчица весело скакала вокруг отца своих будущих щенят — праздничное настроение передалось и ей. А одноглазому волку было муторно на душе. Хотелось выть от тоски и печали, но голубоватая луна, прежде такая притягательная, теперь почему-то внушала ужас. Одноглазый забился в берлогу, в надежде, что здесь серебристый диск его не заметит, пройдёт мимо, оставит в покое. Подруга покладисто улеглась рядом. «Мужчины такие странные», — подумала она.

Ни одна из фей не заметила, как исчезла их повелительница. Взбежала ли по лунной дорожке, постукивая серебряными каблучками, растворилась ли в тумане, присоединившись к кавалькаде охотников, или улетела блестящей стрекозой — никто не мог бы сказать. Но так случалось каждый Бельгайн, а потому волшебный народец не взволновался. Королева здесь, её присутствие ощущалось как данность, Мэб разлита в воздухе, подобно аромату цветка или свету луны. И королева довольна происходящим.

— Здесь. — Пак раздвинул молодые рябинки, выжидающе поглядел на Эрика и протянул ему что-то зелёное.

— Что это? — Эрик подозрительно повертел листочек в руке.

— На удачу, — Пак хлопнул викинга по плечу. — Она тебе понадобится.

Рыжий подарком не впечатлился, а вот Пёрышко восторженно вскрикнула:

— Четырёхлистный клевер! Откуда он у тебя?

— Так... — уклончиво сказал Пак. — У лепрекона одного... одолжил.

Эрик только пожал плечами, одну руку положил на меч, второй сжал ладонь Пёрышко и решительно зашагал к узкому силуэту лодки. Фея шла неуверенно, будто с закрытыми

глазами.

Пак следил, как две фигуры растворяются в непроглядном для жителей холмов тумане. Вещи, в отличие от волшебного народца, свободно проходили через грань, и лодка с мешком припасов на корме проплыла по подводной реке, а потом ткнулась носом в берег ровно в том месте, где должна была по прикидкам лесного духа, помнившего очертания острова лучше, чем собственное лицо.

Человек не расслышал бы приближения альвы, но Пак обернулся.

— Ушли? — Геро улыбалась.

Вечно юный проказник с необычной для себя серьёзностью кивнул.

— Кажется, они действительно... пара.

— Я пришла отдать долг. — Изящные рога при движении оставляли мягко светящуюся дорожку в воздухе.

Пак вдруг погрузился, отвернулся.

— Не надо. Я не из-за этого. Просто хотел, чтобы королева снова улыбалась. Бард жестоко поступил с ней. Со всеми нами. Но особенно — с ней.

— А я не привыкла оставаться в долгу, — с лёгким раздражением заявила Геро, решительно шагнула вперёд и прижалась губами к губам Пака. Он не ответил, но и не отпрянул. Большие ореховые глаза стали невыносимо печальны, и альва отстранилась.

— Вот мы и в расчёте, — Пак вяло мотнул головой, и от его кудрей разлетелось облако пахучей пыльцы. Геро чихнула.

— В расчёте? Прекрасно! — весело воскликнула она, и прижалась к парнишке всем телом, обняла за шею и поцеловала одновременно нежно и страстно. Так, что лесной дух забыл, где он, кто он, и нужно ли ему дышать.

— Н-не понял, — заявил Пак, растерянно хлопая пушистыми ресницами.

— Дурак потому что, — фыркнула Геро и умчалась в лесную чашу, рассмеявшись точь-в-точь, как королева Мэб. А озадаченный юноша так и остался стоять, задумчиво рассматривая туманную границу холмов.

Повелительница фей протянула руку, и древесный паучок вложил в неё свою нить. Тотчас же от пальцев Мэб разбежались по сторонам светящиеся паутинки: тонкие и толстые, яркие и бледные, лунные и золотые. Королева выбрала две, и на конце каждой из них был Эрик: та, что заканчивалась в берлоге под старым дубом, была прочной, надёжной, как корабельный канат, но бледной, окутанной туманом. Вторая же горела ярким золотом, хотя и выглядела хрупкой. Тонкие пальцы королевы переплели обе нити, и вот они превратились в сверкающую дорогу, широкую, мощёную шлифованными каменными плитами. Дорога пересекала границу тумана, клубившуюся возмущёнными клочьями по сторонам от неё. Весело хохочущие кобольды, изрядно захмелевшие лепреконы, любопытные цветочные феи, сосредоточенные гномы хлынули по камням нескончаемым потоком.

Ульв пришёл перед рассветом. Торопливо обмылся холодной водой, не глядя влез в первую попавшуюся рубаху и выскочил из дома, не обратив на жену внимания, лишь улыбнулся старой саамке. Улыбка получилась печальной. Волку хотелось выть от

нетерпения и дурных предчувствий. Но вместо этого он побежал.

Королева задумчиво перебирала восковые лепестки только что сорванной кувшинки и, кажется, не заметила влетевшего прямо в воду Барда. Ульв с трудом перевёл дыхание: наклон её головы, гибкий стан и задумчивое лицо просто ошеломили. Как бывало каждый Бельтайн.

Мэб повернула голову. В её волосах зажглось целое созвездие, но цверг знал, что это не брильянты, а капли чистой росы. Белоснежная паутинка кружевом оплетала её грудь и плечи, струилась вниз свободным потоком, постепенно темнея, так что шлейф платья был уже совершенно чёрным.

— Ты прекрасна, моя королева, — глухо сказал Бард. Как говорил каждый Бельтайн.

— А ты — жалкий льстец, — невозмутимо ответила Мэб и равнодушно бросила на землю цветок.

— Да, моя королева, — почтительно склонил голову Ульв.

— И низкий предатель. — Она не глядела в его сторону, просто шла вдоль деревьев, едва касаясь стволов кончиками пальцев. Бард отметил, что она не носит больше длинных ногтей. Но вслух сказал только:

— Да, моя королева.

Воцарилось молчание, во время которого Мэб продолжала игнорировать собеседника, он же пожирал её голодным взглядом.

— Сама не понимаю, зачем каждый раз к тебе прихожу, — сказала она, наконец.

— Ты приходишь не ко мне, — в голосе Барда отчётливо слышалась боль, настолько сильная, что слова давались ему с трудом, — а к брещи.

— Брешь всегда рядом с тобой, — Мэб слегка поморщилась и отломил ветку ясеня, принялась обмахиваться ею, будто отгоняя от себя неприятный запах.

— Где тонко, там и рвётся, — приглушённо произнёс Ульв и порывисто дёрнулся вперёд, стараясь захватить движение воздуха, поднятое веткой в руке королевы. — Сегодня особенно. Я... чувствую твой запах. Твоё тепло.

Мэб усмехнулась, сорвала одуванчик и накрыла ладонью, оставив в ней поспевшие семена. Раскрыла руку и подула. Белые пушинки легко пролетели сквозь прозрачную, но непреодолимую для обоих собеседников, стену. Ульв повернулся боком, позволяя семенам, только что покоившимся на ладони Мэб, приведённым в движение её дыханием, коснуться его щеки. Когда это произошло, Бард накрыл пушинки рукой и закрыл глаза. Грудь его вздымалась часто и неровно, щеки покрыл лихорадочный румянец. Впрочем, такой же лихорадочный блеск таился и под сенью ресниц королевы, до срока утаённый от стороннего наблюдателя.

Она подошла к самой черте, где заканчивалась трава и начинался каменистый берег чёрного озера, и подняла руку. Так, будто опиралась ладонью на стену. Ульв тоже сделал шаг вперёд, прижался к преграде щекой, отрывисто произнёс:

— Я... умер бы... за то, чтоб снова... прикоснуться к тебе.

Мэб в первый раз взглянула ему в глаза. И прошептала ласково, настолько ласково, что это звучало, как насмешка:

— Границу убери, дурак.

Ульв долго молчал, словно купаясь в сиянии её глаз. Рука его, вопреки воле хозяина, стала медленно подниматься, стремясь к открытой ладони королевы.

— Люблю... тебя, — прозвучало так, будто слова вырвались у цверга прямо из груди, разорвав её на части.

И тут Сигрид не выдержала. Она уже несколько минут наблюдала за разговором, хоть и не понимала ни слова кельтской речи. А, впрочем, чего там понимать? Сияющая волшебной красотой королева туманов (девушка при виде её даже зубами скрипнула: да уж! Ни с кем не перепутаешь!) явно издевается, а на Ульва смотреть жалко. Чуть на ногах держится. При последних словах Мэб лицо у него такое сделалось, будто она мужу Сигрид нож в сердце воткнула и повернула пару раз. Вот! Мужу Сигрид. Жена она ему или кто? Надо действовать, для того и пришла.

— Не отдам! — завопила дочь ярла так яростно, что Альвгейр мог бы гордиться её боевым кличем. И бросилась между Ульвом и Мэб, обхватила мужа за пояс, отпихнула в сторону, благо он и не сопротивлялся. То ли от неожиданности, то ли колдовство, которым Мэб его к себе тянет, на Сигрид не действует.

Тонкая бровь королевы издевательски изогнулась. Следующую фразу она произнесла на понятном Сигрид языке:

— Кошечку решил завести? Стареешь уже?

— Я — его жена, — огрызнулась дочь ярла и твёрдо встретила взгляд повелительницы фей. — И я его тебе не отдам!

Ульв дёрнулся и слабо застонал. Сигрид обняла его, прикрывая собой, хорошо, что худой да невысокий, уткнулась лбом в грудь и прошептала:

— Всё будет хорошо, слышишь?

Королева Мэб хмыкнула и поиграла пальцами в воздухе. Вышивка на рубашке Ульва тут же ошетибилась золотыми копьями-нитями, каждая из которых тянулась к Сигрид.

— Вот как, — произнесла волшебница, и Ульв опустил голову, ссутулил плечи, в одночасье будто состарился и высох. — Что ж, цверг, у тебя хорошая жена. Самоотверженная. Прощай. Мне больше незачем к тебе приходить.

Сигрид не поверила ушам. Она ожидала чего угодно: грома и молний, сгущающегося и душащего её тумана, страшных всадников с синими глазами, но никак не того, что Мэб развернётся и исчезнет. Вместе с белым маревом.

Они стояли так ещё некоторое время. Ульв молчал и не шевелился, девушка ласково гладила его по плечам и шептала утешения:

— Всё прошло! Она не вернётся! А если вернётся, я ей, знаешь, как? Ульв? Ты меня слышишь?

— Сигрид, — сказал вдруг Ульв, и в его голосе было что-то, чего раньше она в нём никогда не слышала. Сигрид подумалось, что это нежность.

— Что? — она прижалась к твёрдой груди ещё теснее, рассеянно отметив, что не слышит стука сердца.

— Если бы я не поклялся Вар защищать тебя, я бы сейчас тебя убил, — Ульв Стейнсон отстранил девушку от себя. — Уходи, — жёстко сказал он, глядя куда-то сквозь неё.

— Но... — начала Сигрид испуганно и непонимающе. Лицо мужа страшно исказилось, и он произнёс ещё одно слово на чужом, шелестящем языке. Ноги сами уносили прочь, глаза застилало слезами, а по пятам летел волчий вой, полный смертной тоски.

Ульв упал на колени, будто ему подрубили сухожилия, прижался лбом к выступу скалы. Порыв ветра ударил его в висок, но даже не пошевелил волос. Тёмные пряди застыли, будто

высеченные из обсидиана, а бледная кожа стала медленно прорастать прихотливыми малахитовыми прожилками, всё сильнее наливаясь зеленью.

Где-то далеко одна за другой лопались струны трёхрядной серебряной арфы.

Королева стояла в кругу камней и её лицо ничего не выражало. Лишь во взгляде глубоких, как омуты, глаз, читалось любопытство, с каким мальчишка отрывает крылья пойманной мухе.

Струн было много. Они лопались медленно, одна за другой, и каждая кричала своим, особенным голосом, полным отчаянья, раскаянья или тоски. Придворные королевы фей прекратили празднование. Настроение Мэб явно изменилось, и те, кто не ушёл по каменной дороге за границу холмов, старались говорить тише, двигаться незаметнее и ни в коем случае не попасться повелительнице на глаза.

И, тем не менее, королева наблюдала за умирающей арфой не одна. Паку некуда было уходить от своего леса, а потому он растворился в зелени листвы, слился с испуганной разрывающимися струнами тишиной, и укрыл собой Геро. Рогатая альва пристально следила за королевой, приоткрыв губы в жестокой улыбке.

Взошедшее солнце высушило брильянты в причёске Мэб, и её волосы сделались матово-чёрными, подёрнутыми фиолетовой дымкой. Королева шагнула вперёд и чуть наклонилась: струны осталось всего две. Геро кровожадно оскалилась, показав ровные белые зубки. Пак замер, словно вместе с опальным цвергом каменел и дух леса, погружая свои владения в мёртвую, неестественную тишину.

— Дз-з-зинь!

Мэб, не меняя выражения лица, протянула руку. Последняя струна слабо завибрировала, сжатая её ладонью. Но осталась целой.

Лес вокруг неё перевёл дыхание. Всё ещё не решались петь птицы, но чудовищное напряжение разрядилось, вытекло сотней ручейков, впадающих в спокойную могучую реку. Без слов, одними бликами среди дубовых ветвей, Пак сказал Геро:

— Я уже боялся, она позволит ему уйти.

Глаза альвы хищно горели. Она облизнулась.

— В мир мёртвых? О нет, это было бы слишком просто. Великий Лжец заслужил большего. Гораздо большего! Видеть, чувствовать, понимать, но быть не в состоянии что-либо изменить. Именно то, на что он обрёл прекраснейшую из королев. Бард проклят бессмертием, Пак. И выпьет чашу до дна. Никто, кроме Мэб, не может его убить, а она не захочет: слишком сильно его ненавидит.

— Или любит, — сказал Пак, но так тихо, что на этот раз его не расслышала даже Геро.

— Что ты наделала? — спросила Сату у всклокоченной, расцарапанной ветвями Сигрид, когда та, наконец, перестала безумно вращать глазами, а, стуча зубами о край кубка, стала глотать колодезную воду.

— П-прогнала королеву Мэб, — в ответе дочери ярла не слышалось ни гордости, ни торжества.

— А он? — Шаманка осторожно забрала у девушки сосуд. Та этого, кажется, даже не заметила.

— Сказал, что хочет меня убить, — в голубых глазах плескались усталость и удивление.

Сату воззрилась на Сигрид с недоумением. А потом уголки её губ стали медленно опускаться.

— Ах я, дура старая, — шаманка прижала голову девушки к груди и тяжело вздохнула. Сигрид всхлипнула. — Только теперь, кажись, начинаю понимать...

С юной супругой Стейнсона случилась нервная горячка, так что саамка, разрываемая чувством вины, осталась при ней, а чёрный омут ярлу с молодым нойдом искать пришлось наугад.

Повезло Альвгейру. Увидев, в какой позе застыл Ульв, он насмешливо фыркнул. Но когда цверг никак не отреагировал, не на шутку встревожился.

— Эй, землеройка!

Ульв оставался неподвижен. Альвгейр схватил его за плечо... и похолодел. Попытался откинуть пряди, закрывающие лицо — они обратились монолитным камнем.

— Не смей каменеть, урод. — Ярл выглядел ребёнком, испуганным и растерянным. — Не смей оставлять меня одного! Я не удержу её на островах, даже мы с Онни не удержим!

Ульв не отвечал.

— Ах ты! — Альвгейр заехал изваянию кулаком в ухо и тут же скривился от боли: разбил костяшки в кровь. — Ты не можешь просто взять, и сдохнуть!

Близкий к отчаянию ярл обхватил цверга руками, сделал над собой нечеловеческое усилие и приподнял его над землёй.

Тащить Ульва пришлось около трети пути. Потом его свалили на повозку, и он лежал всё в той же коленопреклонённой позе, даже не как труп — как камень. Альвгейр не преминул заглянуть цвергу в глаза. Они всё ещё оставались открытыми, но, как и всё остальное лицо, казались теперь высеченными из огромного куска малахита, лишь на месте зрачков поблёскивали неуместные для этого камня золотистые искры.

Старческая ладонь ласково погладила зелёный камень.

— Мучается, сердешный.

— Он ещё жив? — встрепенулся Альвгейр. — Можно это как-то обратить?

Сату с Онни переглянулись. Шаманка сжала губы в жёсткую ниточку, её внук опустил голову и вышел из дома.

— Не знаю, — Сату поглядела на обливающуюся слезами Сигрид, мёртвой хваткой вцепившуюся в окаменевшего мужа. — Но я попробую. Иди, помоги Онни. Не мешай мне.

Альвгейр посмотрел на дочь. И снова на саамку.

— Я не буду мешать. Но останусь здесь.

Шаманка сощурилась.

— Кто он тебе, золотоволосый? Друг, враг, временный союзник? Я должна знать.

— Мне он... — ярл замялся, всерьёз задумался. — Брат. Вроде того.

— Вроде того? — хоть старуха и усмехнулась, её взгляд оставался цепким, пристальным.

— Большую часть времени мне хочется его убить, — нехотя признался Альвгейр. — Или хотя бы держаться от него как можно дальше. Ульв тот ещё змей, если ты не знала.

— Я знаю о нём больше, чем ты думаешь, золотоволосый, — сухо ответила Сату, но тут же добавила: — И ты прав: он тот ещё змей. Но я спрашивала тебя о другом.

— Мне важно, чтобы он выжил. Очень важно, — Альвгейр твёрдо встретил взгляд шаманки, которого обычно избегал.

— Из-за неё? — Сату едва заметно кивнула в сторону Сигрид. Ярл скривился.

— Нет. Из-за... её матери, может быть. Я ему остался должен... кое-что. Да не в этом даже дело... — Сату с удивлением отмечала, как золотоволосый растерян. И искренен. В кои-то веки он не бахвалился и не петушился. — Когда в фюльке восстание замышляли, когда конунг меня казнить хотел, когда Эрик туман этот проклятый припёр... Ульв всегда приходил. Я не просил его, никогда бы не попросил этого уroda ни о чём, но... если цверг умрёт, я останусь тут совсем один, понимаешь? Один с... людьми.

И Сату действительно поняла. Осознание пришло ярко, как вспышка молнии: нойды путешествуют по мирам, в Верхний или в Нижний, где можно испросить совета у предка, это уж у кого предки какие. Туда ушёл Олли, там гордо несёт золотые рога Мяндаш. И людям-оленям не страшны ни бури, ни чужеземные воины, ни внутренние распри: всегда есть у кого защиты спросить, от кого ждать помощи.

Ульв показал ей Свартальфахейм, в котором родился, но она знала, что прожил Волк там недолго. А Льесальфахейм, откуда происходит заносчивый Альвгейр, так и остался недоступной мечтой, погребённой за колдовской границей холмов. Мир светлых ши там, а полукровка — здесь. Почему, Сату было не важно. Но теперь она видела, что значит для Альвгейра смерть ещё одного, пусть и тёмного, альва.

Худенький нескладный подросток с нездоровым цветом лица сидел на правом, обрывистом берегу реки и лениво наигрывал на тростниковой дудочке. Прямые чёрные волосы юноши были собраны в хвост на затылке, на лбу же перехвачены ремешком, как обычно делают кузнецы Свартальфахейма. Этот-то ремешок и сорвал юный светлый ши, чьи золотистые кудри свободными кольцами опадали на плечи.

— Обручи носят только девчонки! У нас так не принято.

Музыкант отбросил дудочку и вскочил, встав в угрожающую позу. Нескладность его при этом волшебным образом улетучилась, острые локти и колени двигались плавно, ярко-зелёные глаза злобно сверкнули из-под упавшей на них длинной чёлки.

— Не прикасайся ко мне, ублюдок, — презрительно выплюнул черноволосый парень, который хоть и выглядел младше, был примерно ровесником золотоволосого, невольно вздрогнувшего при последнем слове.

— Я Альвгейр эйп Аквиль! — гордо вздёрнул подбородок обитатель Льесальфахейма. — А ты... ты грязный цверг! Землеройка!

— Я-то цверг, — высокомерно подтвердил низкорослый, — и в хрустальном гробу видал ваш Льесальфахейм с его идиотскими правилами и сотнями королей и королев, роящимися, как мухи над дерьмом. В Мидгарде куда веселей.

— Так проваливай в свой Мидгард, тебе там самое место, — выкрикнул Альвгейр, и юный цверг безошибочно уловил фальшивую нотку в его тираде. А потому оскалился, как маленький волчонок, и вкрадчиво повторил слова отца, которым сам не верил ни на грош:

— Я бы с радостью, да матушке родных проведать захотелось. А они, вот незадача, живут именно здесь.

Альвгейр скривился.

— Лепреконы! Как их только здесь терпят, жалких пьяниц!

Лицо юного цверга отчётливо позеленело.

— Твой папаша тоже явно не воды хлебнул, когда на смертную бабу польстился. Я даже не представляю, сколько для такого вылакать надо было!

— Ах, ты! — ши-полукровка стремительным движением заехал насмешнику по высокой скуле. От неожиданности цверг покачнулся и упал, но тут же вскочил, сжимая в руке камень. Черты его слегка вытянутого лица ещё больше заострились, угрожающе заблестели слишком длинные для человека, да и для ши, белоснежные зубы.

— Альв-гейр, — отдельно, нарочно растягивая слоги, произнёс цверг. — Копьё альва. Интересно, какое копьё имела в виду твоя мать, когда давала тебе такое имя? — ухмылка черноволосого была явно глумливой, что только добавляло двусмысленности словам. — То есть, каждый раз, как тебя называют по имени, имеют в виду это самое... твоего отца?

За всю свою жизнь Альвгейр никогда ещё не был так разъярён. Не думая о последствиях, о том, что скажет на это бабушка-королева, или, того хуже, отец, он вскинул руки и прокричал заклятие вод. Над головой у него сгустились тучи, река, только что мирно нёсшая свои воды, вздыбилась горбом, ударилась в берег.

Цверг запустил в противника камнем. Ши легко увернулся. Казалось, что увернулся. Но камень, вместо того, чтобы лететь, как это обычно делают камни, неожиданно повернул и ударил юношу в грудь. Альвгейр резко выдохнул, но тут же выровнялся, с ненавистью поглядел на цверга и снова вскинул руки.

Подземные ручьи гейзерами взорвали землю. Река бесновалась. Одна долгая секунда, и кусок берега, на котором стоял Ульв, рухнул в воду. Альвгейр был уверен, что цверг камнем пойдёт ко дну, но тот судорожно бился и, кажется, поднимал наверх это самое дно, поэтому водный ши продолжал нагнетать вокруг него собственную стихию, немного просчитался, и вода закрутилась вокруг Ульва исполинской воронкой. Откашлявшись, тот жадно глотнул воздуха и пропел, притопывая ногой:

На подмостки выхожу,
Вниз от страха не гляжу,
Вам легко смотреть из зала,
Как на сцене я дрожу.

Ручка ходит не туда,
Ножка ходит не туда*...

Альвгейр почувствовал, что собственное тело ему больше не принадлежит. Руки и ноги дёргались, выкидывая коленца какого-то безумного танца, то и дело ударяя несчастного лбом в дерево или затылком о скальный выступ. Все попытки сопротивления бессильно тонули в накатывающих волнах дикого, звериного страха.

А Ульв почувствовал, как кто-то вывернул ему ухо.

— Сколько раз повторять тебе, паршивец, — прошипел Брокк, — чтоб ты не смел...

Бледный, как мел, Мер эйп Аквиль быстро перебирал пальцами, успокаивая реку, ручьи, разгоняя тучи.

Ульв смотрел на Брокка исподлобья, молчал и избавлять Альвгейра от издевательств явно не собирался. По счастью, помимо рассерженных отцов, тут присутствовал и

седобородый старец в просторных одеждах друида. Он достал из потайных складок маленькую дорожную арфу и взял несколько небрежных нот. Альвгейр обессиленно опустил на песок. Увидев отца, попытался слабо улыбнуться, но, перехватив взгляд сапфирово-синих глаз, понял, что буря, вызванная молодым эйп Аквилем, ничто по сравнению с головомойкой, которую устроит ему Мер.

— У вашего мальчика действительно недюжинный талант, — обратился друид к коренастому цвергу, всё ещё державшему сына за вывернутое ухо, которое уже покраснело и разболелось. — По нему школа бардов плачет.

— Ремень по нему плачет, — процедил Брокк. — С пряжкой из сырого железа. Весь Свартальфахейм извёл. Да и в Мидгарде... что ни год — переезжать приходится.

— Думается мне, — довольно погладил бороду друид, — перед нами будущий филид. А то, кто знает, может, и...

Оба цверга одинаково поморщились, так что, наконец, стали похожи на отца и сына.

— Тьфу на вас, — нелюбезно огрызнулся Брокк. — Не надо из моего волчонка менестреля делать. Просто научите его... ну, я не знаю... обращаться с этим. С этим... всем. Чтоб... контролировать умел.

Друид снова погладил бороду и где-то там, в её глубине, ехидно усмехнулся. Правда, этого никто не увидел.

— Сделаю, что смогу, многоуважаемый Советник Брокк. А дальнейшее... не от меня зависит.

Вечером того же дня Ульв сидел, с ногами взобравшись на роскошно убранную постель в гостевой спальне дворца Льесальфахейма, и мстительно царапал ножом украшенный тончайшей резьбой столбик, поддерживающий балдахин. Ничего более оригинального или разрушительного юноше в голову не приходило. Ульв не оторвался от своего занятия, даже когда в комнату вошёл Брокк и со вздохом опустился рядом с сыном. Старший цверг сокрушённо молчал, младший упорно продолжал уродовать мебель. Наконец, Ульв не выдержал и злобно прошипел:

— Так вот, зачем мы сюда приехали! Сразу бы так и сказал. Нашёл, мол, способ от тебя избавиться, собирай манатки. А то матушка! Родичи! Она их хорошо, если раза три вспомнила-то за всё время.

— Не смей так говорить! — строго осадил его Брокк, и Ульв слегка напрягся, ожидая затрещины. Но вместо этого отец сграбастал подростка в охапку, как будто тот был совсем ещё ребёнком, и прижал к себе. — А главное, не смей так думать.

Ульв что-то неразборчиво засопел, спрятав лицо под чёрной чёлкой.

— Я и сам не в восторге от этих струнодёров, — снова вздохнул Брокк. — Но что делать, сынок, если ты таким уродился... гхм...

— Дефективным?

— Талантливым, — мягко произнесла невысокая рыжеволосая женщина, узкое лицо которой чем-то неуловимо походило на хитрую лисью мордочку, и опустилась на другую сторону кровати.

— Мам! — Ульв высвободился из объятий отца и прильнул к женщине. Она ласково погладила его по щеке. — Ну я же не виноват! Почему я не родился нормальным цвергом? Или хотя бы нормальным лепреконом?!

Оба родителя слаженно фыркнули.

— Благодарение всем богам, — прогудел в бороду Брокк, — что ты не родился ни тем, ни другим.

— Я на вас даже не похож, — пожаловался Ульв, и, секунду поколебавшись, добавил: — Иногда я думаю, что я вообще не ваш сын, а человеческий подменьш.

— Глупости какие! — всплеснула руками мать. — Думаешь, я приложила бы к груди человеческого детёныша?!

— Так многие делают.

— Мальчик, ещё слово в таком духе, и я тебя выдеру, — строго сказал Брокк. — Не посмотрю, что уже грунты пластами двигать начал, — и тут же усмехнулся, добавил с одобрением и нежностью: — Здорово ты, того, Альвгейра проучил. Помню, от меня Меру тоже раз досталось...

— Нашёл, чем хвастаться, — хлопнула мужа по руке рыжая лепрекониша, и снова обратилась к сыну: — Что же по поводу подменьшей: тут ты отчасти прав.

Ульв вздрогнул, а мать поспешила разъяснить:

— Это у людей дети похожи на отцов и матерей, где и как их не расти. А на альва откладывает отпечаток волшебство того места, где проходит его детство. Потому и выходят подменьши лицом и статью подобными на людей, в чьей семье им приходится жить, будь они на самом деле ши или троллями. Ты рос среди людей, вот и похож на них лицом сильнее, чем мы с отцом, ничего удивительного в этом нет.

— А голос? — обиженно возразил Ульв. — Вы ведь из-за него уехали из Свартальфахейма. Из-за того, что я... ну...

— Резонировал сильно, — поморщился Брокк. — Хорошая акустика, с тем и строили.

— Послушай, сынок, — мать погладила его по волосам и лукаво улыбнулась, — не думаешь же ты, что у тебя в роду только цверги да лепреконы? Мой дед по отцу — лесной альв, по матери — дин ши. А его бабка, говорят, была сиреной. Кровь, пусть и дальняя, сказывается.

Ульв удивлённо уставился на мать.

— А... почему ты раньше никогда не говорила?

— Было бы чем гордиться, — буркнул Брокк, чистокровный цверг до камня костей, чем заслужил от жены сердитый взгляд.

— Да как-то к слову не приходилось, — ласково сказала мать, укладывая голову сына к себе на колени. — Никто ведь не заставляет тебя становиться филидом или даже бардом, если сам не захочешь. Но поучиться ведь можно?

— Опыт за плечами не носить, — подтвердил Брокк. И задумчиво добавил: — Может, они тебя за пару лет так достанут, что сам голосить бросишь.

Ульв только вздохнул и уткнулся матери в колени.

Когда родители покидали спальню юного цверга, было уже совсем поздно. Брокк пропустил жену вперёд и задержался на пороге:

— Но ты бы, сынок, с Альвгейром полегче. Я знаю, он тот ещё засранец. Но его отец спас мне жизнь. Не забывай об этом, если ты цверг.

— Ты ему тоже жизнь спас, — буркнул Ульв.

— Я ему — один раз, а он мне — дважды, — сообщил Брокк и подмигнул. — Разницу чувствуешь?

Ульв, пусть и нехотя, кивнул.

Безупречные черты лица благородный ярл Мер эйп Аквиль унаследовал от своего не менее благородного отца — доблестного дин ши. От него же потомку досталась и аристократичная осанка, и врождённые повадки высшего фейри. Маленький Мер умудрялся выглядеть царственно, даже слизывая с пальцев вишнёвое варенье, которое, сидя в кладовке, за неимением ложки зачерпывал прямо руками.

С возрастом этот эффект только усиливался, и уже несколько десятилетий королева сидов поглядывала на сына, не баловавшего двор частыми визитами, без былого неодобрения — наследник появлялся редко, но производил неизгладимое впечатление, особенно на гостей. Альвгейр же перед отцом просто благоговел.

Вот и сейчас он входил в наполненную светом и воздухом залу, где ожидал его Мер, с трепетом, которого не испытывал на пороге самых почитаемых святилищ Льесальфахейма, и у него дух захватило от восхищения. Ярл светлых альвов стоял между невесомо-хрупких, будто отлитых из тончайшего фарфора, колонн. Его плащ цвета топлёного молока оттенял матовость кожи, золотые кудри драгоценной рамой обрамляли возвышенное лицо, с которого известнейший художник Мидгарда писал образы богов. За один взгляд колдовских, манящих сапфировых глаз слабохарактерные короткоживущие готовы продать водному ши душу.

Высокородный эйп Аквиль был невыразимо прекрасен, неприступен... и молчал.

Эту казнь Альвгейр почитал наихудшей из всех возможных. Ему уже приходилось сталкиваться с отстранённым высокомерным выражением на лице родителя. Разочаровать отца юный полукровка боялся сильнее смерти, а потому не выдержал, и очень скоро нарушил этикет, заговорив первым:

— Отец, я не виноват! Этот цверг, он...

Мер прервал его одним небрежным жестом. Небесно-голубая ткань рубашки мягкими волнами-складками набежала на запястье, потонувшее в пене кружев.

— Меня не интересует. С поведением юного Ульва будет разбираться его отец. А я не намерен выслушивать, как ты ябедничаешь. Достаточно того, что я видел: ты подрался, и ты проиграл.

Альвгейр задохнулся от стыда и волнения, он готов был провалиться сквозь землю, да только с землёй очень уж ловко управляют проклятые цверги.

— Я вижу, — сказал высокородный Мер эйп Аквиль и повернулся к сыну спиной, — что влияние моей матери оказывает на тебя пагубное воздействие.

У Альвгейра пересохло во рту.

— Я привёз тебя в Льесальфахейм учиться родовой магии, раз уж ты мой сын, — продолжал Мер. — И что я получил? Заговаривать воду ты умеешь, да, но когда и как применять эти умения, у тебя ни малейшего понятия.

Альвгейр покрылся холодным потом и побледнел. Мер обернулся. Юноша, ожидающий следующих слов отца, словно приговора суда, как будто со стороны увидел и себя, застывшего в неловкой позе, ссутулившегося, старающегося казаться меньше, или вообще исчезнуть из поля зрения, и высокородного ярла. Каждое его движение было исполнено достоинства, плечи разворачивались так, будто это вода переливалась по плавно изогнутой поверхности. «У меня никогда так не получится, — сам себе сказал полукровка-ши, — хоть всю жизнь с танцмейстером тренируйся».

— Ни малейшего, — повторил Мер, глядя сыну в глаза, и тем самым возвращая его в реальность. Альвгейр судорожно сглотнул и вернул отцу взгляд: затравленный и испуганный.

— Я отправляю тебя в Мидгард, — сообщил водный ши таким тоном, будто только что выкачал из слов всю подвластную ему стихию. — Надеюсь, ещё не слишком поздно.

Несколько секунд Альвгейр был совершенно растерян. Но всё время молчать тоже не следовало, а не то отец решит, что его сын совсем идиот. И будет, возможно, не так уж далёк от истины.

— Вы... отсылаете меня к семье матери, милорд?

— Можешь и к матери, — Мер повёл плечами, отчего мягкие складки воротника ещё выгоднее (хотя это и казалось уже невозможным) подчеркнули идеальную форму ключицы. — Если выяснишь, кем она была — я не возражаю, можешь её родичей поискать.

Ещё несколько секунд Альвгейр хлопал длиннющими, плавно изогнутыми, как у отца, ресницами.

— Я надеялся, вы мне откроете её имя, милорд.

— Я бы с радостью, — усмехнулся вдруг Мер. — Если б знал, обязательно бы тебе сообщил.

— Она скрыла своё имя от вас, милорд? — несказанно удивился Альвгейр коварству неизвестной родительницы.

— Ну отчего же, — Мер прислонился к колонне, задумчиво потеревил завязку плаща, — может, и не скрыла. Даже наверняка говорила. Но я, признаться, отчётливо не помню, даже сколько женщин у меня в ту ночь было. Три? Или пять? Если пять, то, кажется, две пары близняшек. Нет, это бы я, наверное, запомнил. Скорее, просто...

— Вы были пьяны? — в ужасе воскликнул Альвгейр.

— Как последний лепрекон, — кивнул высокородный эйп Аквиль. — И даже больше. А чего ты ожидал, мальчик? Трезвый на празднике урожая — шпион. А я шпионом не был, я был почётным гостем.

— Но... — Альвгейр был настолько шокирован родительскими откровениями, что даже перестал на время переживать из-за предстоящей ему самому участи, — как же королева Рива говорила, что ваша любовь к смертной женщине была так велика, а скорбь после её смерти так ужасна, что вы...

Мер театрально закатил глаза.

— Всю эту чушь я наговорил твоей бабушке потому, что она совершенно извела меня требованиями выполнить, наконец, свой долг перед народом, выбрать себе жену из благородной семьи и подарить роду эйп Аквилей наследника. А я ещё слишком молод, чтобы похоронить себя заживо рядом с бессмертной супругой, как это сделала моя благородная мать, всю жизнь мечтавшая о большой чистой любви и тихо ненавидевшая твоего деда.

Мир юного полукровки-альва разбился вдребезги. Его безупречный благородный отец, на которого в Льесальфахейме молились, как на идола, оказался... оказался... Альвгейр осёкся, даже мысленно не решаясь этого произнести. А Мер продолжал добивать сына подробностями:

— Я о тебе и не узнал бы никогда, как о большинстве твоих братьев и сестёр...

— Братьев? — Альвнейр задыхался, как рыба, вытасченная на берег. — Сестёр?

— Не надосмотреть на меня, как на диво морское, — мелодично рассмеялся Мер. —

Это же смертные! Ты только поглядел в её сторону, а она уже забеременела. Не то, что долгоживущие, которым надо блюсти фазу луны, температуру воздуха, магический фон и Двалин знает ещё какую ерунду, чтобы зачать, наконец, вождьеленное чадо. Дети, воспитанные людьми, не обладают магией. Из них получаются такие же смертные, как и их матери, разве что чуть более красивые, умные и талантливые, чем прочие. Ладно, от светлых альвов — более красивые, от тёмных — более умные, чтоб и то, и другое, редко бывает, так что баланс не нарушается.

Пока Альвгер стоял, как громом поражённый, Мер продолжал:

— Так вот, я бы никогда о тебе и не узнал, если бы не Брокк. Цверги просто помешаны на культе семьи. С продолжением рода у них такие же сложности, как у всех альвов, но тёмные им особенно озабочены. И совершенно не понимают шуток на этот счёт. Видел бы ты Брокка, когда у них родился Ульв! Почтенный цверг ликовал так, будто одним махом выковал Гуингнир, Брисингамин и Драупнир. Дёрнуло меня тогда сказать: будь у меня тоже сын, я бы разделил твой восторг. А он больше года потратил, тебя уже от груди отлучили, но нашёл. Я спросил у него только где и когда, городок тот смутно припомнил... вода подтвердила, что ты мой сын, королева получила долгожданного наследника, я — свободу, все были счастливы.

На глаза Альвгейра навернулись слёзы.

— Ну-ну! — Мер грациозно приблизился и похлопал юношу по плечу. — Не расстраивайся. Рано или поздно, ты должен был узнать.

Альвгейр сокрушённо кивнул, пряча лицо.

— Я дам тебе с собой одно письмо, — мягкие нотки в голосе Мера немного растопили лёд, сковавший сердце юного полуальва, — к конунгу, который мне кое-чем обязан. Он возьмёт тебя в свою дружину.

Альвгейр поднял голову.

— Дружину?

— У них это называется хирд, — уточнил Мер, невесомым движением приподнимая подбородок сына, заглянул в такие же синие, как у него самого, глаза. — Тебя там научат... постоять за себя, а также тому, как следует говорить, как молчать... в общем, быть мужчиной.

Золотая рыбка надежды заплыла в грудь Альвгейра и забилась там, цепко пойманная в сети. Так, всё-таки, ему не всё равно? Юный ши готов был разбиться водопадом, лишь бы заслужить ещё одну такую улыбку отца, увидеть, как появляются ямочки у него на щеках.

— Я не посрамлю ваше имя, милорд! — с жаром воскликнул Альвгейр и встал на одно колено, будто приносил клятву.

— Это хорошо, — пробормотал Мер, гадая, удастся ли ему вырвать обратно собственную руку, или распереживавшийся отпрыск всё-таки запечатлеет на ней восторженный поцелуй, — но только вслух его не стоит произносить. Как правило, я путешествую по Мидгарду инкогнито. И тебе советую.

Ярл водных ши ещё не успел как следует оправиться от разговора с сыном, а его уже перехватила собственная мать. Королева Рива с присущей действующим монархам тактической сноровкой отрезала Мера на стрельчатой галерее и зажала в угол беломраморной беседки.

— Ты слишком суров с ним! — воскликнула любящая бабушка, уже который год

старательно игнорирующая сомнительное происхождение долгожданного внука. — В конце концов, что такого мальчик натворил? Намочил штанишки какого-то цверга? И за это отсылать ребёнка на съеденье дикарям?

— Альвгейр уже не ребёнок, — нейтральным тоном сообщил Мер, искоса разглядывая королеву.

— Не смей равнять его на век короткоживущих! — немедленно взвилась высокородная феяри.

— И не думал даже, — невозмутимо склонился над её узким запястьем почтительнейший из сыновей. — Сегодня я убедился, что ваш внук, миледи, не терял времени под вашим неусыпным надзором, и в достаточной мере овладел родовой магией, чтобы находить ей практическое применение. Я восхищён вашим искусством, позволившим сделать из моего сына достойного представителя нашей семьи.

Королева порозовела от удовольствия.

— Да, он делает успехи, наш маленький Альвгейр. Но, — тут же спохватилась она, — в Мидгарде слишком опасно! Что, если его убьют?

— Ваш недостойный сын всегда возвращался невредимым, миледи, — смиренно произнёс Мер, глядя на мать преданными глазами комнатной собачки.

— Ты... высокородный ши, — резонно заметила Рива. — А мальчик, всё-таки, наполовину человек...

— И запросто берёт в руки смертельное для меня железо, — мягко сообщил Мер, одарив королеву такой обворожительной улыбкой, что она невольно на неё ответила.

— Я нижайше прошу вас, миледи, позволить Альвгейру маленькую прогулку в Мидгард. Молодому наследнику полезно будет немного порезвиться, прежде чем он займёт своё место у вашего престола и сочетается браком с какой-нибудь достойной особой, которую ваше мудрое сердце для него изберёт...

Рива окинула сына задумчивым взглядом. На выразительном лице Мера лежала печать несчастной любви и горечи потери. Королева тихонько вздохнула.

— Ладно, пусть...

Закрытый экипаж уносил Брокка и его рыжеволосую супругу от гостеприимных стен Льесальфахейма, и салон казался непривычно просторным, потому что в прошлый раз они сидели тут втроём. Виона вздохнула.

— Я уже скучаю по нашему мальчику.

— Я тоже, — признался Брокк. — Как подумаю, что ему предстоит, аж зло берёт! Струнки эти, песенки, тьфу! У парня такой удар с левой! Даром, что по комплекции в лепреконов пошёл...

Виона поморщилась и немедленно нашла в сложившейся ситуации свои плюсы:

— По крайней мере, там будет кому за ним приглядеть. Этот друид... производит впечатление серьёзного мастера.

Брокк пробормотал что-то неразборчивое про длиннобородых, которые примазываются к славе.

— Что-что? — Виона наклонилась к мужу, чтоб лучше слышать.

— Я говорю... — но закончить Брокк не успел, потому что именно в этот момент крышу экипажа пробили ноги высокородного Мера эйп Аквиля, приземлившегося аккурат в

объятия цверга.

— Вот проклятье! — воскликнул он. — Я надеялся, что с этой стороны старушка Виона.

— Что?! — воскликнули супруги, а Виона ехидно добавила: — Это я-то старушка?

— Это в Мидгарде так теперь говорят, — отмахнулся Мер, уселся между цвергом и его супругой и обнял сразу обоих.

— Вы только посмотрите на нас! Снова все в сборе! Снова вместе! И! Самое главное! Никаких детей на горизонте! Как в старые добрые времена!

— Ну это ладно, — пробурчал Брокк, отпихивая от себя ши, — ноги тебе не жаль, а крышу-то зачем ломать было?

Мер принял придворный вид и назидательно произнёс:

— А невместно высокородному ярлу водных ши Меру эйп Аквилю, сыну и наследнику королевы Ривы, отбывать в одном экипаже с Советником королевы лесных ши Брокком, ибо при теперешней сложной дипломатической ситуации это могут счесть за...

— По-мидгардски сказать можешь? — перебил его Брокк.

— Отвали, так надо, — охотно перевёл Мер.

Брокк запыхтел, Виона рассмеялась.

— Как ты там своего малого, не сильно приложил? — пробасил, наконец, цверг. — Ему от волчонка и так досталось.

— Ничего, ему полезно, — легкомысленно отмахнулся Мер. — В Мидгард отправил, а то в этом курятнике из мальчишки того и гляди истинного водного ши сделают.

— Самокритично, — фыркнула лепрекониша со сложной родословной.

— Цыц! — рассмеялся светлый альв, воздевая вверх палец. — Я совершенно уникален. А мой юный отпрыск недостаточно крепок духом, чтобы пройти мой тернистый путь самостоятельно. Птица Альвгейр, увы, относится к гордому виду ежей.

— Главное, чтоб моргенштерном не кончил, — ухмыльнулся Брокк, подмигивая светлomu. Мер широко улыбнулся.

— Всё будет хорошо. В конце концов, он ведь мой сын. Я проверял. Больше того, ты сам проверял.

— В крайнем случае, Ульв за ним присмотрит, — рассудительно сказала Виона. — Он у нас очень ответственный.

— Надеюсь, мой наследник не останется после этого калекой или слабоумным, — нарочито забеспокоился ши. — Это ведь надо! Ваш парень — без пяти минут Великий Бард! Как вам столько лет удавалось это скрывать?

— Полегче с титулами, — буркнул Брокк. — Ты, всё-таки, говоришь о нашем сыне.

— Что-то имеешь против бардов? — удивился Мер.

— Не мужское это занятие, — поморщился цверг. — Ну, для светлого, может быть. Но не для нашего брата. Им же даже оружие запрещено.

— У твоего малыша такие зубки, что никакого оружия не надо, — погладил Мер по шёрстке отцовскую гордость. — А Великий Бард... с ним не только короли советуются. Даже боги в расчёт берут.

— Да и из твоего будет толк, — не остался в долгу Брокк. — У меня глаз намётанный, помяни моё слово, добрый воин выйдет. Если уму-разуму научить будет кому.

Эйп Аквиль коротко вздохнул и устался в окно.

— Поживём — увидим.

Глава 2. Слезы феи

Сигрид не замечала ничего вокруг себя. Сату, отец, какие-то люди... они мелькали где-то тут, у границы зрения, как бледные тени. Что-то говорили, но Сигрид не слышала, что. Не слушала. Это было не важно.

Важно было только одно: королева Мэб превратила её мужа в зелёный камень, холодный и безжизненный. Нечисть, одно слово! Слезы катились по щекам, и так же неудержимо проносились в голове воспоминания. Страшная свадьба... о, боги, какой же глупой была Сигрид, когда боялась, что муж повалит её на брачное ложе! Всё бы, кажется, отдала теперь, чтобы обнял, прижал к горячей, твёрдой, но всё же не каменной груди. Вспоминала ехидную улыбку и ласковые зелёные глаза, глядевшие на неё, как на ребёнка. А хотелось, ой как хотелось, чтоб смотрел, как на женщину, как... Сигрид вздрогнула. Как на королеву Мэб. Да, вот что это был за волчий голод, стоном рвавшийся из груди Ульва. Дочь ярла стиснула зубы и плотнее прижалась к камню.

— Разве ты не говорил мне, что самое сильное колдовство — это любовь? Я люблю тебя, слышишь? А она нет. Она только посмеялась, поиграла с тобой, и ушла. А я здесь, рядом. Значит, моё колдовство сильнее. Вернись ко мне!

— Ближе, — сказала королева Мэб, и он сделал ещё шаг. Короткий взмах руки — и голова дёрнулась от звонкой пощёчины. Соскальзывая, длинные ногти расцарапали зеленоватую кожу.

— За что на этот раз? — осведомился Бард смиренным тоном, стараясь хотя бы внешне подавить клокочущий в груди гнев. Кенн Круах бывал жесток. Он вполне мог приказать снять с вас кожу или сцеживать кровь в золотые кубки. Но управляться с ним легко: несколько слабых мест, на которые Великий Бард быстро научился давить, и бог с его жрецом пришли к взаимопониманию.

Королева Мэб могла бросить одно небрежное слово... да что слово! Взгляд! И Ульв не находил покоя неделями. Он не мог спать, катаясь по земле в бессильной ярости, стараясь постичь таинственные закономерности настроений повелительницы фей. Казалось, в последнее время придворному певцу это стало удаваться: раз или два королева соизволила выразить мимолётную благосклонность. И вот опять!

— Ты ещё спрашиваешь? — Мэб презрительно скривила губы. — Тупой цверг. Злобный и тупой.

Чудовищным усилием воли Ульв старался остановить малахитовые прожилки, вот-вот готовые разрисовать его тело, знаменуя победу породившей его стихии над разумом живого существа. Брокксон гордился своими предками. Но уподобляться некоторым из них ему не хотелось.

Мэб наблюдала за его внутренней борьбой с брезгливым любопытством.

— Или думаешь, я не знаю, кто приманил тех несчастных, кого утопили болотные огоньки? Мальчишку, которого феи затанцевали до смерти?

Ульв усмехнулся.

— Было весело.

Вторую щёку обожгло болью, как когда-то стрелой, но на этот раз Бард поймал королеву за запястье.

— Тупой. Злобный. Цверг, — повторила Мэб, до краёв наполняя презрением каждое слово. — Возвращайся к Кенн Круаху. Такой слуга ему больше подходит.

— Я не убивал их, — Бард поднёс к губам ладонь королевы. — Это сделали твои подданные.

— У большинства моих подданных соображения не больше, чем у меча или стрелы, — возразила королева, продолжая кривить губы. Но руки не отняла. — Ты это подстроил. Ты и в ответе.

— Но разве, — голос Ульва сделался глубоким и бархатистым, как летняя ночь, — придворный певец не обязан их развлекать?

Этот тембр даже без арфы позволял Великому Барду покорять почти любого. Но в тёмных глазах королевы плясали затаённые молнии.

— Люди — тоже мои подданные, идиот. Они ирландцы.

— Они всего лишь люди. — Мягкость интонации дополняла ласковые прикосновения губ, — и не стоят того, чтобы моя королева отбила свою нежную руку. — Золотистые искорки в зелени листвы. — Больно было?

— Возможно, ты прав, — Мэб небрежно провела второй рукой по груди Барда, и он с удивлением почувствовал, как выбилось из ритма сердце. — Что люди, что цверги... не стоят моего внимания. А вот друид, да ещё старой крови... что-то давно в Ирландии нет верховного короля, это непорядок.

Ульв вдруг побледнел, так что его лицо стало казаться высеченным из мрамора.

— Что?

— Мальчик, — голос Мэб журчал игривым ручейком, — ты разве не знал? Верховные короли Ирландии в родстве с альвами. Но время от времени стоит кровь освежать... не просто так им оставили ключи от холмов. Да, не оправдывайся, я знаю, что друид сам в сид прошёл. Ты, возможно, нашептал ему что-то, но он уже мужчина, отвечает за свои действия. — Силы в одночасье покинули придворного певца. Мэб околдовала его, как делала это всегда: незаметно, исподтишка. Пальцы разжались, выпуская женскую ладонь. Голова кружилась, ноги подкашивались. Королева удовлетворённо оглядела Ульва. — А он симпатичный. Высокий, сильный, рыжий... давно у меня таких не было. Я бы, может, поблагодарила тебя, что такого красавца привёл, да не за что — он ведь сам пришёл...

— Нет. — Ульв мечтал сейчас только об одном: не упасть. Не упасть к её ногам бесформенным мешком.

— Что «нет»? — Мэб издевательски пощекотала его кончиком ногтя под подбородком.

— Я его заставил.

— Ах, ты преувеличиваешь, мой бард, незачем брать на себя ответственность за чужие поступки. — Она ласково погладила его щёку, всё ещё горевшую от пощёчины. — Больно было? Ты ведь всего лишь мой маленький певец...

— Я пел этому друиду, — торопливо перебил её Ульв, — и заманил под омелу. А он даже серпом пользоваться не умел, мне пришлось всё сделать самому, и руны начертать, и...

Мэб покачала головой, цокнула языком.

— Ай-яй-яй, какие откровения. Но сделанного не вернёшь. А убивать его я не позволю. Придётся использовать по назначению, раз уж так сложилось.

— Я... я его верну, — Ульв прерывисто дышал и ошутимо покачивался.

— Куда вернёшь? — Мэб преувеличенно тяжело вздохнула и склонила голову на плечо Барда. — Время-то у нас по-другому идёт. Выпихнешь красавчика из холма, а он прахом рассыплется? Нет, он мне для этого слишком понравился.

— Верну в к-когда и откуда взял, — Ульв пытался сохранить равновесие: от бешеной пляски деревьев, неба и листвы его мутило.

— И как же ты это сделаешь, милый? — Барду безумно нравилось, когда она вот так насмешливо изгибала бровь. В тех случаях, когда это не относилось к нему.

— Не знаю, — честно ответил он, потому что на хитроумные иносказания не осталось сил. — Но я даю тебе слово.

— Ну что же, — Мэб невозмутимо слизнула капельки крови из царапины, оставленной её же ногтями. — Это действительно может быть интересно. Ведь прежде никто подобного не делал. Мы сами выходили в мир, шалили, или оставляли подменшей, но чтобы так...

Она прошла почти до границы леса, обернулась и произнесла совершенно изменившимся тоном: без издёвки, зато с оттенком угрозы.

— У тебя есть две луны, бард. Или выполняй, что обещал, или я не желаю тебя больше видеть.

Ульв кивнул и дождался, пока королева исчезнет из виду. А потом, наконец, позволил себе рухнуть на траву.

Викинг был опытным гребцом, а необычная лодка казалась воплощением Пёрышка: лёгкая, изящная, она серной бросалась вперёд от легчайшего прикосновения весла к воде.

К берегу пристали, когда уже совсем стемнело. Эрик опасался местных жителей, которым мог запомниться рыжий предводитель прошлогоднего набега. Его люди даже не пытались перебить всех: добыча куда важнее. Тех, кто убегал и прятался, не преследовали.

Сначала Эрик хотел править прямо в Исландию — подальше от острова королевы Мэб, благо в лодке оказалось и вяленое мясо, и овощи, и бочка со свежей водой. Но была одна загвоздка: Эрик воин, а не штурман. Направление на родной фюльк он представлял себе очень приблизительно, да и коварные морские течения — серьёзная угроза: хорошо, если просто задержат в пути, а ну как и вовсе перевернут углую лодчонку?

Эрик вздохнул. Далеко, далеко ему до ярла Альвгейра, который возвышался, бывало, на носу драккара, подобно полубогу, а волны послушно стихали от одного его взгляда даже в жесточайшую бурю.

А Пёрышко расплакалась.

— Что такое? — её спутник отвлёкся от малоприятных размышлений.

— Я... — всхлипывала фея, — я хотела превратиться в огонёк, чтобы... — она беспомощно махнула рукой на волны, отделявшие ткнувшуюся носом лодку от каменистого берега. — И не смогла!

— Ну, будет, — добродушно буркнул Эрик, поднимая девушку на руки. — Солёной воды тут и без того хватает.

Он уверенно шагал к темнеющему впереди скальному выступу, а Пёрышко вцепилась в его куртку мёртвой хваткой. Простодушный викинг не придавал значения преодолению границы холмов. Да что там! Он её просто не замечал. А вот болотная фея трепетала от ощущения чужеродности нового мира. Да, безвестность и бесславие, вынужденное пребывание в тени благородных альвов угнетали Пёрышко, приступы меланхолии у

королевы Мэб — пугали. Но всё-таки королевство фей было её домом. А что ждёт здесь, в мире людей? А если её оставит магия? Будит ли викинг так же любить свою фею?

Эрик бережно поставил её на песок.

— Подожди, я сейчас лодку вытяну.

Пёрышко озиралась, зябко потирая плечи, едва прикрытые лёгкой тканью. Ей было холодно. Викинг заботливо закутал девушку в один из тёплых плащей, тоже оказавшихся в лодке.

Место для ночлега оказалось неплохое: удачно расположенные скалы защищали от ветра и случайных взглядов. Эрик набрал сухих веток, порадовавшись, что давно не было дождя и костёр получится бездымным, огонёк же можно заметить только со стороны моря. Расстелил на песке свой плащ мехом наружу, усадил девушку, обнял.

— Вот, давай поедим.

Пёрышко протянула руку за куском сыра. Её ладонь заметно дрожала. Викинг прижал к себе юную фею и стал кормить, будто ребёнка. Некоторое время спустя она вдруг прижалась к его груди и уткнулась носом в могучую шею. Прошептала тихо:

— Мне страшно.

— Чего страшно? — с грубоватой лаской буркнул мужчина. — Я же с тобой.

Фея доверчиво прижималась к нему, но тихие всхлипывания продолжались. Эрик засунул руку под полу её плаща и погладил упругое бедро. Пёрышко невольно улыбнулась. А викинг подумал: «Надо платье ей нормальное достать. А то всё равно, что голая. Даже ещё хуже».

А потом они любили друг друга, забыв обо всём, не думая о будущем, до дна выпивая восторг момента единения. И ни викинг, ни болотная фея не заметили, что со стороны моря по земле стелется туман, а со стороны скал подползают люди в одежде из мохнатых шкур.

Альвгейр с благоговением взирал на преобразившуюся шаманку. Старуха резво скакала вокруг каменеющего цверга, ритмично ударяя в бубен. Она что-то напевала, но ярл ни слова не мог разобрать. Седые косы разлетались вокруг её головы, извивались, как змеи, металлические кольца на трёхцветном поясе позвякивали глухо, будто издалека. Тяжёлый запах трав, разожжённых шаманкой по углам комнаты, туманил разум. Альвгейру то мерещились насмешливые рожи троллей, то круги кобольдов, то вспоминались прежние битвы... его хирд. Медведи-берсерки и безжалостные, никогда не теряющие самообладания «волкоголовые». Враги панически боялись и тех, и других, неясно, кого больше. И голос барда. Чистый, яростный, заглушающий звон мечей и крики боли. Голос того, кто приходил побеждать. Того, кто теперь лежал безжизненным куском малахита.

Ульв слышал Альвгейра, но отстранённо и неразборчиво, будто через стену. А вот горячие слёзы Сигрид мучительно обжигали цверга, будто капли расплавленного железа. Хотелось отстраниться, спрятаться в каком-нибудь тёмном углу, окунуться в тишину. Звуки становились всё глуше, кожа теряла чувствительность, пусть и не так быстро, как хотелось бы, Ульв успокаивался... но тут тишина распалась. Развалилась от оглушительного удара бубна. Или, может быть, грома.

Белая молния надвое расколола одиноко стоящий дуб, и земля содрогнулась от оглушительного раската грома. Холодные плети дождя бичевали всё и вся, яростно пробивая даже волшебные плащи альвов, а дуб охватило пламенем. Бешеный ветер, с корнем вырывавший вековые деревья, раздувал огонь, и дождь исходил паром, раздражённо шипел, не в силах погасить его.

— Не ходи к ней, Бард, — дух леса загородил Ульву проход к гроту, но выглядел настолько испуганным, что цверг даже не ответил, просто отпихнул плечом и ринулся вперёд. — Она злится!

Но Бард уже проскользнул меж узких лезвий плакучей ивы, пологом закрывающей вход.

Любимый грот королевы Мэб, от центра которого несло вглубь горы свои воды чёрное озеро, был обычной карстовой пещерой. Правда, стены его искрились кристаллами великолепной чистоты. Щедрое подношение короля цвергов наполняло грот тёплым светом. Пак застелил пол толстым ковром мха, лоснящимися листьями брусничника, увил колонны сталактитов диким плющом. Повелительница фей удалялась сюда, когда искала уединения. Например, потому что не хотела ненароком кого-нибудь убить.

Ульв поднырнул под руку королевы как раз в тот момент, когда с её пальцев сорвалась очередная молния. Раскат грома, преумноженный эхом, на мгновение оглушил Барда, заключившего женщину в оковы каменного объятия. Нет, он не забыл, что за это его обещали оставить без рук. Просто сейчас об этом не думал.

Королева вскрикнула, но не гневно, как он ожидал. Напротив, это был возглас боли. Ульв вздрогнул и выпустил Мэб. Она резко обернулась. Пылающие глаза, брови вразлёт, лихорадочный румянец...

— Как ты посмел? Убирайся!!! — её крик заметался под сводами, как стая летучих мышей.

Но Ульв будто не услышал. Он не отводил глаз от алого пятна на светло-сером платье. Неуместная яркость цвета сказала цвергу достаточно, однако, желая удостовериться, бард шагнул к королеве и уверенным движением разорвал одеяние, обнажив плечо почти до груди. Как он и ожидал, под невредимой тканью кожу рассекала глубокая рана. Мэб дёрнулась, но её талию снова сжимала твёрдая рука.

— Сырое железо, — уверенно сказал Ульв. — Само не пройдёт. Я позову Геро.

— Нет! — в тёмных глазах королевы отразился неподдельный ужас, она ногтями впиалась в насквозь мокрый плащ барда. — Она не должна видеть! Никто не должен! И ты... — она прикусила губу, испугавшись, что та начинает дрожать.

— Ч-ш-ш-ш, — успокаивающе, будто расстроенному ребёнку, прошептал Бард и поднял женщину на руки. — Мне можно. — Ульв гладил волосы Мэб, дополняя движением ласкающий тембр голоса. — Я никому не скажу.

Он баюкал королеву, без слов мурлыкал мотив колыбельной. А она тихо плакала, спрятав лицо на его и без того промокшем плече. И говорила.

— Они уже высаживаются прямо здесь. Прежде боялись — довольствовались малыми островами. А теперь... у них новый бог. Молодой и сильный. И они в него верят. Верят, что он может их защитить, сильнее, чем боятся меня. И... железо... Если альвы узнают, они... испугаются и... нет ничего хуже железа... им рубят деревья, им подковывают лошадей. Всё начинается с железа...

Бард слушал, не перебивая, не удивляясь. В его глазах повелительница фей давно уже

превратилась из высокомерной волшебницы в нежную, ранимую, нуждающуюся в защите девочку.

— Я цверг и знаю, как обращаться с железом, моя королева, — Ульв бережно опустил Мэб на поросшее клевером ложе. Встал на колени, глубоко вдохнул, пригнувшись, наклонил голову и принялся вылизывать рану, как будто действительно был волком, а королева фей — его раненой подругой. Растерянная Мэб молчала, не двигаясь, Ульв продолжал своё занятие, то и дело сплёвывая кровь. Когда он, наконец, поднял голову, оказалось, что волшебница с интересом разглядывает его. В уголках её глаз затаилось ещё что-то, чего цверг пока не мог распознать. Узкая ладонь скользнула по его волосам.

— Иногда мне кажется, что ты помнишь, — королева рассмеялась нервно, но это было уже лучше слёз.

— Что помню? — На его губах ещё оставалась её кровь, зелёные глаза горели не хуже смарагдов Андвари.

— Я устала, — сказала вдруг Мэб, будто запоздало поддавшись воздействию колыбельной. — Иди, я хочу отдохнуть.

Бард кивнул, дождался, пока её дыхание стало ровным, а выражение лица безмятежным.

— Спи крепко, моя королева, — тихо сказал он, нежно, но как-то по-звериному, потёрся носом о её щёку и вышел. Он знал, что рана феи, избавленная от остатков железа, скоро затянется сама собой, и на нежной коже Мэб не останется даже следа.

Когда разыгравшаяся буря, наконец, улеглась, Пак мысленно простился с Бардом. Королеве иногда вымещала на случайно подвернувшихся жертвах монархий гнев. Это не делало её счастливее, но пик ярости угасал. Тем удивительнее было увидеть, как Ульв выходит из грота. На бледно-зелёном лице неестественно алели губы. Бард облизнулся, а Пака передёрнуло от нехорошего предчувствия.

— Пусть её никто не беспокоит. — Придворный певец, наконец, разглядел лесного духа в хитросплетениях бурелома.

— Я... я прослежу, — пролепетал Пак. Но Ульв его уже не слушал. Он повёл носом и мерными, экономными скачками понёсся к побережью. На запах железа. Сердце стучало в груди, а в висках стучала кровь. И он сам уже не понимал, принадлежит она ему или королеве Мэб.

Геро нашла придворного певца стоящим по пояс в реке. Он был обнажён: сквозь розоватое марево воды просвечивала зелёную кожу. А розовым вода окрасилась из-за того, что бард усердно смывал с себя кровь. Её было много, и отмывалась она, почему-то, с трудом.

Всего пару часов назад из-за вида крови Геро стояла на коленях, сотрясаемая рвотными спазмами. Нет, опытная охотница не отличалась излишней впечатлительностью. Но исполинские деревья, покрасневшие до самых макушек, полуобглоданные черепа, красующиеся на ветвях, будто спелые жёлуди, целые кусты разрозненных рук и ног, тела, привязанные к стволам собственными кишками... верховному друиду не раз случалось проводить жертвоприношения в дубовой роще.

Геро слышала, как королева насмешливо называла придворного певца кровавым жрецом Кенн Круаха, но слышать это одно... По сравнению с этим зрелищем купающийся в реке

мужчина выглядел почти умиротворяющим. Домашним.

— Бард, ты нормальный вообще? — Геро уселась на берегу и свесила ноги в воду.

Ульв обернулся к ней. Спокойно, без спешки или удивления.

— Для цверга — более чем. — Он горстью зачерпнул воды, принялся оттирать плечо.

Альва заметно смутилась. Бард снова отвернулся, перестав обращать на неё внимание.

Геро какое-то время ёрзала на месте, пока, наконец, не выпалила:

— Это она тебе приказала? Ну... чтобы так?

На этот раз Ульв замер, но продолжал стоять к альве спиной.

— Нет. Это только моё дело.

Геро готова была поклясться, что сейчас он добавит: «И не надо ей об этом говорить», но Ульв промолчал.

— Она хочет тебя видеть, — сообщила альва.

Придворный певец продолжал отмывать руки от крови.

— Скоро буду, — ответил он спокойно, будто задержка объяснялась невычищенным плащом или сложной шнуровкой на сапогах.

Зато едва заметно вздрогнул, когда к его спине прикоснулся пучок мягкой травы.

— Давай, помогу, — лукавое личико Геро отразилось в тёмном зеркале воды, насмешливо исказилось волнами.

— Хорошо, — цверг собрал прилипшие к спине волосы, перебросил их вперёд.

Альва отпрянула.

— Ульв, у тебя тут... — нерешительно начала она.

— Две раны, — голос барда звучал монотонно и безжизненно. — Одна рваная, но поверхностная. Вторая...

— Вторая смертельная!!! — выпалила Геро, сорвавшись на жалкий писк. — И от неё несёт железом!

— Потому что её нанесли железом. — Бард полоскал в воде волосы, снова добавив красного в только начавшую очищаться воду.

— Как ты ещё стоишь? — осведомилась Геро, подозрительно осматривая придворного певца. Он был бледно-зелёным, так что мог, по большому счёту, сойти за мертвеца. Вот только он таким был всегда.

Ульв ответил не сразу. Но всё-таки произнёс:

— Меня невозможно убить.

Заинтересовавшись, альва передумала в панике бежать.

— Почему?

— Потому что я бессмертный. — Бард криво усмехнулся.

Геро снова подошла поближе, гонимая любопытством.

— Совсем бессмертный? Как бог?

Ульв покачал головой.

— Бога можно убить. А меня — нет.

Пучок травы снова коснулся его кожи. Но на этот раз гораздо бережнее. Некоторое время оба сосредоточенно отмывали цверга.

— Хочешь, — нерешительно начала Геро, — я могу...

— Хочу. Но тебе будет больно. Там много железа.

Альва только насмешливо фыркнула.

К тому времени, как спина Ульва снова стала гладкой и цельной, выражение лица Геро

разительно изменилось. Рогатую трясло, руки горели, хотелось скулить и скоблить их, или забиться куда-нибудь, или пожаловаться королеве Мэб...

— А тебе хоть бы хны, — обиженно бросила она цвергу. — Мало, что бессмертный, так ещё и не чувствует ничего, чурбан!

— Я чувствую, — Ульв вышел из воды и, нисколько не стесняясь альвы, принялся неторопливо одеваться. — Не хуже тебя.

— Ты даже не вскрикнул! Только дёрнулся слегка.

— Крик отнимает много сил, — сообщил бард. — И связки можно повредить. Голос мне не для этого.

— Ну тебя, — буркнула Геро и поплелась в лес.

— Где ты пропадал так долго? — спрашивая, Мэб не глядела на собеседника прямо. Ульв знал этот её взгляд искоса, цепкий, не упускающий ничего. Придворный певец откинул полу чёрного плаща и поклонился.

— Я принёс тебе кое-что, моя королева.

Бард действительно протянул ей цветущую ветку. Мэб осторожно взяла, при этом её прохладные пальцы коснулись его горячей ладони.

— Тёрн? — тонкая бровь изогнулась не то вопросительно, не то насмешливо. — Ты любишь цветы, Бард?

— Я люблю всё прекрасное, — Ульв всматривался в лицо королевы, подмечал непривычные складочки в уголках губ, слишком жёсткие завитки волос, обрамляющих высокий лоб, непонятное выражение глаз.

Мэб задумчиво вертела подношение в руке.

— Этот куст разрастается, захватывая всё вокруг... плоды у него кислые и терпкие, и эти шипы!

— Но разве он не прекрасен? — Певец подошёл ближе, как будто крохотная лесная полянка, на которой они стояли, была огромным залом, с другого конца которого надо кричать, чтобы быть услышанным.

Мэб пощекотала цветок кончиком ногтя.

— Милый. Не более того. Кувшинки гораздо красивее.

— Холодные. — Бард стоял так близко, что тепло его дыхания согревало кожу повелительницы фей. — Мне нравится тёрн. Его плоды опьяняют, и аромат их тоньше, чем у верескового мёда. Нужно только уметь их приготовить.

Королева прислонилась к стволу ясеня, разлапистая ветка тут же закрыла от барда её лицо. Но по голосу Ульв безошибочно определил: Мэб улыбалась.

— А ты умеешь? Готовить?

Бард отогнул преграду в сторону, тоже облокотился о дерево и очень серьёзно произнёс:

— Пока нет. Но я обязательно научусь.

Мэб опустила взгляд на ветку, которую всё ещё держала в руке. Провела пальцем вдоль длинного шипа.

— Прекрасное всегда нуждается в защите, — Ульв отнял пальцы королевы от шипов и поднёс к своим губам.

— На нём, кажется, кровь, — Мэб нерешительно отвернулась.

— Должно быть, я был неосторожен, — бард уже целовал чашечку ладони, — и

поранился. — Его губы пахли терпким мёдом и оказались непривычно горячи. — Я ведь так неловок, моя королева. Но что с цверга взять?

Мэб небрежным жестом вплела терновую ветвь в волосы. На мгновение складочки у губ волшебницы разгладились, и Ульву показалось, что вот, сейчас она скажет что-нибудь обычно-язвительное, и его тело снова окажется опутанным колдовством, или...

Но странное выражение снова вернулось в тёмные глаза повелительницы фей.

— Мой бард, — Ульв замер, насторожённый её мягкой интонацией, но руки Мэб так и не выпустил. Напротив, сжал в своей. — Что ты запоёшь, мой бард, когда твой бог соберёт ночных всадников и пойдёт войной на твою королеву?

«Я больше не Великий Бард, не жрец и не друид», — хотел ответить Ульв. Но молчал, потому что это была бы ложь. А лгать королеве он не мог.

— Я клянусь тебе, — наконец, сказал он, — что Кенн Круах не...

— Чш-ш-ш, — рука Мэб, которую певец только что целовал, запечатала его губы. — Об этом я не просила.

Ульв смотрел на женщину, которую несколько дней назад баюкал на руках, и не узнавал. Что-то новое появилось сегодня в повелительнице фей. Или, возможно, что-то такое, чего он раньше не замечал за игривой насмешливостью. Бард невольно отступил на шаг. Наряд королевы, сотканный из солнечных бликов в листве, вдруг потемнел грозовой тучей.

— Я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня.

Ульв склонил голову.

— Всё, что пожелаешь, моя королева.

Мэб протянула ему небольшой кристалл, похожий на один из тех, что украшали пещеру, только этот был ярче и переливался разными цветами. Бард поднёс его к глазам и всмотрелся в игру света на идеально отшлифованных гранях.

— Радужный мост? — не сдержал он возгласа удивления.

Повелительница фей кивнула.

— Когда-то мне подарил его Король-под-Горой. Он хотел, чтобы я могла навещать в Свартальфахейм, когда захочу. У этого цверга большое сердце.

— Мостом несложно пользоваться, — улыбнулся Ульв. — Я научу тебя...

— Пользоваться им я и без тебя умею, — отрезала Мэб. — Но я останусь здесь, на своей земле. И высшие альвы. Они решили сражаться. А всякой мелочи, вроде кобольдов, лепреконов и цветочных фей, будет нечего тут делать, когда придёт Кенн Круах. Только под ногами путаются. И ещё люди... большая часть. Поэтому, когда придёт время, ты откроешь радужный мост и проследишь, чтобы все они по нему прошли. А потом закроешь. С той стороны.

Узкое лицо цверга отчётливо позеленело. Скулы заострились, под глазами залегли глубокие тени.

— Я, если ты забыла, тоже альв, а не цветочная фея. Я не собираюсь отсиживаться в Свартальфахейме, пока ты тут...

Улыбка Мэб стала мечтательной. Королева погладила Ульва по щеке.

— Ты такой хорошенький.

Округлившись глаза барда сделали его похожим на растерянного ребёнка.

— Для цверга, разумеется, — фыркнула Мэб, развеселившись. Но прежде, чем Ульв успел этим воспользоваться, снова посерьёзнела: — Ты или будешь делать то, что я говорю,

или сейчас же возвращаешься к Кенн Круаху. Я понятно излагаю?

Она сияла, воплощая величие и самодержавную власть всем своим обликом, от шлейфа ставшего вдруг изумрудным платья, до последнего завитка высокой причёски.

Ульв молчал, и по тому, как двигались его скулы, было заметно, как судорожно он сжимает зубы. Королева немного смягчилась и снизошла до объяснений:

— Король-под-Горой весьма удивится и вряд ли обрадуется, если в его владения хлынут мои подданные. Мне нужен кто-то, кто сможет ему это объяснить.

— Почему бы не предупредить его заранее? — угрюмо спросил бард.

— Вот ты этим и займёшься, — парировала королева и неторопливо прошла мимо Ульва. Тот последовал за ней, продолжая хмуриться.

— Цветочные феи погибнут без солнца.

— Да и людям там не понравится, — согласилась Мэб. — Поэтому после того, как ты разместишь моих подданных в их временном пристанище, ты отправишься в Льесальфахейм. И договоришься с эйп Аквилями...

— Почему именно с ними? — насторожился Ульв Брокксон.

— А почему бы и нет? — усмехнулась волшебница, стрельнув в собеседника лукавым взглядом из-за плеча. Но цверг её игривого настроения не разделял.

— И это твой план? — резко сказал он. — Отослать меня вместе с маленьким народцем? Ты думаешь, рогатая Геро успеет хотя бы глазом моргнуть, когда дин ши занесёт над тобой меч?

Мэб остановилась так внезапно, что Ульв едва на неё не налетел.

— А ты что, успеешь спеть ему колыбельную?

Сухой спазм перехватил горло придворного певца. Королева стояла так близко, что их рукава соприкасались, и смотрела Ульву прямо в глаза. Так, как не смотрела, наверное, с дня их первой встречи. И ждала ответа.

— Нет. — Чарующий, волшебный, покоряющий голос барда подвёл хозяина, предательски дрогнув. Ульв знал, что против отряда ночных всадников ему не выстоять. Да даже против одного из дин ши, лучших в мире воинов, быстрых, как мысль, неотвратимых, как смерть.

— Тогда что тебе здесь делать? — в Мэб не осталось ничего от раненой железом королевы фей. Перед Ульвом стояла Душа Ирландии. Древняя, прекрасная, воинственная, неукротимая, упрямая и независимая. Только сейчас бард осознал, что Мэб пришла с материка вместе с племенами людей, ходящих без штанов, раскрашивающих лица перед битвой и отрезающих головы врагам. Дагда, Луг и фоморы для неё не красивая легенда, а не такое уж далёкое воспоминание.

— Я не знаю, кто победит, — сказала Мэб, поправляя веточку тёрна в волосах. — Но одно могу сказать точно: Кенн Круах пожалеет, что связался со мной.

Ульв склонил голову и бесстрастно произнёс:

— Желание королевы — мой приказ.

Мэб недоверчиво сощурилась.

— Конкретнее.

— Если Кенн Круах перейдёт границу твоих владений, моя повелительница, я уведу маленький народец и людей, которые пожелают следовать за мной, в Свартальфахейм по радужному мосту, и расселю их там и в Льесальфахейме, на то время, пока люди не смогут снова вернуться в Мидгард.

— Слово барда?

Ульв даже глазом не моргнул.

— Клянусь тебе моим сердцем.

Глава 3. Боги старые и новые

Сату устало опустилась на скамью. Вытерла пот со лба.

— Не выходит, — произнесла она обыденным голосом, а не тем глубоким, потусторонним, которым разговаривала с духами. — Он не идёт на мой зов.

Сигрид, до сих пор совершенно безучастная, вскочила и страстно воскликнула:

— Это всё королева! Она околдовала Ульва и не пускает обратно! Должен быть способ её победить!

Шаманка покачала головой и поёжилась, будто от холода.

— Королевы туманов там не было. Только темнота. И камень. Волк ушёл в него слишком глубоко. Он не слышит меня, потому что сам захотел оглохнуть и ослепнуть, перестать чувствовать. Перестать существовать.

Сигрид рассерженно топнула ногой и выскочила во двор, чуть не сбив с ног Онни. Молодой шаман, проделывавший всё почти то же самое, что и Сату, только расхаживавший снаружи дома, а не внутри, выронил бубен и поймал вывалившуюся на него девушку.

— Осторожно, — сказал он рассеянно, и эта отстранённость ещё сильнее разозлила Сигрид. Она сердито отпихнула от себя нойда и побежала. Если эти саамы ни на что путное не способны, она всё сделает сама. В конце концов, у викингов есть свои боги.

Онни проводил её взглядом и вошёл в дом.

— А жена его любит, — задумчиво сказал он шаманке.

— Жена... — повторила та и резко обернулась к Альвгейру. — Отведи меня в ваше святилище. Туда, где жених и невеста предстают перед богами.

— Но, бабушка, это ведь... — Онни, с трудом решившийся перечесть старухе, запнулся. — Они ведь чужие боги.

Сату встала и невозмутимо огладила юбку, расправляя складки.

— Ты прав, мальчик. Поэтому приготовь побольше дров.

На этот раз старая саамка решительно выгнала всех из дома. Сигрид уходить никак не хотела, дралась и пыталась кусаться. Но Альвгейр молча заломил дочери руку за спину и вывел во двор. Сквозь злые слёзы девушка наблюдала, как молодой шаман неторопливо собирает костёр.

Потом был небольшой переполох с медведем. Огромный бурый зверь ворвался в селение, рыча и вращая глазами. Но пока женщины прятали любопытных детишек, а мужчины выбегали на улицу с оружием, медведь был уже побеждён. Онни бесстрашно обнял косолапого за шею и долго шептал тому что-то в ухо, то и дело вздыхая. Сигрид даже показалось, что нойд тоже смахнул непрошенную слезу. Зверь сел на задние лапы и тоскливо заревел, как будто шаман нанёс ему смертельную рану. Но Онни лишь потянул медведя за собой, тот упирался, рвался к дому, но молодой нойд не отступал, продолжал уговаривать, комкал в руке густую шерсть и в конце концов увёл зверя в лес.

Сату кружилась по комнате и даже закрыла глаза, стараясь отрешиться от всего. Порывисто ударяла в бубен, саму себя уводила со знакомого, проторённого пути.

Бум!

Ладонь прилась в верхнюю часть бубна, как раз на фигурку оленя. Удивлённо качнулись золотые рога. Благородный хозяин леса отвернулся, медленно пошёл прочь, высоко поднимая изящные ноги.

Бум!!

Чёрный волк бежит, пригнувшись к земле, раздувая острые ноздри. Потревоженный медведь недовольно рычит, огрызается. Но больше для вида. Отступает... отступает дальше, дальше, вглубь леса. Волк, не отвлекаясь на него, мчится длинными скачками. Мощные лапы бросают вперёд поджарое тело. Он почти летит...

Бум!!!

Чёрный ворон летит, острым клювом рассекая самое небо. Взмахи его крыльев заслоняют солнце, ветер слегка ерошит лоснящиеся перья, подхватывает бережно, как меньшого брата, кружит, кружит... Ворон чуть поводит крыльями и спускается ниже, туда, где раскинул ветви ясень. Садится на одну из ветвей. А корни дерева уже обвил чудовищный чёрный змей.

Сату становится страшно. Но она не даёт себе сбиться с только-только найденного ритма.

Бум.

Кольца на шаманском поясе звенят, испуганные другими, змеиными, кольцами, что залегли вокруг ствола, вокруг сияющего золотого города, вокруг безбрежного океана, вокруг... Змей смотрит на шаманку и шипит, мощное тело, состоящее из одних мышц, судорожно сжимается, и мир качается, не в силах ему противостоять.

Но Сату больше не боится. У змея зелёные глаза. Зелёные, как весенняя трава, как сочные листья клевера на залитом солнцем лугу.

Чешуйки такие мелкие, что кажутся кожей. Гибкий угорь скользит, почти теряясь в траве, мягко ныряет в прохладную воду. Беззаботный, безопасный, кажется, счастливый, он гоняется за мелюзгой, ищет тихих мест... и вот уже извивается, бьётся в сжимающих его руках. Воздух обжигает скользкую чешую, будто огонь Свартальфахейма. Угорь изворачивается, немо открывает рот, рвётся к спасительной воде. Но ловкие пальцы держат крепко.

— Ты только взгляни, какой красавец! Король всех угрей!

Зелёные глаза. Не у рыбы. У женщины с хищной лисьей мордочкой и голодным взглядом.

— Я его хочу.

Коренастый цверг пожимает плечами.

— На ужин пожарим.

— Хочу сейчас.

Спорить можно с кем угодно, но не со своей женщиной. И Брокк разводит костёр, сноровисто разделявает угря, тихо крикнув:

— Извини, брат, так вышло.

Виона неторопливо облизывает пальцы. Переводит умиротворённый взгляд на мужа. Брокк старается скрыть беспокойство. Его хрупкая лепрекониha только что в один присест слопала огромного угря, самому ему удалось ухватить лишь пару кусочков, пока готовил.

— Спасибо, милый, — говорит Виона, и на её лисьей мордочке снова появляется голодное выражение. Но на этот раз оно другого свойства. И Брокк успокаивается, замыкает

жену кольцом могучего объятия.

Бубен с глухим стуком падает из ослабевших пальцев.

Ребёнок лежит на руках у матери, смотрит вокруг серьёзными зелёными глазами. Цверг наклоняется к нему, гулит что-то на языке тёмных альвов. Мальчик смеётся — его щекочет отцовская борода. Но почти тотчас же снова становится серьёзным.

— Сур-р-ровый! — улыбается Брокк. — Мужик растёт!

Виона не отвечает, только слегка хмурится. Сама она уже утратила эту детскую способность, но знает, что сейчас видит её сын, и что не даёт ему оставаться беззаботным. Это мужу кажется, что в уютной детской маленького цверга они одни. Напористый, как удар секиры, Брокк не замечает столпившихся вокруг его сына существ. У них олени рога и звериные головы, у них крылья, хвосты и копыта. Тут есть прекрасные женщины и леденящие кровь чудовища, широкоплечий мужчина закинул на плечо неподъёмный на вид молот, одноглазый старик задумчиво опёрся о копьё... тени, шорохи, звуки. Маленький мальчик без страха смотрит в направленные на него красные, жёлтые, синие, чёрные, сияющие, затягивающие глаза, глаза, глаза...

— Выходи, будет прятаться! — высокий голосок явно принадлежит той, что не терпит отказов. — Поиграли и хватит.

Ульв медленно, тяжело, будто глыбы строительного камня, поднял веки. Перевёл взгляд с говорившей женщины на другую, тоже склонившуюся над ним. От сияющей красоты воздушных созданий перехватывало дыхание. Но цвергу их светлые лица казались чадящими факелами. Он всё же нашёл в себе силы разлепить губы:

— Пошли вон.

Женщины уселись на медвежью шкуру по обе стороны от безвольного тела. Белокурая девица звонко рассмеялась:

— Не больно-то ты сладкоречив, Великий Бард.

Та, что выглядела постарше, погрозила пальцем:

— Ты поклялся мне, Ульв, сын Брокка из-под Чёрной Горы. Поклялся защищать свою жену. А вместо этого выпустил на свободу королеву Мэб. Кто теперь поручится за жизнь Сигрид?

Ульв закрыл глаза, всем своим видом говоря: «Имейте совесть, дайте умереть спокойно». Белокурая красавица исчезла, а на грудь цвергу прыгнула шипящая полосатая кошка, с размаха ударила когтями по лицу. На щеке остались царапины, но кровь из них почти не сочилась.

— Убери её, Вар*, - устало произнёс Ульв. — Ей я ни в чём не клялся. И не обязан терпеть.

— Вот и ошибаешься, — весело заметила Фрейя**, снова обернувшись человеком. Она игриво облокотилась о собеседника и теперь щекотала ему нос его же прядью волос. — Тебя любят слишком много женщин, Бард, чтобы ты мог так просто от меня отмахнуться.

Цверг вяло попытался отвернуться.

— Жуткий пантеон. Понимаю Фенрира. Христиан на вас нет, — пробормотал он, проваливаясь в болезненное забытьё.

*Вар — одна из асов, в германо-скандинавской мифологии богиня истины. Выслушивает и записывает клятвы и обещания людей, а также мстит тем, кто их нарушает.

** Фрейя — в германо-скандинавской мифологии богиня любви и войны, жительница Асгарда.

Мальчик-служка так усердно перебирал ногами, что наступил на полу непривычного ещё балахона. Растянулся, взрыв носом землю. Иоанн по-отечески улыбнулся, но прежде, чем отрок успел подняться, снова придал лицу подобающее выражение.

— Что случилось, сын мой? Что бежишь, как на пожар?

— Отче! — ликующим голосом возвестил мальчик, — друид вернулся в пещеру!

Проповедник степенно кивнул, хотя внутри у него всё перевернулось.

Знаменитый друид, которого местные чаще называли Великий Бард, или просто Бард, так выделяя интонацией это слово, что сразу становилось понятно, о каком конкретном барде речь, не появлялся в своём жилище давно, с прошлого Бельтайна. Как и полагалось в этот день, а вернее, в эту ночь, по варварским обычаям, все огни в Уснехе были потушены, после чего друид возжёт костёр, сложенный из веток дуба и рябины, от огня, добытого трением, без огнива. Люди трижды обходили костёр, зажигали от него факелы и обносили дома.

А ещё Бард сжёт троих человек. Правда, язычники утверждали, что в Бельтайн приносят только добровольные жертвы, и калеки, уставшие влачить земное существование, вызвались сами. Это уже пахло самоубийством и вызывало у Иоанна особое негодование.

— Бог, единый в трёх лицах, сотворил каждого из нас, и лишь ему ведом час, отмеренный нам на земле! — увещевал проповедник. Ирландцы только пожимали плечами. — Что за жестокие сердца! — сокрушался христианин. — Как не разорвались они от боли при звуках криков ваших отцов и дедов, сжигаемых заживо?

Он не понимает, объясняли язычники. Жертва была добровольной, и Кенн Круах принял её благосклонно. Теперь Золотой Бог защитит людей и скот от болезней, дарует обильный урожай, и этой зимой от голода никто не умрёт. Напротив, родятся дети. Много детей. Этой весной парни и девушки, отправляясь по парам в лес, хорошо «собирали май». Жизнь за смерть воздаёт Сокрытый Туманом. А одна беззубая старуха рассмеялась Иоанну в лицо и прошамкала, что давно уже не прочь уснуть под колыбельную Великого Барда, да он всё другим эту честь отдаёт.

— Сам-то, знамо дело, мужик, — беззлобно пеняла ирландка. — Вот своих вперёд и тащит... потерпи, говорит, ещё год. Этим тяжелее, чем тебе: один кровью харкает, другой под себя ходит, у третьего нога загноилась. — Вот и полечил бы, говорю. На то ты друид. А он отвечает, мол, жизни в них почти не осталось. А кто сам не хочет жить, силой назад не вытянешь.

За всеми этими размышлениями Иоанн сам не заметил, как уже стоял перед пещерой. Великий Бард не жил в Уснехе. Его скромная обитель походила на скит отшельника, так что проповедник, детально осмотревший скудное жилище в отсутствие хозяина, даже ощутил укол греховного сомнения: аскетичный друид, если закрыть глаза на отправление поганого культа, вёл жизнь более праведную, чем настоятель Армагского монастыря, погрязший в роскоши. Дом же друида напоминал, скорее, берлогу дикого зверя, чем жилище человека. На

какую-то долю мгновения Иоанн заколебался. Нет, он не сомневался в истинности своего бога. А лишь в том, хватит ли ему самому силы духа противостоять жрецу Кенн Круаха.

— Входи, друг мой.

Колебания были прерваны Великим Бардом, появившимся в проёме, который можно было бы назвать дверным. Если бы там была дверь.

Обычная фраза, произнесённая на превосходной латыни. Но, услышав голос друида, Иоанн вдруг понял, о чём говорила старуха, мечтавшая умереть под колыбельную Барда. Ульв впустил проповедника в свой дом, а христианин впустил друида в своё сердце.

— Ты так хорошо говоришь на этом языке, — сказал Иоанн, не знавший, с чего начать. Великий Бард несказанно поразил уже одним своим видом. Проповедник ещё не встречал ни одного настоящего друида, но слышал много рассказов, в которых жрецы неизменно представляли облачёнными в светлые одежды степенными старцами с окладистой бородой, убелённые сединами и везде таскающие за собой арфу.

Великий Бард был черноволос. Гладко выбритое лицо казалось хотя и болезненным, но молодым. Иоанн подумал, что сам он, пожалуй, лет на десять старше. Никаких музыкальных инструментов видно не было.

— Я бывал в Риме, — ответил друид, копаясь в кожаном мешке. — Хотел посмотреть, откуда пришли солдаты, выстроившие стену на Туманном Альбионе. И убившие тамошнего Великого Барда.

Иоанн беспокожно заёрзал. Каменная скамья вдруг показалась жёсткой. И дело было даже не в огромном ноже, который язычник извлёк из своего мешка. Сам проповедник никогда не бывал в Вечном Городе, да и не стремился. Слишком грязные слухи доходили о папе из Рима. По сравнению с бессмысленной роскошью его дворцов, Армаг выглядел землянкой отшельника. Чего и ожидать, если пап назначают блудницы — жена и дочь консула Теофилакта. Увы, прогнул папский престол. И германские народы, из которых происходил сам Иоанн, почувствовали это на собственной шкуре.

— Под тёплым солнцем и черви плодятся быстрее, — мягко заметил проповедник. — Не стоит судить деяния бога по заблудшим его чадам. Христос есть милосердие. И есть любовь. Убийства, что вершат именем его, заставляют плакать ангелов небесных.

Друид ничего не ответил, лишь усмехнулся уголками губ. Подошёл к родничку, пробивавшемуся прямо посреди пещеры, и из естественного садка достал крупную рыбину.

— Сколько кровавых жертв ты сам принёс богу, в которого веришь? — задиристо спросил проповедник. — И другие, до тебя?

— Много, — Великий Бард точным движением вспорол брюхо рыбине и вынул кишки. Аккуратно взрезал бока, извлёк плавники. Его руки двигались плавно, неторопливо, и очень красиво, будто руки музыканта, перебирающего струны. — Больше, чем ты думаешь. И принесу ещё.

— А Христос тремя рыбинами накормил толпу голодающих, — бездумно сообщил проповедник, заворожённый не только движениями, но и тембром голоса друида.

— Настоящее божественное чудо. — Ульв развёл огонь. — Широкий бескорыстный жест... красиво. Только рыбаки, должно быть, были недовольны. Да и не только рыбаки. Ничего удивительного, что его распяли.

— Почему? — опешил проповедник. — То есть, почему распяли, я знаю, ибо сын Господа взял на себя тяжёлую участь — искупить грехи наши. Но почему ты считаешь, что люди были недовольны? Они ведь уже не были голодны!

— Подумай сам, — друид снова вернулся к рыбине и начал рисовать ножом на её боку равносторонние кресты, заключённые в круг, — рыбакам не нужна рыба — её они и сами наловить могут. Им нужен мёд и эль, их жёнам — тонкая шерсть на платья, их детям — деревянные лошадки, а торговцам нужно продавать рыбу, шерсть и деревянные лошадки, чтобы покупать китайский шёлк и персидские ковры...

— Твой ум остёр, о Бард, — с грустью произнёс Иоанн. — Так остёр, что как бы не порезаться. Но в бога верят не умом, но сердцем!

Бледная рука друида нерешительно дрогнула. На разделанную тушку действительно упала алая капля.

— Воистину так, — Ульв облизнул пораненный палец и бросил пучок сушёных трав в каменную ступу. — Но правда и в том, друг мой, что боги сами по себе не жестоки. Такими их делают люди. Хорошо говорить о милосердии, когда зимой они едят то, что вырастили летом и заготовили осенью. Когда каменные стены и тёплые очаги хранят их жизни от зимней бури. Но какой должен быть бог у существ, которые отличаются от животных лишь тем, что слабее их, медленнее бегают, хуже видят и чувствуют запахи?

— Но ирландцы вовсе не такие! — с жаром возразил Иоанн. — Они доблестны и искусны в ремёслах! Клетчатые плащи и башмаки на кожаных подошвах славятся далеко на материке!

Бард тихо рассмеялся. А проповедник неловко замолчал, почувствовав себя вдруг забавным ребёнком, с жаром рассказывающим взрослому о найденных в горах красивых камушках.

Ульв высыпал на ладонь растёртые в труху травы, перемешал с солью, начал аккуратно втирать в бока рыбы.

— Ты любишь Ирландию, друг мой?

— Люблю, — сверкая очами, ответил Иоанн. — Это прекрасная страна. И души её жителей по большей части чисты, как её озёра и реки, хотя и бывают чрезмерно бурными и воинственными. Конечно, с жертвоприношениями должно быть покончено, но ни я, ни мои братья во Христе, не выкажем неуважения дивным древним традициям, я с замиранием сердца слушаю песни ирландцев, звуки волынок и арфы будят во мне возвышенные чувства и желание вознести благодарственную молитву к небу! Я никогда не оскорблю Душу Ирландии!

Бард, уже стоявший на коленях подле очага, медленно обернулся, и Иоанна затопило зеленью его глаз. Весенняя листва, ласковое море, молодой побег клевера... в пещере, однако, явственно запахло полынью. Друид встал и снова подошёл к грубо сколоченному столу. Откуда-то из складок своей бесформенной серой хламиды он извлёк терновую ветвь с увядшими цветочками.

Друид задумчиво глядел на колючее растение, а проповедник рассматривал его самого. Склонённое усталое лицо с запавшими, полными страдания глазами, обрамлённое тёмными прядями, тонкие, будто высеченные из камня черты... Однажды Иоанн видел очень похожую статую. Вот только руки у него были заняты, видимо, поэтому терновый венок пришлось надеть на голову.

— Люди теперь другие, — тихо произнёс друид. — Им нужны новые боги. Вымерли дети Партолона, унесённые красной чумой, фоморов изгнали племена богини Дану. И хоть были они людьми, для Ирландии это были боги. Но и их время ушло. Скоро уйдёт и время Кенн Круаха. Мир изменился. А он не захотел меняться вместе с ним.

Иоанн подошёл к барду и прижал его руку к своей груди.

— Так почему бы и тебе, брат мой, не принять новую веру? Не родиться заново во Христе?

Ульв ласково улыбнулся и забрал руку назад.

— Ты ведь тоже священнослужитель, друг мой. Должен понимать. Чтобы заново родиться, для начала требуется умереть.

— Не нужно никаких смертей! — воскликнул христианин. — Истинный Бог есть Любовь! Ему не нужны кровавые жертвы.

— Зато Кенн Круаху нужны, — мрачно сказал Ульв и сделал короткий жест, давая понять, что не желает развивать эту тему.

Он вынул жареную рыбу из очага, положил на доску.

— Говорят, — произнёс друид неожиданно беззаботно, — в одной из рек Ирландии можно поймать лосося мудрости. Этот лосось подбирал орехи знания, нападавшие в море с куста, так что отведавший его мяса сможет прозревать прошлое и будущее, понимать речь зверей и поступать согласно с волей богов, не спрашивая о ней у друидов.

— Почему бы сразу не собрать орехи знания? — хмыкнул Иоанн, присаживаясь за стол. — Это же проще.

— Не проще. — Ульв пододвинул соблазнительно пахнущую рыбу гостю. — Чтобы найти место, где растёт куст с орехами знания, нужно обладать знанием, которое можно обрести, только отведав орехов. Так что вот тебе лосось. Вдруг, повезёт?

Когда Иоанн ушёл, друид вынес во двор остатки рыбы, подмёл пол, глубоко вдохнул... и недовольно поморщился.

— Вот всё в этих христианах хорошо, но, Иегова! Почему ты не завещал им почаще мыться?

Ульв бросил в огонь несколько веток можжевельника, который тут же весело затрещал, помахал рукой, разгоняя по пещере ароматный дымок.

Верховный Бард прошёл за границу тумана, опустился на колени перед каирном, начертал священные руны, закрыл глаза и начал Песнь. Туман за клубился вокруг, и к тому времени, как прозвучало последнее слово, глаза позолоченного истукана зажглись гневным огнём. Ульв кожей ощутил присутствие бога и смиренно опустил голову.

— У тебя хватило наглости заявиться ко мне? — пророкотал Кенн Круах. — Или Мэб остатки ума отшибла?

— Королева была добра ко мне, — не поднимая головы, сообщил жрец.

— Я вижу, — тело друида само собой поднялось в воздух, в лицо ударил ветер, разбросавший волосы. — И слышу. Слышу, как бьётся твоё чёрное цвержье сердце. И оно не здесь, а осталось там, рядом с ней.

— Разве твоё сердце не там же? — Ульв в одно мгновение отбросил маску смирения и дерзко уставился в глаза идола. — Разве не об этом я должен был петь?

— Я приказал тебе покорить её мне, а не влюбляться самому, — прорычал разгневанный бог так яростно, что земля сотряслась.

— Что ж, она оказалась достойна любви. У тебя хороший вкус. Но силой ты от Души Ирландии покорности не добьёшься. Как Великий Бард я обязан сообщить это тебе.

— Ты зарвался, щенок, — в голосе бога прозвучало едва ли не удовлетворение и... предвкушение. — Забыл, на кого твякаешь? Слишком надеешься на свой волшебный голосок? У тебя теперь даже арфы нет!

— Обойдусь, — Ульв мотнул головой, но глаз не отвёл.

— Обойдёшься, — согласился Кенн Круах. — Я даже не убью тебя. Пока что. Хочу, чтоб ты посмотрел. Вот только помочь ей уже не надейся!

Голова певца сама собой запрокинулась вверх, рот раскрылся, а только-только народившийся крик заглушил поток хлынувшей в горло крови. Ульв упал на землю и забился, будто выброшенная на берег рыба. Рядом с ним в таких же конвульсиях заходился выдранный язык.

Иоанн метался по камере, не находя себе места. Он никак не мог объяснить себе, как так вышло, что восторженный рассказ о мудрости Великого Барда подвиг епископа запереть проповедника в подвале монастыря, обвинить в ереси и предательстве истинной веры.

Хуже того, Его Преосвященство собрал всех монахов, служителей и воинов Армага, чтобы отправиться к пещере друида и устранить его во славу Божию.

— Он околдовал тебя, брат мой, — ласково говорил исповедник, заглядывая Иоанну в глаза. — Покайся, и Господь примет назад своё заблудшее чадо.

Но Иоанн каяться не хотел. Он хотел предупредить угощавшего его рыбой человека с удивительными зелёными глазами, чтобы тот бежал, растворился в ирландских лесах, как это умеют делать только их дети, чтобы его смерть не легла тяжким грузом на душу просветителя, проповедовавшего Любовь. Ах, если бы съеденный лосось оказался тем самым, что лакомится заветными орехами у Яблочных Островов! Тогда, быть может, Иоанн понимал бы теперь речь птиц и зверей, подозвал бы к себе голубицу, что скачет вон там по двору, почти у самого потолка его узилища, и попросил бы передать послание говорящему на латыни Великому Барду. Но увы! Лосось, видимо, оказался обычным. А голубица продолжала бессмысленно клевать крошки. Иоанн сжал зубы. Подёргал решётку. А потом постучал в дверь и сообщил зевающему служке:

— Я покаяться хочу.

Тот неловко прикрывал рот ладонью.

— Жди теперь, отче. Все нынче утром уехали.

Чем ближе приближалось маленькое войско к месту обитания друида, тем большую робость проявляли добрые христиане. Епископ злился, стыдил священнослужителей, но поделаться ничего не мог: уж больно велика была слава Великого Барда. Говорят, он может исцелять смертельные раны. Говорят, он знает все травы, все горы и все реки Ирландии. Говорят, от звуков его арфы сердце пойманным жаворонком трепещет в груди, а божественный голос покоряет и заставляет подчиняться воле певца. Епископ зябко передёрнул плечами. Бредни невежественных крестьян, разумеется. Хотя судя по тому, как друид нагнал тумана в голову несчастного Иоанна, какие-то основания у этих слухов были. Но ничего. Пришло время развеять легенду раз и навсегда. С божьей помощью он докажет и местным еретикам, и, самое главное, собственной пастве, что истинный бог сильнее дремучего колдовства и развеет его, как дым. Помолясь, да с распятием в руке.

— Выходи, Ульв, называемый Великим Бардом! Выходи и предстань перед истинным Господом!

Из пещеры неторопливо вышел мужчина. Свод её был так низок, что даже этому невысокому человеку пришлось наклониться, чтобы пройти. Друид оказался неожиданно молод и ожидаемо бледен. Последнее епископ отнёс на счёт естественного страха: вооружённые люди, широким полукольцом окружившие пещеру, представляли собой впечатляющее зрелище. Сразу несколько лучников целились в барда, но пока ещё не время стрелять.

Друид отряхнул руки (они почему-то оказались в земле) и вопросительно уставился на епископа, безошибочно угадав в нём предводителя. Тот спешил, воздел руки к небу и звучным, хорошо поставленным голосом начал читать молитву. На лице барда отразился интерес, впрочем, довольно вялый. Он вообще выглядел осунувшимся и уставшим.

Теперь настала очередь епископа глядеть на друида с ожиданием и вопросом. Тот, кажется, собирался что-то ответить, но вдруг закашлялся, сложился пополам, выплюнул сгусток неестественно яркой крови на песок. Епископ сам, не дожидаясь помощи кого-либо из свиты, сбил Великого Барда с ног. А через пару секунд расхохотался так бешено, что христово воинство в страхе отпрянуло.

— Чудо! Это Божье чудо, братья! У него вырван язык!

Но не зря ведь они все сюда пришли, верно? Такого подъёма, такого единения, такой искренней веры хозяину Армага не удавалось добиться от паствы самыми пламенными проповедями. Нельзя упустить момент! Господь не простит, что Его чудом пренебрегли и не воспользовались.

— ...а потом разрушили святилище, — рассказывал исповедник Иоанну пока тот отработывал ежедневную епитимью. — Сам епископ идола кнутом хлестал и хулой поносил. Друид этот защищать, было, своего бога хотел, да его быстро скрутили. Стрела в бедро и в плечо, в круг копий взяли. Ещё пару отчаянных было... но на том и всё. Дикари как громом поражённые стояли: уж очень в силу своего колдуна верили.

Иоанн усердно драил каменный пол обители. Может быть, именно от чрезмерного усердия, на лбу у него выступил пот.

— А знаешь, что странно?

— Что? — спросил оступившийся, но быстро осознавший свою ошибку брат, не поднимая головы.

— Друиды железа, вроде, даже касаться не должны, а этот так на меня поглядел, когда я его руку к кресту прибывал...

— Как? — Иоанн даже выронил тряпку.

— С одобрением, что ли. Улыбнулся... то кричал всё что-то... ну, да без языка не особенно-то покричишь, выл больше. Ух, как выл! Чисто твой волк. А тут успокоился, вроде. Вздохнул с облегчением, голову на грудь уронил. Будто так и надо всё. Видать, проняло Слово Божье! С нами крестная сила!

— Он умер? — тихо спросил проповедник.

— Умер, — уверенно кивнул его собеседник. — Долго не мучился. С такими-то ранами! Может, час какой повисел. Мы когда уходили, уже холодный был. Я проверял. На всякий случай. Кто их знает, этих друидов.

До того дня, когда раб божий Иоанн без вести пропал в ирландских лесах, оставалось чуть больше месяца.

Книги на сайте - Книголюб.нет

Королева Мэб склонилась к поверженному идолу. Её прекрасное лицо не освещало торжество победы. Напротив, в уголках губ затаилась скорбь. Повелительница фей опустилась на колени и нежно погладила избитое, покорёженное, когда-то позолоченное дерево. Стоявший рядом цверг с удивлением наблюдал за росинкой слезы, медленно катящейся по бледной щеке.

— Разве он не был твоим врагом, моя королева? — тихо спросил бард. — Разве не Кенн Круаха ты называла кровавым богом, поедающим собственных детей?

— Он был сидхе, — ответила Мэб, не глядя на Ульва. — Это плохая смерть для таких, как мы.

Густой туман окружал их плотным маревом, ластился к её ногам, как бездомная собака.

— Моя королева? — это произнёс не бард, с потемневшим лицом обдумывающий слова Мэб. Перед повелительницей фей склонил белоснежную голову предводитель Дикой Охоты. Ночной Всадник опустился на одно колено. Мэб ласково провела рукой по его макушке.

— Чего тебе, дин ши?

— Все холмы знают, как Кенн Круах мечтал жениться на тебе. Прими же его подданных под свою руку, ибо ты теперь последняя из великих сидхе.

Мэб погладила воина по щеке, и он поднял на неё горящие колдовским синим пламенем глаза.

— Пусть будет так, — сказала она, и в голосе её прозвучала усталость. — До тех пор, пока не придёт моё время оказаться на месте убитого бога.

— Ты никогда не окажешься на его месте, — Ульв порывисто шагнул вперёд. — Я этого не допущу, моя королева. Тебя никогда не забудут, тебя всегда будут любить!

Мэб встала с колен и обратилась к Ночному всаднику:

— Скачи, оповести всех, — сказала она. И молчала, пока дин ши не скрылся из виду. — Ты убил бога, которого должен был защищать. — Мэб всё ещё не глядела на Ульва. — Много ли стоят твои клятвы?

— Я защищал его столько, сколько мог, — смиренно ответил Великий Бард. — Но когда мне вырвали язык, расстреляли, затыкали копьями и пригвоздили к кресту сырым железом, я уже был не в силах что-либо сделать.

Королева, наконец, обернулась.

— Почему же ты до сих пор жив? И язык твой подвешен не хуже, чем всегда.

— Потому что меня нельзя убить, — ответил цверг. И, чуть замывшись, уточнил: — Нельзя убить насовсем.

— Каждого, кто живёт, можно убить, — задумчиво произнесла Мэб. — Нужно только знать, как. Какая-нибудь стрела из омелы, пущенная в пятку... всегда остаётся хоть одно уязвимое место.

— У меня оно тоже есть, моя королева.

— И какое же? — в голосе Мэб звучал неподдельный интерес.

Без тени улыбки Великий Бард произнёс:

— Ты. Моя смерть и моё проклятье — это ты.

Глава 4. Старые раны

Эрик прикрыл спиной Пёрышко, выставил перед собой меч и сделал зверское лицо. Впрочем, более зверским, чем размалёванные люди, окружившие их маленький лагерь, выглядеть было сложно.

Но, как ни странно, нападать аборигены не торопились. Напротив, когда они убедились, что Эрик и его спутница — единственные чужаки на берегу, расслабились. Осмотрев плащи и лодку, предводитель отряда обратился к Пёрышко:

— Скажите своему викингу, чтобы успокоился, госпожа. Нам приказано не причинять вреда тем, кто приходит из волшебной страны.

— Приказано... кем? — нервно осведомилась фея и взяла любимого за руку.

— Королём, — невозмутимо ответил человек и скинул маскировочную одежду, оставшись в белой рубахе. — Королём Коннахта*. Он ждал вас. И скоро будет здесь.

— Ждал нас? — подозрительно осведомился Эрик. Он понимал, что ему говорят, и мог худо-бедно объясняться, но за местного бы, конечно, не сошёл. Хотя бы потому, что здесь не носили бороды.

Ирландец слова викинга пропустил мимо ушей, подошёл к ручью, начал оттирать лицо от охотничьей раскраски, но когда вопрос повторила Пёрышко, обернулся.

— Прощлый Самайн сестра короля, Аластриона, праздновала недалеко отсюда вместе со своим женихом. Они должны были пожениться на следующий день. Король ехал на свадьбу, а попал на похороны. Ночью на поселение напали викинги, — ирландец бросил короткий взгляд в сторону Эрика. По свежоотмытому лицу скользнуло сложное выражение, но почти тотчас же на его месте оказалась непроницаемая маска: «Это не моё дело». — Аластриону нашли под священным дубом Кенн Круаха с перерезанным горлом. В руке у неё был золотой серп. Морские разбойники почему-то не него не позарились. Вернее, мы догадывались, почему: принцессе удалось позвать кого-то из волшебной страны.

— И я верил, что проход закрылся не навсегда, — всадник, перед которым почтительно склонили головы все ирландцы, мало походил на короля в представлении Эрика. Высокий широкоплечий мужчина был одет довольно просто: серые штаны, алая рубаха, тёмно-зелёный шерстяной плащ, сколотый у горла золотой пряжкой... разве что знаменитые ирландские башмаки могли бы вызвать зависть у самого Альвгейра. Однако всё это намётанный глаз налётчика отмечал отстранённо, между делом. Больше всего внимание притягивали синие глаза и огненно-рыжая шевелюра короля Коннахта. Того же медного оттенка, как и у бешеной девчонки, которую Эрику не забыть до конца своих дней.

— Вы одной крови, — заявила вдруг Пёрышко, так же пристально разглядывавшая короля.

— Что? — одновременно переспросили Эрик и брат Аластрионы.

— Вы сыновья одной матери и одного отца, — терпеливо, будто несмышлёным детям, пояснила фея. — Братья.

Все взгляды теперь переходили с одного плечистого рыжего мужчины на другого, с викинга на короля Коннахта. Да, они были похожи. Если бы не борода Эрика и не длиннющие усы Аэда — их запросто можно было бы перепутать. Хотя, конечно, всегда можно ориентироваться на количество глаз.

Люди Коннахта, конечно, помнили, что у короля Конхобара было четверо детей. И помнили, как плакала королева, когда её муж согласился отдать Тадга воспитанником, а по сути, заложником, верховному королю.

— Нам сообщили, что ты погиб во время набега викингов, — сухо сказал Аэд. — А ты, оказывается, стал одним из них.

Эрик не ответил. Он усиленно вспоминал. Неизвестно, почему, но детская память не сохранила ни ласки матери, ни гордую фигуру отца. То время, когда он был принцем, как будто никогда не существовало. А вот то, как обращались с маленьким пленником люди верховного короля Ирландии, он помнил хорошо. «Иди сюда, внук Маэла*! Почисти-ка мне сапоги!» кричал псарь, отвешивая мальчишке пренебрежительный пинок. «Встань на колени, дерзкое дитя! И молись, молись, чтобы Господь простил прегрешения твоего отца, поднявшего меч на своего господина!» сурово увещевал священник...

Эрих тряхнул головой. Сколько ему было? Пять? Шесть лет? Он был уже достаточно взрослым, чтобы огреть по голове Лергуса, дюжего монаха, вцепившегося в плотку тогда ещё совсем не старому Ауду. Сознания ирландец не потерял, но отвлёкся, и викингу этого хватило, чтобы перекатиться через противника, подмять под себя.

В том набеге Ауд потерял сына. Но привёз вместо него другого — рыжего и синеглазого. Ярлу мальчик-найдёныш понравился. Альвгейр даже сам взялся его учить некоторым премудростям, и поговаривали, что даже не прочь сделать своим преемником. И ни разу не попрекнул ни куском хлеба, ни родом. Ауд ввёл мальчика в семью по древнему обычаю, дал новое имя. И Эрик забыл, кто он и откуда. Тогда казалось, забыл навсегда. А теперь, к своему ужасу, стал осознавать: под священным дубом он чуть было не изнасиловал собственную сестру. И стал причиной её смерти.

— Выпить есть? — мрачно осведомился викинг у новообретённого родственника.

*Коннахт — одно из четырёх (позднее — шести) величайших королевств Ирландии. Столица — Круахан.

**Мáэлсехнайлл мак Мáэл Руанайд (Маэл Сехнайлл мак Маэл Руанайд; ирл. Maelsechnaill mac Maele Ruanaid, Mael Sechnaill mac Maele Ruanaid) — король Миде и верховный король Ирландии. Отец Айлбе, жены Конхобара, короля Коннахта.

Сигрид снова плакала у постели супруга. На этот раз — от счастья. Ульв был без сознания, горячий, как только что вынутый из очага горшок, но уже не каменный. И почти не зелёный. Девушка смачивала сухие потрескавшиеся губы мужа, отирала грудь и лицо влажной тканью, беззвучно благодарила богов. О, златокудрая воительница Фрейя! Неужели ты слышала мольбы юной Сигрид? Недаром её покойную мать до сих пор величают валькирией. И дочь будет её достойна. Будет сражаться за своего мужчину до конца.

Альвгейр не знал, как воспринимать такое поведение дочери. Конечно, он и сам был рад, что старой шаманке удалось задуманное. Но почему дочь так убивается по навязанному отцовской волей супругу? Неужели подлый цверг осуществил полунасмешливую угрозу,

заронил в девичье сердце любовь своим проклятым колдовским голосом?

Ярл хмурился, отводил глаза от Сигрид. Что это там саам делает?

— Эй, тебе помощь нужна?

Онни отрицательно покачал головой. Очень бережно, почтительно и ласково он поднял на руки сухонькое тельце, оказавшееся таким маленьким!

— Нет, золотоволосый. Нам больше ничья помощь не нужна.

Сказал без горечи, без осуждения, но Альвгейр похолодел.

— Постой! — он схватил нойда за рукав и взгляделся в умиротворённое лицо старухи. Лицо, которое ещё помнил юным и прекрасным. Эти губы целовал когда-то Ульв, стоя у сходней его нового корабля, эти волосы когда-то были не седыми, а золотистыми, как у Сигрид. А сейчас они потускнели. Закрытые глаза ввалились. Не человек — высохшая головешка. И ярл вдруг со всей отчётливостью понял, для чего понадобился Онни такой огромный костёр. — Она умерла? Знала, что это её убьёт? И ты знал?

Молодой шаман не отрывал взгляда от бабкиного бубна, валявшегося у его ног. И произнёс буднично, как само собой разумеющееся:

— Чужая земля. Чужие боги. Далеко от дома. А после смерти нойд становится сильнее.

Он шагнул вперёд, и пальцы Альвгейра сами разжались, скользнули, выпуская узорчатый рукав. Нет, никогда ему саамов не понять. Ведь... Ульв их бросил. Получил, что хотел, и бросил, больше никогда не возвращался к оленьим берегам. Даже в разговоре ни разу не упоминал. Бывало, Альвгейр сам речь заводил, тот молча поднимался и уходил. Ладно, девчонку он тогда к себе приворожил. Но остальные? Теперь ярлу стало понятно, из-за чего так разъярился бурый медведь, муж старой шаманки-оленихи. Но почему всё же дал себя увести?

Альвгейр подошёл к постели и окинул взглядом тонкие черты измождённого лица. Всё-таки перед ним лежал настоящий цверг. Скрытный, хитрый и злобный. Владелец чарующего голоса, который невозможно забыть. Это существо хотелось ненавидеть. И очень тяжело не полюбить.

— Гад ты ползучий, всё-таки, — пробормотал Альвгейр и заботливо убрал с высокого лба намокшие чёрные пряди.

— Иди уже, отец, — недовольно прошипела Сигрид. — Неужели у ярла неотложных дел больше нет?

Выпроводив всех из дома, Сигрид заперла дверь и ненадолго оставила мужа одного. Она согрела воды, неторопливо совершила омовение, натёрла кожу благовонными маслами, расчесала золотые волосы, заплела косы, обернула вокруг головы и заколола их драгоценной диадемой из тех, что Ульв дарил ей перед свадьбой. В довершение облачилась в полупрозрачную шёлковую сорочку и вошла в спальню.

Муж лежал на том же месте, где она его оставила, лишь сбил с себя одеяло в беспокойном сне. Но это оказалось даже кстати. Сигрид приблизилась к ложу и опустилась рядом с вернувшимся с того света супругом. Несколько минут девушка разглядывала его исхудавшее лицо, мысленно вознесла молитву Фрейе... и скользнула на грудь мужчине, ощущая себя валькирией, падающей с небес за телом павшего героя.

Герой оказался не до конца павшим: агатовые копыта ресниц слегка вздрогнули.

— Руку откушу, — недовольно пробормотал Ульв. — А кошкам хвосты в морской узел завяжу.

— Что? — опешила «валькирия», не ожидавшая подобной реакции на свою атаку.

Мужчина нехотя открыл глаза.

— А... это ты. Тоже убирайся.

Голубые глаза земного воплощения Фрейи вспыхнули яростным огнём.

— И не подумаю! — Сигрид решительно улеглась на мужа сверху, уперев руки по сторонам от его головы. — Я твоя жена. Это мой дом. Не смей меня прогонять!

— Сейчас самое время развестись, — задумчиво предложил Ульв. — Вон порог. Доходишь до него и...

— И не надейся, — ласково пропела Сигрид, обнимая мужа коленями за талию. Она наклонилась совсем близко, явно намереваясь запечатлеть на бледных губах страстный поцелуй.

— Слезь, мне дышать тяжело, — сердито закашлялся неласковый супруг. Сигрид скатилась набок, но позиций не сдала: закинула ногу Ульву на бедро, руками обвила его шею. Грудь Стейнсона вздымалась неровно, сотрясаемая сухим кашлем, будто он наглотался пыли. Наконец, Ульв устало прикрыл глаза:

— Что тебе нужно от меня, женщина?

— То, что принадлежит мне. Моего мужчину.

Цверг снова позеленел, но, как ни странно, выглядеть стал гораздо живее. Даже голову приподнял.

— Сдурела совсем? Твой мужчина сейчас в Зелёных Холмах с феями развлекается. Скорее всего. Возьми у папочки драккар и проваливай к нему.

— Ты сам говорил, что ничего ему королева Мэб не сделает. А твоё сердце паучьей сетью оплела! Но я тебя спасу.

— Валяй. — Ульв обессиленно откинул голову на свёрнутый плащ и снова закрыл глаза.

Сигрид не заставила себя упрашивать. Лёгкие, но многочисленные поцелуи покрыли грудь и шею мужчины, белые девичьи руки ласкали его лицо и плечи, не решаясь пока спуститься ниже. Безучастность супруга всё больше распалая юную спасительницу, врождённое упрямство заставляло алеть щёки и губы. Не иначе, как богиня любви наделила молившую о помощи девушку кошачьей грацией и гибкостью. Сигрид виноградной лозой обвилась вокруг мужа, сама захмелев от предвкушения и азарта, а он... рассмеялся. Глухо, зло. А под конец снова закашлялся.

— Щекотно.

Теперь уже и Сигрид разозлилась не на шутку.

— Мог бы и помочь! А не лежать, как бревно! Я, между прочим, ради тебя это делаю!

— Дурочка.

Девушка уселась на беспомощного мужчину верхом, сложила руки на груди и грозно нахмурила брови.

— Ну так научи меня, если такой умный. Как тебя расколдовать? Как вернуть назад твоё сердце?

— Это невозможно.

— Я тебе не верю, — сузила глаза дочь ярла.

— Сердце цвергу не принадлежит. Оно само выбирает, где ему биться. Или не... биться. Я могу вернуться к нему. Но не наоборот. — Ульв вдруг снова приподнялся, даже опёрся о

предательски дрожащую руку. В голову ему пришла неожиданная мысль. — Альвгейр... позови Альвгейра.

Но Сигрид пихнула его в грудь, без труда возвращая в исходное положение.

— Отец тебе ничем не поможет. Он тебя не любит. Как и королева Мэб. А я — люблю. И я разрушу её колдовство. Пусть пока и не знаю, как. Не скажешь ты, буду молиться Фрейе. До тех пор, пока не получится.

Ульв оскалился, снова сделавшись похожим на голодного волка.

— Хочешь добиться от меня взаимности? Напрасно, девочка. Это опасно для жизни.

Вар не одобрит, я же поклялся тебя защищать.

Сигрид подумала о Сату, и холодок пробежал у неё между лопаток.

— О чём ты говоришь?

Голова Стейнсона безвольно перекатилась набок.

— Воды принеси.

Сигрид чуть помедлила, прикидывая, не уловка ли это. Но решила, что супруг слишком слаб и всё равно от неё никуда не денется.

Он не смог сам держать кубок, и сердце девушки сжималось от жалости всё время, что она поила мужа. С минуту Ульв пролежал, тяжело дыша, с закрытыми глазами, и Сигрид даже подумала, что он снова забудется беспокойным сном. Но голос Великого Барда прозвучал на удивление твёрдо:

— Помоги сесть.

Ульв прижимался спиной к дубовой стене, собираясь не то с мыслями, не то с силами. Сигрид сидела рядом, заботливо вглядываясь в его лицо, ловила взгляд тускло-зелёных, болотных глаз.

— Когда родители отдали меня в школу бардов, я был ещё несмышлёным подростком, — начал рассказ Ульв. Жена не поняла, при чём здесь это, но приготовилась терпеливо слушать. — Твой отец провёл детство в волшебной стране сидов, моя мать родилась... в «разноцветной стране». Чтобы попасть к сидам, нужно пройти через холмы — преодолеть землю. А тот мир лежит за морем. За Яблочным островом. За... в общем, тот мир то же для сидов, что Льесальфахейм для людей. Тебе понятно?

— Твоя мать была могучей волшебницей, — кивнула Сигрид. — Я поняла.

— Моя мать была лепреконихой, — вздохнул Ульв. — Не в этом дело. Ладно, достаточно сказать, что от предков мне достался дар, благодаря которому я делал успехи среди бардов, хотя от всей души их ненавидел.

— Но почему? Почему ты их ненавидел?

— Я цверг, — вяло пожал плечами Ульв. — Не моё это.

— Бард это ведь вроде скальда? Они уважаемые люди.

Стейнсон криво усмехнулся.

— Вряд ли отец рассказывал тебе... как-то раз один из его отрядов захватил пленников... и пленниц... но женщины в тот раз предназначались для невольничьего рынка. Альвгейр запретил их трогать. Тогда по кругу пустили одного поэта. Он, как ни странно, даже остался жив. Но не думаю, что сложил когда-то об этом песню.

Сигрид слегка побледнела, но твёрдо произнесла.

— Но ты... ты колдун! Тебе никто не страшен, и... никто не может причинить тебе вреда, кроме этой Мэб. Но и её ведь можно одолеть!

— А я хотел быть кузнецом, — заявил Ульв. — Как мой отец.

— И ты бросил бардов? — голубые глаза загорелись любопытством. — Сбежал, чтобы обучиться мастерству?

— Нет, — отрезал цверг. — Один из друидов-учителей ненавидел меня ещё сильнее, чем я ненавидел школу. Ему было известно, кто я, и он считал, что их тайные знания не для тёмных альвов. Старался выпереть меня из школы, а я стал самым прилежным из учеников назло ему.

— О, — только и смогла вымолвить Сигрид и взяла руки мужа в свои.

— Не стану рассказывать, как долго и как изошрённо он издевался надо мной... — продолжал Ульв, — но я поклялся себе, что стану Великим Бардом, и тогда эта мразь ответит мне за всё.

— О! — на этот раз восторженно и с предвкушением воскликнула Сигрид.

Цверг угрюмо высвободил руки.

— Если коротко, Великим Бардом я действительно стал. Как оказалось, к этому званию никто особенно не стремился, потому что верховный друид обязан лично общаться с верховным богом. А Кенн Круах всегда был тяжёл на руку, так что Верховные Барды сменялись едва ли не чаще, чем Верховные Короли.

— Но ты всё-таки отомстил тому своему учителю? — Сигрид даже заёрзала от нетерпения. Ульв впервые рассказывал ей о своём прошлом. Это было волнующе и до дрожи приятно.

— Да, — ответил цверг и ещё сильнее помрачнел, сделавшись похожим на нахохлившегося ворона. — Я был ещё мальчишкой. И мне хотелось не просто доставить ему неприятность, а унижить, доказать своё превосходство. Состязаться в искусстве барда? Да, я мог бы победить. А мог и проиграть. Мне тогда ещё не доставало опыта и настоящего мастерства.

Сигрид смотрела на мужа во все глаза. Розовые губки трогательно приоткрылись, выдавая нетерпеливое ожидание.

— Больше всего, — продолжал Ульв, откинув голову и полуприкрыв воспалённые веки, — он ненавидел меня за мою молодость. Молодость, которая останется со мной ещё сотни и сотни лет, в то время как сам он с каждым годом всё больше дряхлел. И, как большинство стариков, преследовал юность либо ненавистью, либо сладострастием. Была девушка, которая пожаловалась верховному друиду на бесстыдные домогательства одного из длиннородых. И я предложил ей сыграть со стариком злую шутку.

Друид торопливо, оскальзываясь на камнях, пробирается под своды пещеры. Длиннополое одеяние то и дело мешается под ногами, приходится придерживать. Но ничего... ещё чуть-чуть, можно будет избавиться и от этой тряпки... и... стянуть клетчатую юбку с юной прелестницы. Друид самодовольно ухмыляется. Да, пусть он не мальчик и добиваться внимания девчонки пришлось не один день, но оно того стоило! Так, может быть, сразу раздевать её и не стоит. В пещере довольно прохладно... что за странный выбор места свидания? Впрочем, уединённо... она ведь такая стыдливая! Мужчина расплывается в улыбке. О, сколько стихов, сколько вдохновенных песен он ей посвятил! Сколько присылал подарков и знаков внимания. А это кокетка лишь отводила взгляд! Да пряталась за спину брата. Сама же, небось, ночами алкала близости так же, как жаждал её он сам! Ну что же,

ожидание только распаляет кровь...

Пещерный ход раздваивается, но друид без колебаний выбирает направление — в одном из проходов лежит небрежно сброшенная женская накидка. Он поднимает её, глубоко вдыхает запах и возбуждённо рычит. Бросается вперёд с удвоенной скоростью.

— Приди ко мне, о возлюбленный мой! — томный голос множится, отражается эхом, так что невозможно определить, откуда же он исходит.

Друид споткнулся, сбил колени в кровь. Плевать! Сейчас не до этого! На подгибающихся ногах он вваливается в круглую пещеру, осенённую трепетным светом сотен свечей. В самом центре, на возвышении, драгоценными тканями убрано широкое ложе. Голова закружилась от сладкого и тяжёлого аромата лилий и жёлтых роз.

— Я здесь, любимая! — он хрипит, задыхаясь от страсти, на ходу стаскивает с себя опостылевший балахон, и как в морскую пену ныряет в прохладные простыни.

Но вместо юной прелестницы из глубины грота выходит Верховный Бард.

— И я здесь, — с едва заметной издёвкой произносит он и прикасается к роскошной постели ореховым прутом. В мгновение ока пещера преображается: вместо ароматных свечей её освещают золотящиеся линии рун, которыми испещрён пол. Лён, шёлк и атлас бесследно исчезли, а друид обнаружил себя на дне каменного саркофага. Стены его тоже испещрены множественными письменами, и они уже сушат горло, вытягивают из лёгких воздух.

— Так... так нельзя! — хрипит старик.

— Почему это? — молодой бард невозмутимо поднимает каменную плиту, которую не сдвинули бы с места и трое человек.

— Друиды так не поступают!

— А цверги — очень даже. — По-волчьи острые зубы блестят в полутьме. Плита с раздирающим душу скрежетом начинает задвигаться.

— Будь ты проклят! — старик в отчаянье царапает стенки саркофага, но только ломает ногти. — Отродье тьмы! Потомок червей!

Ульв только пожимает плечами.

— Я знаю одну девушку, которая сегодняшнюю ночь решила провести в постели потомка червей, а гордую, пусть и сильно разбавленную, кровь сидов оставить в темноте и одиночестве. Да, не беспокойся, в одиночестве. Стенки крепкие, моим «предкам» не добраться до тебя. И через сотню лет будешь выглядеть... как сейчас. Почти. Разве ты не этого хотел?

Плита с глухим стуком встаёт на предназначенное для неё место. Старик бьётся внутри, кричит, расточая и без того скудный запас воздуха:

— Будь ты проклят! Будь проклят, слышишь?! Когда-нибудь ты полюбишь сам. Найдётся кто-то, кто найдёт отклик и в твоей чёрной душе! Пусть пройдёт хоть тысяча лет, ты полюбишь и умрёшь от её руки!

— Я не так легковверен, старик, — смех молодого барда серебряными монетками рассыпался по пещере, — чтобы позволить какой-то девице одурачить себя. Если я и умру, то от удара сырого железа в открытом бою, равный против равного.

Внутри каменного гроба раздался не то взвизг, не то всхлип.

— Ничто, кроме моего проклятия, тебя не убьёт.

Ульв вздрогнул и отшатнулся, схватившись за грудь. Глупец! Как он не догадался связать старика? А теперь этот друид, один из самых старых и опытных из ныне живущих,

прокусил себе руку и кровью чертит руны поверх выбитых в камне. И в его голосе звучит пусть и предсмертное, но всё же торжество:

— А если будешь любим в ответ — то ты убьёшь её. Понял? Ты её или она тебя. И тот, кто останется, делается бессмертным. Навсегда. Будет помнить. Вечно. Вечно. Вечно...

С последним словом из старика ушла жизнь. Всю её, до капли, он вложил в мощнейшее проклятье, которое когда-либо создавал. А Великий Бард стоял, задумчиво вертел в руках ореховый прутик. С досадой и раздражением отбросил его в сторону.

— Ну убью, так убью. Одна женщина стоит другой. А бессмертие — не самая худшая штука.

Но несмотря на то, что юная красавица весьма живо и самозабвенно благодарила его за заступничество той ночью, спал Великий Бард плохо. А утром не то по рассеянности, не то от досады, вместо обычной принёс Кенн Круаху двойную человеческую жертву.

Глава 5. Свидание с королевой

В Круахане Аэд пожелал разговаривать с Эриком наедине. И Пёрышко не противилась: вопреки ожиданиям мир людей оказался совсем не страшным. Ирландцы взирали на жительницу волшебной страны с почтительным восхищением. Ирландки... с плохо скрытой завистью. Так что пока фея купалась в лучах мужского внимания, угощалась непривычной для сидов едой и напитками, поигрывала ножкой и мысленно сравнивала Эрика с его старшим братом, сбившиеся в кружок леди Коннахта шептали: «Это же ведьма! Как король не видит? Что-то скажет аббат Клонферта, когда узнает?» — «А он узнает?» — «Завтра же на исповеди расскажу!»

— Давай определимся сразу, — сказал Аэд, осушив с гостем по второй чаше мёда, — ты мне не брат. Очередь на трон и без тебя длинная.

Эрик кивнул.

— Сдались мне твои бесплодные камни. Коннахт — беднейшее из королевств. А дома меня невеста ждёт. Дочь ярла, между прочим.

— Твоими стараниями беднейшая, — скрипнул зубами Аэд. — Твоими и твоих новых сородичей. Отца нашего сам убил? Или рядом стоял?

Одноглазый неопределённо повёл бровями.

— Когда это было?

— Шесть лет назад. Не здесь... в Лейнстере.

— Не, — Эрик опрокинул в глотку ещё один кубок. — В том году я на материк плавал. А что он в Лейнстере забыл? Свои берега бы охранял лучше.

Король Коннахта вперил в собеседника тяжёлый взгляд. Эрик оторвал у лежащего перед ним поросёнка ногу и запустил в неё зубы. Ещё горячий жир стекал на густую бороду, но викинга это не беспокоило. Как и гнев брата. Весёлая бесшабашность, поселившаяся в нём с тех пор, как Эрик потерял глаз, не оставила его до сих пор.

— Думаешь, он делал это по своей воле? Сражался за того, кто убил нашего деда? По своей воле отдал ему тебя? Аэд Финдлиат стал новым верховным королём. Он силой покорил себе Коннахт. Что бы ты выбрал на месте отца? Подчиниться, или обречь на разорение и рабство всю страну? И семью заодно?

— Выбор — для побеждённых, — неприязненно сказал викинг. Он думал о своём ярле. Ярл должен подчиняться конунгу, об этом знают все. Все, кроме Альвгейра. Конунг навещался в фюльк всего раз, когда Эрика там ещё не было. Но мальчику рассказывали, что после разговора с вождём конунг собрал своих людей и уплыл. Дань, которую требовал, с собой не взял. Только подарки. Те, что Альвгейр захотел поднести сам.

Аэд с кривой усмешкой разглядывал брата.

— Каким бы легендарным героем ты ни был, в жизни приходится не только побеждать.

Эрик обдумал это утверждение, чуть скривился, и нехотя кивнул: вспомнил о рогатой Геро.

Король Коннахта немного расслабился и отрезал кусок поросёнка.

— Невеста, говоришь, ждёт? А женщина из страны сидов, что с тобой пришла?

— Это моя женщина! — прорычал викинг, мгновенно ошетиниваясь при воспоминании

о том, каким взглядом окинул Аэд его спутницу при встрече. И, главное, о том, какой улыбкой ответила она.

Старший брат пригубил мёд из золотого кубка, пряча улыбку в усы. «Плохо же ты, викинг, знаешь волшебный народ, — подумал ирландец. — Ты пока что — её, это так. Но вздумает уйти — не удержишь».

— Мне нужно, чтобы она или ты, если сможешь, провели меня в холмы.

Викинг расхохотался.

— И себе такую думаешь отхватить? Смотри, дело опасное. — Он выразительно ткнул большим пальцем в недостающий глаз. — Это я ещё отделался легко.

— Не твоя забота, — отрубил король.

— Да чего там? — передёрнул плечами Эрик. — Просто иди за туманом. Туда, где он расступится, тропинку покажет. А, вот ещё. Не знаю, важно это, или нет...

Он порылся в мешочке, висевшем на поясе, и протянул Аэду четырёхлистный клевер, который вручил ему Пак. Листочек выглядел свежим, будто только что сорванным. Ирландец лучше представлял себе ценность этого предмета, так что произнёс с искренней благодарностью:

— Да, это важно.

Король Коннахта считался христианином, а потому у священного дуба Кромма собирались в глубокой тайне. Аэд неуверенно карябал руны, то и дело косился на Пёрышко. Но фея в рунической магии разбиралась не больше, чем болотный огонёк, которым, по сути, и являлась, а потому лишь улыбалась обольстительно. Король, возможно, ответил бы тем же, даже невзирая на могучие руки Эрика, по-хозяйски обнимающие фею, но сейчас его гораздо больше интересовало происхождение девушки, чем её сдобные формы и многообещающие взгляды. «Маленькая моя Аластриона! — тоскливо думал Аэд. — Ты была самой внимательной, самой усидчивой и сообразительной, тебе лучше всех нас давалась тайная наука жрецов. Как же мне тебя не хватает! Нет и не будет мне прощения за то, что не смог тебя уберечь». Эрик между тем мысленно возносил молитвы всем богам, о которых мог вспомнить, чтобы король Коннахта не узнал, какую роль сыграл его брат в смерти его сестры. По крайней мере, до тех пор, пока они с феей не уберутся с этих проклятых берегов.

— Почему викинги нападают только на монастыри? — спросил ирландец, продолжая терзать ножом крошащуюся сухую землю. — Ваши боги враждуют с христианами?

— Не знаю, — простодушно отозвался Эрик. — Я у богов не спрашивал. Для этого ярл есть. Но он говорит, что гоняться по лесам за ирландцем будет только самоубийца.

Король Коннахта довольно ослабился.

— Монастырь же — это курица, каждый год несущая золотые яйца, — продолжал викинг. — Поэтому разрушать их нельзя. Зато удобно грабить. Много золота, много украшений и драгоценностей. Всё в одном месте, рядом с морем. Высадился, забрал, уплыл. Да и монахи ходовой товар. На невольничьем рынке никто не купит язычника-ирландца. Он перегрызёт горло хозяину, даже если у бедняги из спины будет торчать стрела, а из живота меч. А христиане привыкли терпеть. Подчиняться. Стоять не коленях. Не велика разница, перед кем.

Король слушал викинга и криво ухмылялся. «Недооцениваешь ты христиан, — думал он, искоса поглядывая на грубоватого и простоватого морского разбойника. — Аббат Армага по

влиянию, богатству и количеству людей, подчиняющихся его приказам, равен королю. Да что говорить, такого короля, как я — зависимого, разорённого, сидящего на истощённой неплодородной земле, он многожды превосходит. Не будь у церкви внутренних разногласий, они уже давно подмыли бы под себя и Ирландию, и викингов... а, впрочем, я даже слышал, что кто-то из них уже вербует отряды норманнов, чтобы обуздывать непокорных правителей. Это умно. Викинги лучше вооружены и куда лучше организованы, чем местный разношёрстный сброд».

Аэд почти совсем сдался: и рун он как следует не помнил, и Бельтайн давно уже прошёл... с отчаяния даже собрался полоснуть себя золотым серпом по руке или ноге. Вдруг, дерево пропустит ту кровь, что разверзала грань между мирами уже дважды? Но выполнить своё намерение не успел.

Густой туман стелился по земле, сильно напоминая крадущегося хищника. Пёрышко и викинг глазом моргнуть не успели, как вязкая, непрозрачная пелена окутала короля. А потом он исчез.

Сам Аэд тумана даже не заметил. Хотя странности всё же были. Во-первых, куда-то подевались его спутники. Во-вторых, вместо подножия дуба он оказался совсем в другом месте, которое, впрочем, тоже было хорошо знакомо. И аббат Клонферта очень рассердился бы, если бы узнал, насколько хорошо принявший христианство король знал каждый камешек на этой тропинке, ведущей к полуразрушенному, заросшему кругу камней.

А в-третьих, вместо раннего лета тут была осень. Не та благодатная пора свадеб, когда над поселениями витает крепкий запах мёда и спелых яблок, так что можно подумать, будто волшебство сидов перенесло тебя на благословенные острова. Нет, то была промозглая дождливая пора, серая, унылая и холодная. В такое время как подарка ждешь наступления зимы и настоящих холодов — только бы не видеть это свинцовое небо, не томиться бесплодным ожиданием.

Аэд шёл по тропинке и зябко кутался в плащ, почти не глядел под ноги. И чуть не упал, споткнувшись. Замер от удивления.

Развалины стояли на месте. И в то же время казались не совсем правильными. Менее разваленными, чем он их помнил. Камни покрыты отшлифованными мраморными плитами, пробивающиеся сквозь кладку заросли бесследно исчезли. В центре круга лежит большая разбитая арфа. Серебряная, и, кажется, у неё должно быть три ряда струн. Но уцелела лишь одна.

Впрочем, долго разглядывать инструмент Аэд не стал. Его внимание привлекла женщина, сидевшая на ближайшем из камней.

Если бы кто-то попросил короля её описать, у него бы не вышло. Она была... ни на кого не похожа. Черты лица странно неуловимы, будто отражение на бегущей воде. Аэд не смог бы сказать, стара она или молода, красива или безобразна, он даже не мог понять, как она одета: что-то тёмное, бесформенное, окутывало её устало опущенные плечи, тяжёлыми скользкими складками падало к ногам. Король остановился, не решаясь заговорить. Он хотел поклониться, поприветствовать женщину в учтивых и изысканных выражениях. И не мог. Откуда-то он знал, кто перед ним. И правитель Коннахта оробел, как ребёнок.

— Подойди, Аэд мак Конхобайр, — произнесла Мэб. — Не бойся. Ты пусть и отдалённый, но потомок сидов. Король, сохранивший частицу веры в народ холмов. Ты имеешь право находиться здесь.

Всё ещё не решаясь заговорить, Аэд приблизился и встал на колени рядом с повелительницей фей.

— Я знаю, зачем ты пришёл, — произнесла она, и каждое её слово падало, будто пожухшие листья с деревьев. — Тебе больно видеть, как страдает Ирландия, раздираемая на части викингами и христианами, как её дети гибнут от набегов норманнов или по приказу одержавшего победу правителя.

— Верховный король... — несмело начал Аэд.

— Верховный король предал вас, — прервала его Душа Ирландии, и в первый раз в её голосе промелькнул огонёк, слабая искорка гнева. — Потому что оказался трусом. И сбежал, вместо того, чтобы нести бремя ответственности. Я не могу заставить его вернуться.

Аэд догадался, что они с волшебницей говорят о разных верховных королях, но перечить ей не осмелился.

— Моя королева! Но мы гибнем! Если и вправду среди нас есть твои потомки, помоги нам! Или новые боги поработят нас, а захватчики отнимут наши земли. Они уже за это принялись! Норманнским рыцарям надо много платить. Мало кому это по карману. Зато им очень легко обещать титулы и земли, которые они отобьют у ирландцев!

Король запнулся, замолчал в изумлении. Вот только что он моргнул — и вместо королевы Мэб перед ним оказалась обычная женщина. Ещё не старая, но уже и не молодая, она куталась в накидку, зябко поводя плечами. Тёмные волосы щедро присыпаны серебром, а на лбу и в уголках губ залегли скорбные морщины. Аэд долго смотрел, как женщина перебирает бахрому потёртой шали. И тихо произнёс:

— Могу я... я и народ Коннахата... Можем мы чем-то помочь тебе, госпожа?

Она поглядела на него и улыбнулась, как улыбаются ребёнку.

— Спасибо, что спросил, мальчик. Но боюсь, что нет. Вы изгнали волшебство из своего мира. И не только волшебство. Ты говорил о новом боге, что угрожает вас покорить? Он был здесь. Стоял на том же месте, где сейчас стоишь ты. И плакал. Потому что совсем не хотел творщегося теперь Его именем. Убеждал, что говорил совсем о другом, его всего лишь неверно поняли. А, неверно поняв, записали... и отсюда пошли все неприятности.

— Друиды никогда ничего не записывали.

— Друидов больше нет, — сидящая женщина, сидевшая на месте королевы, потёрла друг о друга руки идохнула на них, будто не могла согреться. — Никого больше нет. Ни великих сидхе, ни фоморов, ни богов. Вы остались одни.

— Но, моя королева...

— Я потратила слишком много сил, — сказала она и опустила голову. — И остаток их отдам на то, чтобы вернуть тебя, мальчик, откуда пришёл. Границы больше нет, и наши миры вновь живут каждый по своему времени, с каждым мгновением разбегаясь всё дальше. Если бы ты только знал, как я устала... — произнесла она совсем тихо.

Аэд встал, расстегнул золотую брошь и бережно укрыл королеву фей своим плащом.

— Прости нас, — так же тихо сказал он.

Королева ласково улыбнулась.

— Прекратите грызню между собой. Объединитесь под рукой одного короля, пусть он уже не будет великим магом, но пусть он будет один. Если вы сможете забыть о внутренних распрах, ни викинги, ни христиане, ни чужие боги, ни чужое оружие будут вам не страшны. Мои потомки резвы мыслью и богаты доблестью — уж кому, как не мне это знать. Но обрести величие Ирландия сможет лишь если будет едина.

Аэд кивнул, принимая совет, хотя сердце его болезненно сжалось: король не верил, что напутствие Мэб может быть осуществимо. Она, возможно, это поняла по его лицу. А, может быть, прочла прямо в душе, но ничего не сказала, а лишь тяжело вздохнула, как вздыхает мать, отправляя сына на войну, с которой, она знает, тот уже не вернётся. Королева легонько потянула мужчину за рубаху, он наклонился, и Душа Ирландии поцеловала короля Коннахта. В лоб.

А в следующее мгновение он уже стоял перед священным дубом. Растерянный, бледный и всё ещё сжимающий в руке листок четырёхлистного клевера — символ удачи. Четыре листка на одной ножке. Если когда-нибудь Коннахт, Лейнстер, Мунстер и Ульстер снова смогут объединиться...

Аэд мак Конхобайр горько усмехнулся. Увы, такое невероятное волшебство возможно лишь при участии великих сидхе.

Сигрид хмурила брови, но при этом нерешительно покусывала кончик косы.

— Пап, — Альвгейр попытался обнять дочь, но та отстранилась. — Пап, Ульв хочет с тобой поговорить.

Ярлу упрямо вздёрнутый носик дочери очень не понравился: что-то его кровиночка задумала. Но выяснять это он будет потом. Альвгейр резво, как юноша, взбежал на крыльцо и скрылся за дверью. Сигрид подошла к Онни, так и стоявшему перед прогоревшим погребальным костром. Шаман разложил его тут же, перед домом, и теперь наблюдал за белой бахромой пепла, взмывавшей к хмурящимся небесам. Девушка подумала, что нужно выразить сочувствие по поводу смерти его бабки, но не решилась. Молодой нойд выглядел скорее задумчивым, чем убитым горем. Сигрид краем ухом слышала его разговор с отцом и догадалась, что Сагу каким-то образом отдала жизнь, чтобы выгадать Ульва с того света, а Онни об этом решении знал.

— Что ты будешь делать теперь? — деловито спросила дочь ярла.

— То, зачем сюда приплыл, — бесстрастно отозвался нойд. — Я должен удостовериться, что туман королевы больше не вернётся.

— Хорошо, — серьёзно кивнула Сигрид и взяла Онни за руку. — Я с тобой.

Проклятый цверг стал тенью себя самого. Альвгейр видел его раненым, больным, даже мёртвым! Но никогда ещё — таким жалким. Ульв привалился к стене грузно, как мешок с картошкой, сероватые веки устало опущены, дыхание тяжёлое, неровное, на лбу испарина, под газами круги.

— Паршиво выглядишь, — честно сообщил ярл. Ульв не съязвил, не буркнул ничего в ответ. И это беспокоило ещё сильнее. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем бард вяло пошевелился и произнёс:

— Отвези меня на Изумрудный остров.

Альвгейр подошёл и присел рядом. Чуть наклонился вперёд, внимательно осмотрел мраморно-бледное лицо. И уверенно произнёс:

— Ты рехнулся, землеройка. Мэб тебя двумя пальцами в мелкий песочек сотрёт. Ты же сейчас беспомощный, как дитя.

Ульв нехотя приоткрыл глаза и даже скривил губы в жалком подобии прежней ухмылки.

— Она может убить меня в любой момент, когда пожелает. Всегда могла. У неё моё сердце.

Альвгейр витиевато выругался, но вдруг замер, задумавшись:

— Постой! Сердце? Твоё... проклятие? Сработало?

— Более чем.

После этого Ульв терпел довольно долго, минуты три, но, наконец, не выдержал и процедил сквозь зубы:

— Прекрати ржать, как лошадь.

Но ши-полукровка и не подумал остановиться. Напротив, он хохотал так, что вскоре пришлось вытирать слезинки в уголках глаз.

— Ты... цверг... влюбился в великую сидхе? В королеву фей? А что так мелко? Почему не в королеву разноцветной страны?

На мгновение Альвгейру показалось, что в потухших глазах полыхнула знакомая изумрудная ярость. Но цверг обессиленно уронил голову, глухо произнёс:

— Ты должен мне, ярл. За Хельгу. Я не спрашивал, почему ты выбрал именно её. Отвези меня к женщине, которую я люблю. И это будет последний расчёт между нами.

Альвгейр хмыкнул.

— Хельга... тебе ничего не стоило спеть ещё одну балладу. Тебя хлебом не корми, дай поголосить. И ты ничем не рисковл. А Мэб... она ведь бешеная, как Кенн Круах. Может быть, даже хуже. Пустит драккар ко дну, и всех, кто на нём, заодно.

— Дались вы ей, — зло огрызнулся Ульв. — Много чести! Высади меня в лодку, если боишься. К берегу прибьёт.

Ярл, привыкший считать себя викингом, скрипнул зубами.

— Ишь, смелый какой! Что же ты с её острова сбежал, цверг?

— Почему же ты не сбежал с моего острова, цверг? — спросила Мэб, с любопытством разглядывая барда. — Разве ты не боишься смерти? Я не покидаю пределов Ирландии. Уходи, и проклятье не сбудется ещё неограниченно долго.

Ульв взял королеву за руку. Он нежно поглаживал её пальцы, разукрашенные серебряной паутинкой кружева, сплетал со своими.

— Люди Мидгарда каждый день рискуют жизнью, моя королева. По сотням вздорных причин. Например, просто, чтобы пощекотать себе нервы. А у меня, — Бард отцепил нитяное колечко и откинул кружево, прижался губами к женскому запястью, — у меня причина гораздо более веская, — продолжил он после паузы. — Я хочу смотреть на тебя. Слышать твой голос. Прикасаюсь к тебе, — бард обрисовал высокую скулу великой сидхе движением скульптора, наклонился ближе, — вдыхать аромат твоей кожи... — вкрадчиво-нежный тембр голоса завораживал даже змей, но Мэб только насмешливо изогнула бровь.

— Люди верят, что у них есть бессмертные души. И что они рождаются вновь, а долгоживущие альвы просто перестают существовать. Думаешь, оно того стоит?

Ульв поцеловал её руку ещё раз и отстранился. Даже отступил на шаг. Произнёс совершенно другим, обыденным, тоном:

— Ничто не берётся из ниоткуда и не исчезает в никуда. Я хочу быть рядом с тобой. Даже если ради этого придётся умирать ежедневно — я хочу.

— Зачем ты убил того друида? Того, что тебя проклял? — без всякого перехода

осведомилась королева.

— Я его ненавижу, — не задумываясь, ответил цверг.

— И?

— Разве этого не достаточно?

Мэб обняла себя руками за плечи, задумчиво склонила голову набок и разглядывала барда из-под полуопущенных ресниц, поигрывала длинными ногтями, будто стимфалийская птица — перьями. Ульв залюбовался ею и вздрогнул от неожиданности, когда за спиной у повелительницы фей разверзся холм.

— Идём, — сказала она и прошествовала внутрь.

Бывать здесь Великому Барду приходилось. Это был сид Кенн Круаха, золотого бога. Один из самых обширных и богатых, застроенный беломраморными дворцами, щедро убраный золотом. Сейчас, после кончины хозяина, и холм казался мертвенно пустым. Молчали обезвоженные фонтаны, притихли птицы, рабы, жрецы и слуги покинули гулкие стены. С деревьев облетела листва, цветы опустили головки и закрыли чашечки. Лишь белый туман весело стелился за изящными ножками Мэб, путался в полах чёрного плаща Барда.

Королева неторопливо плыла по залам дворца мёртвого бога. Ульв следовал за ней, отставая на пару шагов. По тому, как уверенно Мэб выбирает дорогу в хитросплетениях коридоров, он заключил, что и повелительнице фей бывать тут не впервой.

Шествие закончилось у массивных дверей. Вернее, это теперь, когда великая сидхе возложила на резные ветви дуба узкие ладошки, он понял, что это двери. Прежде же Ульв считал это нагромождение вырезанных из дерева, высеченных из камня и льда фигур чем-то вроде алтаря или священного изображения. Тут были олень, волк и вепрь, ворон слетел на могучие ветви дуба, медведь выхватывал лосося из-под орехового куста, в пологий берег ткнулась носом лодка...

Стена дрогнула и отворилась. Ульв прикрыл веки ладонью, спрятал лицо — золотое сияние ударило по глазам. Мэб шагнула внутрь, туман ринулся за ней, облетел стены, приглушая краски.

В сокровищнице Кенн Круаха было много восхитительных вещей: легендарное оружие, волшебные кольца, делавшие владельца неотразимым или, напротив, невидимым, чудесная колесница, в которой когда-то каталось по небу солнце, жезл знания, древо разума и...

— Котёл Дагды, — сказала Мэб, небрежно уронив руку на невзрачную с виду посудину. — Им можно накормить любое количество голодных. И каждый найдёт внутри блюдо себе по вкусу.

Котёл действительно казался глубоким. Ульв заглянул внутрь и поморщился.

— Пахнет не очень аппетитно.

— Там сейчас яд, — невозмутимо заявила королева. — Пары, кстати, тоже ядовиты, так что отойди оттуда.

Ульв повинился и встал поодаль, ожидая объяснений.

— Догадываешься, что это? — спросила Мэб и взялась за деревянную рукоять, торчавшую из котла.

— Половник? — пожал плечами Бард. — Тоже какой-нибудь волшебный?

— Это копьё, — повелительница фей скользнула ладонью вдоль древка, но не только не вынула оружия, а наоборот, помешала им зеленоватую жидкость, будто пытаешься притопить поглубже. — Когда-то оно принадлежало царю Персии. Тогда его хранили на дне озера. Но потом Туата де Даннан выкрали его и отдали Лугу... Прекрасное копьё. Сослужило

неоценимую службу в битве при Маг Туиред. Им одним можно уничтожить целую армию.

— В яде его вымачивают ради большей смертоносности? — подошёл поближе заинтересованный цверг, но Мэб жестом остановила его.

— Нет. Как раз наоборот. Его хранят так, потому что у нас нет подходящего озера. Достаточно священного и глубокого. Видишь ли... это копьё не успокаивается никогда. Даже после того, как битва закончена, ему хочется убивать. Ему хочется убивать всегда. Бывало, что оно разрушало город, которое было призвано защищать.

— Я понял, моя королева, — Ульв склонил голову. — Я... — он запнулся, не решаясь продолжить. — Я не позволю себе стать чем-то вроде этого копья.

— Надеюсь, — холодно произнесла Мэб. — Где мне взять столько яда, чтобы держать тебя в узде?

— Пусть лучше котёл кормит голодных, — Бард протянул королеве руку. Его глаза зеленели нежностью весенней листвы. Она улыбнулась в ответ и обняла его за шею.

— Идём, голодный. Я тебя покормлю.

— Чем же? — хрипло спросил Ульв, смыкая руки на её талии. Взгляд его волчьих глаз и в самом деле сделался хищным и жадным. Но Мэб лишь усмехнулась, а в следующее мгновение уже стояла в другом конце зала, у самого выхода.

— Обещаниями.

— Ешь! — Сигрид сердито ткнула ложку с успевшим подостыть бульоном в упрямо сжатые губы.

— Я не голоден, — безучастно отозвался супруг. Пока он говорил, девушка ловко влила содержимое ложки в утративший неприступность рот. Ульв с равнодушным видом проглотил и отвернулся. По крайней мере, попытался это сделать.

— Если ты не будешь есть, — строго, как больному ребёнку, выговаривала Сигрид, — никогда не поправишься!

— Я умер, — буркнул Ульв, и, будто монетка на дне колодца, в его голосе блеснула искорка раздражения. Девушка обрадовалась даже этому: холодное равнодушие мужа пугало. — От этого я уже никогда не поправлюсь.

— Глупости, — сварливо надула губки Сигрид. — Ты, может, и окаменел немножко, но я молилась Фрейе, а Сату... Сату... Ульв, ты снова со мной, вот что! Не смей говорить, что она пожертвовала собой зря!

Девушка покосилась на сидящего поодаль Онни, словно просила поддержки. Но молодой нойд промолчал.

Ульв вяло пошевелился и встретился с саамом взглядом. Уголок тонких губ нервно дёрнулся.

— Мне жаль твою бабу, нойд. Но она действительно ушла зря.

Онни снова ничего не ответил. Он разглядывал лежащего на постели мужчину, будто тот был диковинным камнем или незнакомым растением: с интересом, но без участия. На безмятежном лице не отразилось ни гнева, ни жалости. Сигрид же вела себя прямо противоположно:

— Я тебя выкормлю! — зло выкрикнула она и даже встряхнула мужа за рубашку. Голова Ульва дёрнулась вперёд, но тут же снова безвольно откинулась назад. — Как телёнка молоком, слышишь?

— Не ори, — поморщился Ульв, за что немедленно получил ещё одну ложку бульона. Закашлялся, но всё же проглотил. Долго лежал с закрытыми глазами, будто собираясь с силами. Сигрид же сжимала в руках его ладони. Лихорадка закончилась, Ульв больше не потел и не метался. Его тело сделалось холодным, как лёд. — Сату отдала мне свою жизнь, это так. Ей оставалось ещё лет десять или около... но мне этого и на месяц не хватит.

— Мы... — голос Сигрид дрогнул. — Мы что-нибудь придумаем. Или... ещё кого-нибудь найдём. Отец захватит трэллов! Если... тебе нужно...

Ульв брезгливо скривился. А Онни, наконец, подал голос:

— Ему не нужно. У него своя жизнь есть. Новая. Длинная. Обширная, как океан — я и берегов не вижу. Только руку протяни.

Ульв скривился вторично.

— Для того, чтобы разгонять жизнь по телу, нужно сердце. Моё больше не бьётся. Подарок Сату вытекает из меня, как вода сквозь решето.

— Для этого ты просил отвезти тебя на Изумрудный остров? — спросил шаман, пристально глядя на лежащего. — Чтобы найти своё сердце? И снова заставить его биться?

— Нет, — голос Ульва звучал так безжизненно, что Сигрид решила снова его потрясти, растормошить... или хотя бы бульоном напоить до отвала. — Просто хочу увидеть её ещё раз. Прежде, чем опять начну каменеть. Теперь можно. Я мёртв. И безопасен.

— Ты... — бледность Сигрид наводила на мысли о белом мраморе, — снова... и ничего не будешь чувствовать? Не войдёшь в чертоги Вальхаллы, не будешь пировать с боевыми товарищами? Просто станешь камнем?

— Я никогда не сражался с оружием в руках, — с лёгкой тенью насмешки отозвался Бард. — В Валгалле меня никто не ждёт.

— Но за Морем ждут, — возразил шаман. — Или куда уходят такие, как ты?

— Моя смерть принадлежит моей королеве так же, как и моя жизнь, — глухо ответил Ульв, разглядывая бревенчатый потолок. — Она не пожелала позволить мне уйти. Поэтому, когда тело начнёт каменеть, сознание останется метаться между воспоминаниями и кошмарами.

— Как ты можешь так спокойно об этом говорить? — содрогнулась Сигрид. — Как ты можешь... любить ту, что обрекла тебя на страдание?

— Причинять боль это будет только первые несколько десятков лет. Потом я сойду с ума, и будет всё равно.

Сигрид страстно захотелось ударить мужа по лицу. Как знать, может, оплеуха выбьет из него подобные мысли?

Глава 6. Вера в Ирландии

Кошка устала висеть в одном положении и пошевелилась, вонзая когти в новое место. Тонкая ветка опасно покачнулась, кошка дёрнулась поближе к стволу, и в этот момент всё дерево сотряс мощный удар. Одноглазый волк, только что налетевший на тис всей своей тушей, задрал голову вверх и издевательски оскалился. Кошка вздыбила шерсть и зашипела. Преследователь довольно рыкнул, обошёл несколько раз вокруг ствола, поскрёб у корня, и улёгся, игриво обернув дерево хвостом.

— Оставь её, Одноглазый, — Мэб опустилась на широкий плоский камень с ленивой грацией, будто сама была кошкой. Непринуждённо разлеглась, согнула ногу в колене, отчего тускло мерцающая, будто сотканная из бликов на бегущей воде, ткань платья соскользнула, приоткрыв изящную голень. — Пусть говорит.

Волк, когда-то давно, в другой жизни звавшийся Болли, поднял голову. Медленно, напоказ, оскалил клыки. Но отошёл. Спускаться вниз кошка не торопилась. Говорить, впрочем, тоже.

— Ну что же ты? — повелительница фей с едва заметной насмешкой поглядывала на незваную гостью. — А, понимаю. Не ожидала встретить меня здесь? Странно видеть, что узница не торопится покинуть стены тюрьмы, когда двери открыты?

Кошка, четырьмя лапами впившаяся в ствол, насколько смогла, вывернула голову, заглядывая вниз. Королева небрежно покусывала побег омелы, а вдоль дерева неторопливо ползли гибкие стебли.

— Но это ведь не только моя тюрьма, но и крепость, — продолжала Мэб, наблюдая, как судорожно заметалась кошка, взлетев на самую макушку тиса. Тонкие ветви угрожающе сгибались под её тяжестью. — Изнанка Ирландии всегда будет принадлежать мне. А мои люди никогда не станут поживой для валькирий.

Упорный росток продолжал обвивать ветку, неумолимо приближаясь к кошке. Отчаянно мяукнув, та спрыгнула на землю. Одноглазый волк косился на Мэб, страхась пропустить дозволение прыгнуть и разорвать. Его вздыбленная шерсть искрилась голубоватыми молниями, из ноздрей валил пар, а из-под лап растекался туман.

Но вместо кошки перед королевой фей теперь стояла белокурая опоясанная мечом богиня. Богиня войны и любви, двух начал, которые не разделяют суровые викинги. Поднялась и Мэб. Медленно, всё с той же ленивой грацией кошки. Не кошки — рыси. Это была уже не та крошка, что уютно устраивалась у Барда на руках, но статная женщина с суровым лицом, сияющим, как день, ростом сравнявшаяся с тисом, что дал приют Фрейе, с волосами, подёрнутыми фиолетовой закатной дымкой, и с глазами, вобравшими в себя мрак беззвёздной ночи. Той ночи, что наступает за сумерками богов.

Золотоволосая богиня остро ощутила, что находится не в Асгарде, а в ирландском сиде, где великая сидхе властвует безраздельно, но лишь упрямо потрянула головой, как это частенько делала Сигрид.

— Я пришла не за этим.

— Зачем же ты пришла? — королева Мэб больше не довлела над поляной. Обычная женщина стояла напротив Фрейи и улыбалась. Довольно ядовито. — Говори.

— И не говорите, Ваше Преосвященство. — Рыжий коротышка короткими толстыми пальчиками проворно раскладывал монеты аккуратными столбиками. — Совсем распустился народ. Никакого уважения к церкви.

Рыцарь, сопровождавший священнослужителя, только насмешливо хмыкнул. Радужный толстячок, подобострастно приложившийся губами к перстню епископа, ссудить отцу церкви запрашиваемую сумму не отказал. Но и добровольным пожертвованием это было сложно назвать: взамен золота священник выдал заимодавцу расписку с личной печатью, подтверждающую, что предъявитель сего истинный христианин и подставил плечо матери-церкви, и долг клир обязуется возратить, так что ушлый коротышка в зелёной курточке получит назад не только своё золото, но и проценты, и кров в каждом монастыре... идеальная схема для пилигрима, опасющегося зашивать полновесные монеты в пояс или пихать в сапоги.

— Тёмный народ, — пренебрежительно продолжал ирландец, набивая трубочку. И Теодор, в отличие от епископа не обделённый наблюдательностью и здравым смыслом, усомнился, что перед ним действительно местный житель. — Боятся Добрых Соседей. Это они так маленький народец называют. Будто не знают, что бесовское отродье бежит от святого духа, сбивая копыта!

Вроде бы, всё верно говорил коротышка. Епископ таял от учтивого приёма и обильного ужина, коим их угостили. Но слишком уж хитро блестели маленькие глазки из-под рыжих бровей, и рыцарь жёстко произнёс:

— Не станем терять времени, Ваше Преосвященство. Чем быстрее я сопровожу вас в аббатство, тем скорее смогу заняться поисками отступника.

Иоанн не слышал приближающихся шагов. Ни одна ветка не хрустнула, не примолкали птицы, потревоженные человеком, вообще ничего не предвещало. Просто в один момент монах повернул голову и увидел стоящего у костра человека.

— Прощу, друг мой, — приветливо обратился христианин к юноше на самом распространённом из местных наречий, — присаживайся к огню и подели со мной трапезу. Хотя, боюсь, сегодня она у меня скудна.

Иоанн свято верил, что всё в руках божьих, а потому не испугался. И даже не особенно удивился появлению незнакомца в самой непроходимой чаще. Он сам же сюда забрёл. Почему бы не быть здесь и кому-то другому? Кому-то, кому, возможно, ещё больше требуется укрытие и помощь.

Юноша шагнул вперёд, так что оранжево-жёлтый свет костра осветил его совсем юное лицо и выразительные, как у оленя, ореховые глаза. Угловатые руки, острые коленки, треугольный подбородок — каждая чёрточка в парнишке казалась нарочно заострённой, а улыбка задорной, едва ли не насмешливой.

— Ты тот монах, за которым гонятся епископ и его ищейки? — Юноша уселся подле костра, широко раскинул ноги, опёрся на вытянутые и чуть отставленные назад руки. Он разглядывал Иоанна с почти детским любопытством, как какую-то диковину.

— Да, — просто сказал христианин и разломил кусок оставшегося у него хлеба, протянул половину собеседнику.

— И так просто об этом говоришь? — хмыкнул парень, взял угощение и тут же

откусил. — Вдруг я польщусь на обещанную награду и направлю рыцарей по твоим следам?

«На всё воля божья», — подумал Иоанн, но вслух сказал:

— Не думаю, что ты это сделаешь, друг мой. Ты ведь ирландец. Ирландец, который уже сел к моему огню и вкусил мой хлеб.

— Я не ирландец. — Юноша разворошил угли с краю костра и закопал в них несколько кусков мяса, которые достал из объёмистого мешка. Монаху подумалось, что никакого мешка поначалу у парнишки, вроде бы, не было... Впрочем, он так умаялся за день, что мог и не заметить ношу, оставленную за границей света, отбрасываемого огнём. Глаза уже не те, что прежде...

— Ты ирландец, — уверенно сообщил Иоанн, делая добрый глоток пива из бурдюка, появившегося из того же мешка. — Даже если и родился не здесь, ирландца нельзя не узнать. Вы самый приметный народ из всех, что я встречал.

— Ой ли? — недоверчиво усмехнулся юноша, вгрызаясь в позаимствованный у монаха козий сыр, и принял назад свой бурдюк.

— Конечно, — ответил христианин, лукаво улыбаясь. — Был я раз в Риме. Гляжу, а рядом с папой ирландец стоит. Стою я, рот разинув, а какой-то мавр меня в бок тычет и спрашивает, слышь, мол, что это за высокий старик рядом с ирландцем?

Юноша беззлобно расхохотался.

— Старая шутка, но хорошая. Хотя есть и ещё старше.

— Это какая же? — заинтересовался монах.

— Проходит ирландец мимо паба...

Тут уже лесную чащу огласил смех христианина.

— Проходит... мимо? — переспросил он, протягивая руку за бурдюком.

— Ага, — поддакнул парнишка, протягивая пиво. — Или вот ещё одна есть. Возвращается Пэдди Мерфи из военного похода и рассказывает сыну о перенесённых лишениях: днём жара палит, ночью холод до костей пробирает, а потом еда кончилась, и виски, и пиво, мы стали страдать от голода и ужасающей жажды. «А что, там по пути не было реки или озера, где можно было набрать воды?» — спрашивает сын.

— «Поверь, мальчик, нам было не до мытья», — с хохотом подхватил Иоанн. — И после этого, друг, ты говоришь, что не ирландец?

Парнишка неопределённо дёрнул плечом.

— А что ты с епископом не поделил? Вы ж оба, вроде, христиане?

— Оно-то да... — погрустнел монах. — Но у нас разные... смотрим мы на это по-разному.

— На что — на это?

— А на всё, — Иоанн отхлебнул ещё пива. Сотрапезник выкатил из углей кусок мяса и потыкал ореховым прутиком, проверяя, готово ли.

— Он тебе пел? — вопрос вывел уставившегося в огонь христианина из задумчивости.

— Кто?

— Папа в Риме, — фыркнул парень. — Великий Бард, конечно.

Иоанн медленно покачал головой.

— Нет, — тяжело вздохнул он. — Только... рыбой угостил. — Криво усмехнувшись, уточнил: — Лососем мудрости.

— О, — весело протянул юноша. — Вот Змей-искуситель!

— Пожалуй, — легко согласился Иоанн. — А только христиане в Ирландии

раскололись на тех, кто считает местные традиции варварством, а волшебный народец — бесовским отродьем, и тех, кто восхищается мудростью друидов и хочет её сохранить.

— Друидов больше нет, старик, — неожиданно жёстко отрезал юноша, вставая. — И сохранять больше нечего. Возвращайся к своим, будь, как все. Даже королям этих земель давно наплевать, поклоняются их подданные дубам или крестам — лишь бы не выделяться, не привлечь на свои земли конников в белых плащах и с просветительской миссией.

Христианин только упрямо мотнул седой головой.

— Пусть мне не досталось тайных знаний, но я сохраню память о том, что они были. Запишу древние предания о чуме, павшей на род Партолона, о воинах Фир Болг с Туата да Даннан, о фоморах и Ночных Всадниках, о золотом боге Кенн Круахе и о Великом Барде. Те оком помнят, продолжают жить в сердцах потомков. Я запишу всё, что сумею собрать, и дети, которых я обучал грамоте, и дети их детей будут помнить. Это всё, чем я могу отплатить великому искусителю, впустившему меня в свой дом. И если будет на то воля Господа, случится по сему.

Паренёк закусил губу и смотрел на монаха исподлобья, будто молодой оленёнок, раздумывающий, боднуть ему пенёк, или всё-таки не стоит.

— Не отходи далеко от холмов, старик, — сказал он, наконец. — А если услышишь крики — тебе в другую сторону. Знаешь, какова милость небес в Ирландии? Возможно, твой стакан будет полон. Может быть, найдёшь крышу над головой. Или сегодня Господь забудет забрать тебя в ад.

Взволнованный и ошеломлённый Иоанн спешно поднялся, всего на миг выпустив из поля зрения собеседника, но на поляне уже никого не было. Потрескивал, догорая, костёр, а вдалеке, за кустом орешника, мелькнули ветвистые рога молодого оленя, легко перемахнувшего ручей. Монах звучно хлопнул себя по лбу: до него только сейчас дошло, кто его угощал пивом.

— Пак... ну конечно, «не ирландец»... — немного подумав, Иоанн фыркнул: — Хорошо ещё, я ему историю про еврея, англичанина и свиней не рассказал.

Усталые кони с трудом пробирались по тому, что грешно было бы обозвать дорогой. От прочего леса она отличалась разве тем, что деревья тут были пониже и помоложе. Подлесок густо застелил землю, торопливо пытаясь отвоевать себе место под солнцем, а епископ подозревал, что рыцарь, возглавлявший его охранный отряд, уже не раз и не два мысленно проклял упрямого святошу, пожелавшего преследовать отступника веры.

Рене и сам был готов проклинать... только не себя, а парнишку, беззаботно наигрывавшего на тростниковой дудочке. Проклятый безбожник даже не удосужился встать при виде служителя церкви, пока кто-то из охранения не пнул его в бок. Мальчишка отпрыгнул в сторону, потёр ушиб... и раззявил рот в приветливой улыбке. Нужно было ещё тогда догадаться, что это какой-то деревенский идиот, а не спрашивать у него об Иоанне. Как только в такую глухомань забрался? Это потом уже, на первом привале, когда они окончательно поняли, что заплутали, рыцарь, с остервенением рубивший молодые деревца для ограждения лагеря, сквозь зубы поведал Его Преосвященству, что никаких деревень, откуда мог быть родом дурачок, поблизости нет. Их и было-то всего штуки три, да и те вырезали, уж больно упрямые попались поселяне, всё твердили о связи с предками и маленьком народец, ни в какую не желая принимать истинного бога.

Епископ, насупившись, молчал. Солдафон мог бы и пораньше предупредить, что уже несколько лет по старой дороге, на которую указал придурковатый парнишка, никто не ездил — незачем. Что удивляться хмызняку? Но отступать было поздно. Уж очень пламенную речь произнёс он перед своим маленьким воинством.

А Теодор на все лады честил про себя придурковатого епископа, соблазнившегося званием истребителя еретиков и с ослиным упрямством настаивавшего на участии в погоне. Сторицей воздал великий магистр за «поведение, недостойное рыцаря храма». Раскаяние растратчика было глубоко и искренно. Никто и никогда теперь не заставит его пуститься в рискованную авантюру с деньгами братства без ведома казначея, какие бы неслыханные прибыли это не сулило. Не благословил, видно, Господь, бедную голову Теодора на это тонкое занятие, и многожды прав был магистр, громовым голосом клеймящий провинившегося, ибо позволив обдурить себя жиду, Теодор попрал главную святыню храмовника — гордость ордена.

Пока предводитель охранения предавался мрачным мыслям, его люди обустроивали лагерь. Без особого, впрочем, рвения. Франка тут не любили. Высокомерный до заносчивости рыцарь в белом плаще сильно выделялся на фоне гарнизонных командиров. Он привык командовать такими же как он, пусть и не столь родовитыми, рыцарями-храмовниками, дисциплинированными, натасканными, как псы... и привыкшими драться на мечах чуть не с рождения, потому что богатейший орден воинов господина пополнялся в основном за счёт младших сыновей баронов и графов, тех, кому не достанется отцовский замок и земли, зато с избытком перепало воинственности и гордости предков.

А здесь были простые крепкие ребята, сыновья и братья крестьян и фермеров, оружие большинство из них держали, как вилы, а вилы считали оружием. Стоит ли удивляться, что отношения с начальством не задались? И пасть бы храмовнику жертвой какой-нибудь нелепой случайности, например, неловко напороться на те же вилы. Спиной. Пару раз. Но уж больно хорошо пёс дрался! Меч извивался в его руках так, что казался живым, и жалил! Жалил как враг всего человеческого, как змея, милостью святого Патрика полностью изничтоженная на Зелёном острове.

Однако полновесные монеты, полученные у рыжего коротышки, не только позволили маленькому отряду сменить лошадей, но и застись провиантом. Как по волшебству у скорбных крестьян, ещё вчера причитавших о своей бедности и доле, нашлись и куры, и свиньи, и овцы. Теодор при виде этого преобразования натурально зверел, сожалея, что это недоразумение, именуемое себя королевством, приняло христианство и признало Папу духовным пастырем. О, если бы они и дальше назывались язычниками, каковыми по сути и являлись!

Теодор раздал несколько подзатыльников и пинков подчинённым, недостаточно убедительно изображавшим служебное рвение, осмотрел окружающий стоянку ров, раздражённо сплюнул и отправился точить и чистить свой меч. Над лагерем же властвовали сытые домашние запахи, а костры разгоняли спускающиеся сумерки уютным живым светом, так не похожим на мертвенное сияние болотных огней.

— ...самой не нужен, так дай другим поиграть, — капризно топая ножкой, говорила Фрейя. — Это нечестно, в конце концов! Убить убила, мы по ту сторону собрались, ждём, а он всё не идёт и не идёт!

Королева фей молчала. Только тонкая бровь насмешливо надломилась. Болли фыркнул и улёгся у её ног. Поднял лобастую голову, и Мэб рассеянно потрепала его за ушами. Волк блаженно прищурил единственный глаз.

— Он Вар клятву давал! — напористо выпалила богиня любви. — И на моей земле умер! Отпусти! Отдай! Он альв, пусть и тёмный, и посмертие его принадлежит потомкам Имира!

Бездна по ту сторону чёрных глаз застыла землистой коркой.

— Это мой цверг, — произнесла королева Мэб, и вечно юную, прекраснейшую богиню сковало таким ходом, будто она стояла не на усыпанной цветами траве Изумрудного острова, а оказалась в продуваемых всеми ветрами владениях Инеистых великанов. — И не тебе, дочери вана, говорить мне о происхождении.

— Я... — стуча зубами процедила Фрейя, — я сделаю его женой валькирией. И наделю такой красотой, что тебе, чернавка, и не снилось!

— Ожерелье не забудь подарить, — сладким голосом посоветовала Мэб. — Оно ведь тебе почти даром досталось, а смотрится симпатично. Цверг оценит.

Фрейя* не удержалась, схватилась за Брисингамен, висевшее на её груди. Королева фей мелодично рассмеялась.

— Убирайся, девчонка, — сказала она и беспечно повернулась спиной. — Ты давно облизывалась на моих малюток, но ни феи, ни цверги... ничего, из принадлежащего мне, никогда не станет твоим. Надеть ленточку на своего волка** я не позволю. Но отпущу порезвиться к вам, когда придёт время.

Воздух наполнился свежим ветром, теплом и птичьими трелями. Стрекозы блестели крыльями, рваными кругами носились бабочки. Платье удаляющейся королевы Мэб окрасилось нежной зеленью.

— Ты презираешь асов, Мэб? — щёки дочери Ньёрда горели не хуже кузнечного горна. — Ты об этом ещё пожалеешь! Ты сама у себя украли, королева тумана! Никто из нас не придёт разделить с тобой радость или утешить твоё горе! Останешься одна, великая сидхе! Слишком гордая, чтобы снизойти до тех, кого считаешь себе не ровней!

— Она не больно много потеряет.

Разъярённая богиня обернулась на голос и встретилась взглядом с рогатой альвой, стоявшей, прислонившись к тису, в такой расслабленной позе, будто устроилась тут уже давно, с интересом наблюдая представление. Впрочем, возможно, так оно и было.

* **Брисингамен** — в переводе означает «сверкающее», «искра». Это золотое ожерелье, сделанное четырьмя братьями-гномами Брисингами, которых звали Альфригг, Берлинг, Двалин (да, тот самый) и Грер. Это ожерелье не обладает никакими магическими свойствами, просто очень красиво. Было куплено Фрейей за ночь любви с каждым из сделавших его гномов.

** **Фенрира**, сына Локи, исполинского волка, асы сковали волшебной цепью Глейпнир, которую цверги сделали из шума кошачьих шагов, женской бороды, корней гор, медвежьих жил, рыбьего дыхания и птичьей слюны. Глейпнир была тонка и мягка, как шёлк. Но, чтобы волк позволил надеть на себя эту цепь, Тюру пришлось вложить руку ему в пасть в знак отсутствия злых намерений. Когда Фенрир не смог освободиться, он откусил руку Тюра. Асы приковали Фенрира к скале глубоко под землёй и воткнули меч между его челюстями.

В день Рагнарёка, согласно прорицанию Вёльвы, Фенрир разорвёт свои оковы (согласно «Речам Вафтруднира» («Старшая Эдда»)). В финале же битвы Фенрир убьёт Одина, завладеет всем и начнёт своё правление.

Епископу храмовник тоже не нравился. Уж слишком высокомерно держался. Разговаривая, смотрел куда-то поверх Рене, чуть-чуть, но оттого ещё более обидно, кривил губы. Конечно, с таким-то ростом удобно смотреть свысока!

С собой брать не хотел. Упёрся, как баран. Припугнуть даже пришлось, что жалобу великому магистру напишет. В конце концов, храмовника сюда не развлекаться послали, а служить матери-церкви. А Рене тут пока её главный представитель.

Проходя мимо рыцаря, погрузившегося в общение со своим оружием, священник с трудом удержался от того, чтобы плюнуть на покрытую белым плащом спину. Только священное изображение креста удержало.

После еды настроение поднялось, и Рене стал обдумывать грядущие перспективы. Выглядели они радужно. Конечно, король Лейнстера, приступом взявший аббатство и изнасиловавший аббатису прямо на солдатской кровати, тем самым лишив её не только девства, но и права на высокий сан, был далёк от идеала христианского монарха, но в конечном итоге церкви это на руку. Веками на престоле ард ри, верховного короля Ирландии, поочерёдно сменялись две династии, и та, чья очередь пока не наступила, была очень не против упрочить позиции за счёт христианских монастырей. Несчастливая аббатиса приходилась сестрой вероятному преемнику ард ри. А союз духовной и светской власти — большая сила. И небезопасная. Теперь же Рене прибудет в аббатство, назначит новую главу, покорную козочку, которая не вздумает вмешиваться в политику, а будет смиренно выполнять рекомендации Рима, а точнее, его, Рене, рекомендации...

Женский плач настолько хорошо наложил на размышления об аббатисе (а говорят, несчастная аристократка была очень красива), что епископ даже не сразу его осознал. Но женщина действительно плакала. Совсем неподалёку. Рене заколебался. Неужели, никто больше не слышит? Конечно, он стоял поодаль, у границы лагеря. Позвать кого-нибудь? Рыцаря? Епископ поморщился. А в следующий миг забыл и о нём, и о плачущей женщине. В нескольких шагах от епископа зажглись зеленоватые болотные огни.

Рене сам не заметил, как уже пробирался по лесу. Свежевырытый ров он преодолел, будто по каменному мосту, даже не задумавшись. Рука то и дело сжимала тяжёлый мешочек, полученный от разговорчивого коротышки в зелёной курточке. Священник как сейчас видел его кустистые брови, особый прищур, кольца ароматного дыма из резной трубки.

— Боятся, боятся неучи леса и его тайн. Под каждым кустом чудится им маленький народец. А того не знают, что лес сметливому глазу сам богатства выдаёт. Увидишь светящиеся шарики над болотом — смело за ними иди. Это из-под земли клад просвечивает, в руки просится. Имей только смелость за огоньками следить, да не моргать, да не оглядываться. Железо тоже брать нельзя. Всё, что ни есть железного, брось, а то клад спугнёшь, глубже в землю уйдёт. А вот золото — наоборот. Золото золото чует, к своему тянется. Путь точнее укажет.

Прав был, ой как прав оказался щедрый коротышка! Мешочек в руке всё теплеет, и,

будто живой, тянется вперёд.

Теодор, наконец, вложил меч в ножны. Встал, расправил плечи и подумал, что теперь и ему неплохо бы поесть. Но почти тотчас же рыцарь выбросил праздные мысли из головы и тревожно огляделся. В лагере было тихо. Чересчур тихо, не так, как должно быть на стоянке. Не слышно ни разговоров, ни стука ложек, ни, что особенно странно, треска костров... Храмовник снова обнажил оружие и призрачной тенью скользнул к ближайшему огню.

Ничего особенного он там не обнаружил. Монахи спали. Их позы на взгляд рыцаря были слишком небрежны, случайны, но всё же это был сон, сморивший измотанных тяжёлым переходом людей, а треск веточек в костре, как оказалось, скрадывал туман, густо стелившийся по земле.

Этот туман Теодору не понравился особенно сильно. Он и сам не смог бы объяснить, почему: выглядело марево естественно, органично. Туман был здесь своим. А вот он, христианский рыцарь, нет. Храмовник зябко поёжился, кутаясь в плащ, и тут же сам себя за это выругал. Пошёл проверять караулы. Как он и ожидал, и тут все преспокойно дрыхли. Рыцарь не церемонился, грязно ругался по-сарацински, тяжёлой рукой раздавая удары нерадивым часовым, пытаясь подавить нарастающую в груди тяжесть, обуздать беспокойство. Те просыпались тяжело, лыпали глазами, как совы, и Теодор стал уже думать, а не было ли в пиве, которое Рене оплатил звонкой монетой, сонного зелья. Но если так, почему не отравы?

— Где епископ? — озираясь, выкрикнул храмовник. — Кто-нибудь видел епископа?

Глава 7. Жизнь и смерть

Ночь была безлунной, тихой. Но Сигрид будто в бок кто-то толкнул: проснулась рывком, пошарила рядом с собой. Так и есть! Место, где лежал Ульв, успело остыть. Впрочем, в последнее время его тело такое холодное, что едва ли нагревает подстеленную шкуру.

Далеко уйти он не сумел. По стене, сжав зубы, ещё пробирався, целую вечность потратил, чтобы отодвинуть щеколду и, вымотанный этим подвигом, выпал за порог лицом вперёд.

Так и лежал, не в силах приподняться, когда из пасти дверного проёма выпорхнула Сигрид. С трудом перевернула неподатливое тело, устроила голову у себя на коленях, ласково отирала разбитые губы, ссадину на скуле. И не могла подобрать слов. А также объяснения, почему нежно любимый супруг, ради которого дочь ярла изображала из себя образцовую хозяйку, сбежал в ночь. Ульв ответил на её незаданный вопрос:

— Душно. Давит. Дом. И ты.

Глаза сделались тусклыми, будто угли залили водой. Супруг смотрел сквозь Сигрид, не замечая, что Фрейя исполнила свою угрозу: его жена сияла красотой, как никогда. Сосредоточить внимание на окружающих предметах и людях с каждым днём цвергу становилось всё сложнее. Серый туман затягивал мир, и лишь редкие искры пробивали его толщу. Ульв ещё видел Онни, когда тот приходил, но не узнавал: нойд представлялся высокой сальной свечой, немного разгонявшей муть вокруг. Тогда Бард думал о Сату.

Сату...

Маленькая радость.

Сату не была солнцем. Она тоже пылала свечой, горевшей ровно и ярко, не обжигая чувствительную кожу цверга. Можно ли было жить в этом уютном свете, не вспоминая о ночи или тумане?

Можно было. Но Брокк из-под Чёрной Горы не смог жить в пещере, однажды увидев солнце. Его сын зажёл свечу и оставил гореть для тех, кто в этом нуждался, а сам шагнул в свою личную безлунную ночь, не задерживаясь, не давая себе передышки в уютном чуме. Потому что сам он был кузнечным горном, в одночасье расплавил хрупкий источник света, от которого, правда, оставался уже скромный огарок. Бедная добрая Сату... не стоило тебе искать встречи с проклятым. Но она его пожалела. В Суоми знают, что такое по-настоящему долгая ночь. Однако там за ней приходит длинный день, когда солнце забывает прятаться за горизонт.

Год Ульва состоял из двух ночей, и длились обе по полгода: от Бельтайна до Самайна и обратно. Два дня, разделявшие их, могли быть длиннее или короче, в зависимости от настроения Мэб. Она не пропустила ни одной брешки. Каждый раз, когда изнанка мира соприкасалась с его лицом, повелительница фей оказывалась поблизости. Ульв ни разу не позволил разрыву разойтись. Конечно, он мог бы изначально упрочить границу миров. Огня сердца цверга хватило бы на то, чтобы брешки не образовывались вовсе. Наверное, мог бы.

Но тогда она перестала бы приходиться. А жизнь, больше напоминавшая тягостный сон, прекратила бы прерываться краткими пробуждениями встреч.

В первый раз Мэб пообещала его убить. Не в порыве гнева — времени с бегства Барде

до Самайна прошло достаточно, чтобы она успела взять себя в руки и произнести это просто и буднично.

— Обрежь струны арфы, — ответил Бард, прижимаясь лбом к прозрачной стене. — Граница падёт, когда моё сердце остановится.

— Зачем ты оставил на моём острове эту дрянь? — Черты прекрасного лица исказило брезгливое выражение, но Ульв находил, что даже теперь его Мэб неотразима.

— Я... не хотел, — он виновато опустил голову, но всё же украдкой продолжал рассматривать складки ультрамариновой ночи, окутавшие бёдра королевы туманов, намертво запечатлевал в памяти расположение звёзд на её шлейфе. — Я должен был уйти. А оно не пожелало следовать за мной, потому что принадлежит уже не мне, а тебе.

— И ты не придумал ничего лучше, — её слова принесло холодным порывом ветра, — чем выдрать его из груди и запихнуть в арфу?

Бард кивнул и, наконец, набрался смелости взглянуть в лицо королевы фей. У великой сидхе не было постоянного тела. Она могла предстать гигантом, возвышающимся выше вековых елей, или крохотной букашкой с прозрачными крылышками. Прогуливаясь по дорожкам сида с предводителем Ночных Всадников, Мэб становилась статной дамой, которой цверг едва доставал до груди. И это приводило его в ярость. Когда-то.

Но к Ульву она всегда приходила маленькой женщиной с грозowymi глазами. Той, кого Бард увидел, разбив свою арфу. Той, что держал на руках, прижимая к груди, как величайшее сокровище. Той, которую...

— Я просил своё сердце позаботиться о тебе. Защитить от любого, кто может причинить тебе вред. В первую очередь, от меня.

— Дурак, — ответила Мэб и ушла. Но Ульв знал, что в Бельтайн его солнце, пусть ненадолго, но снова взойдёт.

Цверг лежал на спине и разглядывал звёзды, вспоминая, как королева украшала ими платье. Это требовало терпения и ловкости. И как бы ни был холоден тон повелительницы фей, какими бы насмешками не осыпала она беглого Барда, он видел, что Мэб старалась ради него. И был за это благодарен. Он тратил месяцы, а то и все полгода, чтобы разгадать тайное послание, заключённое в сочетании созвездий или прочесть руны, в которые складывались ягодки омелы, рассыпанные небрежной рукой. Как правило, это была ещё одна насмешка. И снова он был этому рад. Потому что это предвещало ещё один рассвет.

Не будет больше восходов. Сожги Ульв хоть тысячу свечей, это не разгонит ночь. «Мне незачем больше приходить к тебе», сказала она так, что Бард понял — это конец. Конец затянувшейся игре косых взглядов и двусмысленных слов, конец предвкушениям, надеждам на очередную встречу. Грань между мирами пала. И значило это, что воля королевы фей оказалась сильнее сердца цверга. Или что сам несчастный бард стал ей безразличен, а потому и не опасен. В любом случае, Мэб действительно больше нет надобности приходить. Как же повезло Альвису! Отобрав у него Труд, ему, по крайней мере, позволили окаменеть!

Из этих размышлений Ульва вывел удар ногой в рёбра. Альвгейр сдавленно прошипел ругательство: палец зашиб.

— Погоди каменеть, урод, — сказал он, будто прочитал мысли цверга, — я тебе сначала все кости переломаю!

Ульв не ответил, хотя и перевёл на ши безразличный взгляд.

— Зачем? — бесновался Альвгейр, в кровь сбивая костяшки пальцев об острые скулы

цверга. — Зачем ты заколдовад мою дочь? Ладно, меня ненавидишь, так мстил бы мне, ребёнок-то тут причём? Гад ползучий, ты ей жизнь поломал! Вот так, ради забавы!

— Я? — удивление цверга оказалось таким искренним, что остановило заново занесённую ногу ярла.

— Я ведь в самом деле их с Эриком поженить думал, — Альвгейр тяжело опустился на землю. Поёжился от сырости и мимолётно позавидовал неприхотливому Брокксону, с одинаковым удобством устраивавшемуся и на пуховой перине, и на голом камне. — Они друг друга любят... любили. Пока ты не вмешался. Походя, не задумываясь. Что тебе, альву, чувства какой-то девчонки? Сказал слово — вот она по тебе сохнет. Так хоть бы отпустил теперь, когда нет нужды при себе держать дольше. Сердца у тебя нет!

— Сердца нет, — глухо согласился Ульв. — Сам бы рад от Сигрид избавиться. Душно с ней. Не могу.

— Да уж вижу, — зло выплюнул ши-полукровка. — Ты и встать-то не в состоянии, куда уж тут петь! И, знаешь, поделом!..

— Нет, — цверг продолжал безучастно глядеть на звёзды.

— Нет?

— Никогда не умел вызывать или гасить чувства. Ты меня с богиней любви спутал.

— А Хельга? — Альвгейр вцепился в рубаху зятя и приподнял его над землёй. Швы жалобно затрещали. — А... я?

— Ты ей и так нравился, — Ульв поморщился. — Этого слепой только не заметил бы. Ну или ослеплённый страстью.

— Тогда почему замуж отказалась идти? Я же... три раза.

— Да дурак ты потому что. Свататься не умеешь. Надо было к родителям с подарками идти. И хирд чтоб за спиной стоял. И земля своя... любовь любовью, а Хельга была девушка практичная.

— Да она мне чуть глаза не выцарапала, когда...

— Ты её отца убил.

Альвгейр разжал пальцы. Ульв брякнулся головой оземь.

— Так Сигрид... сама, что ли?

— Я пел, ей, но... для неё и Эрика. Работало. Ты прав: они друг друга любили. Тогда.

— А сейчас?

Бард вдруг хрипло рассмеялся. Зло и страшно, так, что Альвгейр даже отодвинулся.

— Думаю, нет. Любовь на расстоянии долго не живёт. Особенно женская. Кто под руку подвернулся, того и осчастливила. Не викинг, так цверг, не цверг так... найдёт себе кого-нибудь ещё. — Он даже попытался приподняться, чтобы взглянуть на ярла. — Друида какого-нибудь королевской крови, — Ульв снова зашёлся смехом, — Рыжего! — упал на камни, скорчился, будто хотел свернуться кольцом, как змея. Альвгейр попытался его развернуть, но встретил неожиданное сопротивление. И понял, что враг детства попросту прячет лицо, а точнее, стекающие по щекам слёзы. — Рыжего...

По щекам девицы текли слёзы, но, странное дело, это её не портило, даже напротив.

— Отчего ты плачешь, красавица? — заботливо спросил Рене, не покрывив душой — такой дивной фигурки ему не приходилось видеть ни разу в жизни. Оценить её он мог в полной мере, потому что незнакомка была облачена в одну сорочку, к тому же

развязавшуюся на груди. И хоть лето ещё не пошло на убыль, а всё-таки ночь! Рене самого бросило в дрожь. Хотя, возможно, дело и не в холоде.

— Расчёску! Я потеряла свою расчёску! — всхлипнула девица, напоказ просеивая пальцами длинные, до пят, тёмные пряди — в свете луны не разглядеть, какого они цвета. Что-то такое про расчёску рыжий коротышка говорил... отдать ей надо было? Или самому расчесать? Расчёски при себе у епископа, разумеется, не оказалось — не будет же церковник, образованный человек, всерьёз принимать болтовню какого-то ирландца! Но и не до кладов теперь. Да что там, такая девица — сама клад! И нет, Рене даже в мыслях не имел продавать красотку этим варварам-викингам! Разве что заупрямится... насилия епископ не любил. И, будучи мужчиной довольно привлекательным, в отношении женщин себе не позволял.

— Идём, дитя моё, — глубоким, хорошо поставленным на проповедях голосом произнёс Рене, — я провожу тебя в наш лагерь. Тебя нужно согреть...

— Согреть? — просияла незнакомка, быстрым движением отирая слёзы. — Зачем же далеко ходить?

Сначала Теодор вполголоса костерил дезертиров. Но теперь, когда маленький отряд сбился вокруг него, а вместо блаженной сонливости на лицах оставшихся солдат читался неприкрытый ужас, поменял мнение о пропавших подчинённых. Кольчуги, которые натягивали на себя христиане, и мечи, опоясывавшие их, словно прочищали мозги, отгоняя туман спокойствия. И теперь поредевшее воинство сплотилось вокруг храмовника в белом плаще, как будто именно он, а не Папа Римский был воплощением святого Петра на грешной земле. «Папа — в Риме» — эта мысль отчётливо выгравировалась на радужках глаз, в отражениях на лезвиях мечей.

— Этот туман, мес-сир... — икая от волнения, монах сам не заметил, как повысил Теодора до магистра тамплиеров, — туман...

— Что с ним не так? — рывкнул рыцарь, которого странное поведение подчинённых тревожило едва ли не сильнее пропажи епископа.

— Мы слишком близко к Холмам, мессир, — срывающимся шёпотом сообщил местный уроженец. — Не следовало нам идти через лес...

— Не следовало, — угрюмо подтвердил храмовник, мрачно оглядывая построение. Чтоб ты пропал, упрямый осёл епископ! Впрочем, чего это он? Упрямый осёл действительно пропал. А отвечать за это придётся Теодору. «Если Теодор отсюда выберется», — мелькнула малодушная мысль, но рыцарь усилием воли отогнал её от себя. Чего-чего, а воли и гордости храмовнику не занимать. — Прорвёмся, — процедил он, едва разжимая зубы. — И не в такие передряги попадал.

И уже в голос добавил:

— Сомкнуть строй! Полукругом, плечо в плечо. На полшага друг от друга не отходить! Смотреть в оба! Через одного нести горящие ветки. Остальным держать оружие наготове. По моей команде сомкнуть кольцо вокруг лучников. Лучникам стрелять подожжёнными стрелами. Ясно?

— Ясно!!! — радостно гаркнул отряд. Сейчас они готовы были расцеловать самоуверенного франка. И именно за эту уверенность, которой теперь отчаянно не хватало. Лишь один лучник, уже пожилой, но до сих пор сохранивший зоркость глаз и силу рук,

сказал тихо: «Что им огонь? Тут железо нужно». И Теодор его услышал.

— Железо?

— Волшебный народец не любит железа, — глядя в землю, пробубнил лучник. — Ваша милость, вон, облачился в него с ног до головы, дык к вам и туман близко нейдёт.

Рыцарь, действительно успевший надеть и шлем, и кольчужные шоссы, оглядел своих более скромно экипированных соратников. Впрочем, хоть что-нибудь железное теперь на каждом было. Маленький народец, волшебная страна... сказки? Может, и сказки. Но Теодор по опыту знал: местные легенды возникают не на пустом месте. В подвале Тампля скрывалось много такого, что иначе как колдовством не объяснить. Недаром некоторые из братьев носили только почётное звание рыцаря, а кольчуги в жизни не надевали. Кстати, сейчас Теодор вспомнил, как брат Руфус строго отчитал его, молодого тогда ещё тамплиера, за то, что вошёл в коридоры алхимиков с оружием. Теодор действительно забыл сдать небольшой нож, заложенный за голенище сапога, и очень удивился, что алхимик об этом догадался. Пронёс-то без злого умысла, просто не думал о нём, как об оружии, поскольку использовал этот нож для хозяйственных нужд: отрезать верёвку, срубить ветку — мало ли, что нужно в дороге? Руфус хмуро выслушал объяснения и проворчал, что запрет относится к любому железу, оно, де, вносит искажения. Теодор поинтересовался тогда, куда именно железо вносит искажения, но старик окинул юношу скептическим взглядом и сказал:

— Зайдите лучше к брату Жофруа. Он прочитает вам краткий курс практической медицины. Наши друзья сарацины неплохо продвинулись в борьбе с лихорадкой и заражением крови, которое может вызвать маленькое пятнышко ржавчины на клинке, которым вам нанесут рану. Яды, опять же...

— Наши враги сарацины, — робко поправил собеседника юный рыцарь. Тот улыбнулся тонкими сухими губами, отчего сделался похожим на живые мощи, и сказал:

— Когда дело касается передовых достижений, это одно и то же.

Теодор понял, что старик имел в виду, только в Палестине.

Ярл Альвгейр на руках внёс закутанного в меха зятя на драккар. Задумчивая Сигрид поднялась по сходням вслед за ним. Не менее задумчивый шаман тоже взошёл на корабль и молча сел у руля. Саама и без того сторонились, а теперь ещё и Альвгейр махнул рукой, приказывая оставить нойда в покое и позволить ему править, куда заблагорассудится.

— Зачем? — тихо спросил зеленоглазый, когда ярл заботливо пристраивал его голову к изящно изогнутому носовому борту длинного корабля.

— На всякий случай, — нарочито сухо ответил Альвгейр. — Может, конечно, Сигрид к рыжему при встрече и снова воспыхает, но для надёжности ещё раз споёшь. В твоих же интересах, кстати. Сам на Изумрудный остров просился.

— Долго собирался, — Ульв устало прикрыл глаза: дневной свет раздражал его. — Не довезёшь. Мне уже недолго осталось.

— Ничего, тогда в море сброшу, в жертву морским богам, — Альвгейр ободряюще похлопал зятя по плечу. — Не каждый день им достаётся высокородный альв. Пусть и тёмный.

Цверг слабо усмехнулся:

— А с чего ты решил, что Эрик всё ещё в Ирландии? Если и остался чудом в живых, улепётывает оттуда со всех вёсел.

— Нойд зуб даёт, — сообщил ярл, хотя о зубах Онни ни слова не говорил.

— О, ну раз нойд...

Ульв завозился, устраиваясь поудобнее, и, к удивлению Альвгейра, довольно быстро уснул.

Сигрид наблюдала, как ровно вздымается грудь спящего, и тихонько вздохнула. Отец был откровенен с ней, в кои то веки, и не скрывал, с какой целью берёт с собой дочь. А она... предстоящая встреча с Эриком пугала и тревожила. «Проклятый колдун! — раздражённо подумала Сигрид, с невольной нежностью разглядывая тонкие черты зеленоватого лица. Всё было так просто, пока ты не вошёл в мою жизнь. Эрик — самый сильный, смелый и удачливый из хирдманов отца. Он стал бы хорошим вождём и хорошим мужем. Я гордилась бы им перед другими женщинами, хвасталась бы нарядами и украшениями, помыкала бы трэлами, которых он привозил бы из набегов... и, наверное, — откровенно добавила дочь ярла, не привыкшая лукавить наедине с собственными мыслями, — в кровь искусала бы губы и украдкой рыдала ночами, когда муж уходил бы к очередной наложнице, ненавидела бы их детей, даже если нарожала бы синеглазому законных наследников. И презирала бы его. За грубость, за жестокость, за то, что насиловал женщин, оправдываясь правом победителя, за равнодушие... но разве ты лучше? — убеждала себя юная валькирия, подставляя лицо морскому ветру, и без того солёному, охотно вбиравшему в себя бессильные слёзы. — Разве ты не был груб, жесток и равнодушен ко мне? Разве не взял в жёны силой?»

Сигрид смотрела на спокойное лицо уснувшего мужчины и вспоминала медовый запах его губ. Золотистые искры в малахитовых глазах. Руки — твёрдые, горячие и надёжные. Когда он брал её ладонь, Сигрид чувствовала себя окружённой непробиваемой стеной, крепкой, неприступной. Разве сможет она забыть его голос, сладким ядом струившийся по телу? Ульв просил поставить поближе жаркое, а у неё мурашки пробежали по коже просто от удовольствия слушать его. Он видел это. Конечно, видел, малахит его глаз обнажал душу Сигрид, как другие мужья обнажают тела своих жён: привычно и без особого интереса. Хотя Ульва в ней что-то забавляло, потому что, бывало, он сажал Сигрид к себе на колени, аккуратно отрезал небольшие куски и кормил, будто она была несмышлёным ребёнком, не способным самостоятельно есть. Или гладил шею... бездумно, даже рассеянно, как человек ласкает кошку: без какой-либо цели, без страсти. Просто потому, что у кошки мягкая шкурка, и она приятно мурлычет под хозяйской рукой. Наверное, если бы кто-нибудь это видел, Сигрид было бы стыдно. Но в доме кроме них никого не было: ни болтливых слуг, ни внимательных охранников. И она позволяла себе эти маленькие наслаждения, эти затянувшиеся обеды, плавно перетекающие в ужины, когда она, будто случайно, вместо кусочка еды ловила ртом подносившие её пальцы и не торопилась выпускать. Слизила мясной сок, а Ульв в отместку поглаживал её саднящие от желания губы. Ни разу не поцеловал. Сигрид гордость не позволяла попросить, или самой прижаться к тонкому, дразнящему медовым запахом рту. Теперь, должно быть, и не придётся.

Дочь ярла присела рядом с мужем, поправила съехавшую шкуру, мимолётным движением погладила мужчину по щеке. Ульв улыбнулся и пробормотал пару слов. Вполголоса и на чужом языке. Но Сигрид расслышала, и знала, что это значит: спросила как-то у отца.

— Нет, милый, я не твоя королева, — печально прошептала девушка. — Я тебе уже даже

почти не жена.

Сердиться на спящего, умиротворённого и тихого Ульва было слишком сложно, но негодование всё же требовало выхода, и Сигрид подошла к отцу. Альвгейр уже приказал поставить парус, сплетённый из длинной шерсти северных овец, жирной и непромокаемой. Гребцы оставили вёсла и расположились для отдыха.

— Отец, зачем ты выдал меня за Стейнсона, если теперь везёшь к Эрику? — попутный ветер играл золотыми прядями мужчины и девушки, похожими, будто лепестки одного цветка. Сигрид слегка хмурилась и плотно сжимала губы, отчего стала ещё сильнее походить на валькирию — в отличие от Ульва, Альвгейр преобразование дочери не оставил без внимания.

— Мы с Эриком хотели защитить тебя, девочка. От Мэб.

Сигрид фыркнула.

— Что, и Эрик знал? — Сразу вспомнились глупые предсвадебные мысли о том, как будет ревновать рыжий викинг, увидев её женой мерзкого карлика. «Неужели это была я? — неудержимо краснея, подумала Сигрид. — Та глупая маленькая дочь ярла?»

— Нет, свадьбу... это я сам, потом, — смутившись, поправился Альвгейр. — Эрик в поход отправился ради тебя. Чтобы туман...

— Ладно, Эрика куда послали, он туда и пошёл, — отмахнулась девушка. — Но ты, отец? Разве разумно было делать меня соперницей королевы туманов, чтобы от неё защитить?

Тут уже покраснел Альвгейр.

— Да откуда ж я знал, Сигрид?! Думаешь, этот гад ползучий со мной делами сердечными делится? Он Мэб на её собственном острове запер, откуда я мог знать, что это любовь у цвергов с великими сидхе такая? Расхохотался, конечно, когда я его жениться заставил, но так он по любому поводу смеётся, горе у него, или радость, гадость ближнему сделал, или от смерти спас. Это ж цверг, они добро от зла вообще не отличают!

— А ты? Ты отличаешь? — всхлипнула Сигрид, когда отец крепко прижал её к себе.

— Прости меня, маленькая, — прошептал Альвгейр ей на ухо. — Я для тебя всё сделаю. Всё, чтобы ты была счастлива, моя валькирия. Ну, не думал я, представить не мог, что такая, как ты, может полюбить такого, как он. После Эрика-то!

Сигрид отстранилась, резким движением вытерла слёзы.

— Пап, а ты мою маму любил?

— Больше жизни, — осторожно ответил ярл, подозревая подвох.

— А до неё у тебя женщины были? Были ведь, мне Сату рассказывала. И много.

«Вот шаманка проклятая!» — помянул про себя покойницу Альвгейр. Но вслух примирительно сказал:

— Да это... другое совсем. Твоя мать особенная была. Единственная.

— Ну вот и у меня, — передёрнула плечами Сигрид, остановив взгляд на меховом мешке с Ульвом внутри, — другое совсем.

— Всем стоять! — прогремел голос тамплиера, когда двое из его людей с остервенением вцепились друг в друга. — С места не двигаться, читать Pater Noster!

Франк, на которого туманное наваждение действовало гораздо слабее, чем на других, сам разнял драчунов. Несколько экономных движений — и оба лежат на земле. Один из

воинов оказался легко ранен в бедро, и тут тамплиеру в который раз пригодились лекции брата Жофруа, второй отделался лёгкими ушибами, нанесёнными самим Теодором. Рыцарь отметил для себя более ловкого бойца и отправился обновлять построение. Как оказалось, пока он приводил в чувство дерущихся, один из лучников (тот, кто не знал слов молитвы, и только притворялся поющим, время от времени открывая рот), дико метнулся в сторону, будто увидел что-то чудовищное, и, не разбирая дороги, ломанулся в лес. Теодор скрипнул зубами, но наказывать никого не стал: в конце концов, он сам приказал не двигаться с места.

— Рот и нос закрыть тканью, смоченной в воде, — скомандовал он. — Кажется, от болота идут ядовитые пары. Вот и чудится... всякое.

Ещё какое-то время удавалось передвигаться вперёд. Почему вперёд? Теодор давно потерял направление в этой неверной мгле. Ни одного ориентира. Решение покинуть укреплённый лагерь и отправиться на поиски епископа он признал глубоко ошибочным. Сейчас достаточно было бы найти безопасное место, где земля не уходит из-под ног, ветви не заплетаются вокруг ног и не сводят с ума болотные огни. К тому же, поблизости постоянно кто-то был.

— Когда уже кончится эта проклятая ночь! — в сердцах пробормотал рыцарь, а старый лучник, шагавший рядом с ним, тихо ответил:

— Она не закончится, мессир. По нашему времени уже три часа как рассвело. Это Долгая Ночь по ту сторону Холмов. Она прервётся только если...

Теодор не дослушал.

— В круг! — рыцарь поразился, с какой сноровкой отряд выполнил построение. На тренировках такой слаженности и проворства ему ни разу не удавалось добиться от своих людей. — Огонь потушить.

Тамплиер, скорее почувывший, чем расслышавший неясное движение неподалёку, ждал, что по ним будут стрелять. «Бей и беги» — излюбленная тактика дикарей этих лесов. Эффективная, надо признать. Местность они знают как собственный дом. Да, по сути, это их дом и есть. Найти затаившегося в ветвях, обряженного в шкуры и размалёванного ирландца почти невозможно. А его стрела с тридцати шагов уверенно пробивает кольчугу. По крайней мере, такую кольчугу, которых не пожалело аббатство для своих олухов. Его, рыцарская, с тайными добавками орденских мастеров попрочнее бу...

— Не стрелять! — глухо, не своим голосом, произнёс Теодор, хотя луки поднимать никто и не думал. Это для него, франка, появление из ниоткуда десятка конных рыцарей оказалось просто неожиданностью. А ирландцы сразу заприметили и горящие синим пламенем глаза, и туманом струящиеся по плечам длинные волосы.

— Ночные Всадники! — побелевшими губами прошептал бывалый лучник и подался вперёд: страшно, конечно, но когда ещё такое увидишь?

Теодор не торопился обнажать меч, но рука сама сжалась на рукояти, словно испрашивая совета у испытанного в боях соратника. Меч подсказывать не торопился, и храмовник медлил. Молчаливые, будто призраки, рыцари не думали, кажется, нападать, или даже окружать отряд Теодора. Впрочем, какой смысл окружать оцетинившийся щитами строй? У него нет фланга, который можно смять, нет тыла, с которого можно ударить. Зато вот такой клин закованных в броню лошадей с разгона раскидает их, как деревянных солдат. Были у маленького Тео такие в детстве. Господь Вседержитель, о чём он думает?

— Я — Теодор де Милли, — голос тамплиера прозвучал ровно и громко, в клочья разорвал застилающую незнакомцев туманную дымку, — милостью Господа рыцарь Ордена

Храма!

— Зече-е-ем! — простонал лучник. — Зачем вы назвали своё имя, мессир?! Теперь мы точно погибли!

Но те, кого он именовал Ночными Всадниками, переглянулись, и, неожиданно, разомкнули клин, рассыпались, а их предводитель спешился и вышел чуть вперёд. В том, что это был именно предводитель, Теодор почему-то не сомневался, хотя на всех рыцарях были одинаково богатые доспехи, нарочито ярко блестящие в ночной тьме, а меч, который держал в руке человек с неестественно синими глазами без зрачков, казался и вовсе простым. Только очень длинным. Теодор даже подивился, как тот умудряется без видимого напряжения держать такое оружие одной рукой.

«Добро пожаловать, Теодор де Милли, — губы незнакомца не шевелились. Как и у его спутников. Однако приветствие, причём на родном франкском наречии, Теодор расслышал отчётливо, будто его произнесли прямо в ухо. — Добро пожаловать на Изнанку Холмов».

— Я сопровождаю епископа Рене в аббатство Клевер, — сообщил Теодор, внимательно следя за реакцией незнакомого рыцаря, стараясь отгадать его намерения. Особой враждебности тот пока не проявлял, однако и прятать оружие не торопился. — Вы не встречали его... в лесу?

На этот раз предводитель Ночных Всадников утвердительно наклонил голову и разомкнул губы. Произнёс, правда, по-ирландски:

— Да. Ваш епископ зашёл дальше, чем хотел. Как, впрочем, и вы.

При последних словах он широким жестом обвёл отряд Теодора.

— Он предлагает вам сразиться с ним в поединке, мессир, — горячо зашептал лучник, имя которого рыцарь так и не запомнил, и сейчас, почему-то, об этом пожалел.

— Я понял, — напряжённо процедил он. И в самом деле, синеглазый незнакомец, державший себя так, будто христиане нарушили границу его суверенных земель, очень недвусмысленно скинул на землю роскошный тёмно-багряный плащ. «Неужто шёлковый?» — подумал тамплиер, глядя на изящные складки, которыми ткань задрапировала ближайший пенёк.

— Условия? — коротко бросил он слово вместе со своим белым плащом.

— Выживешь — выведем к монастырю, — сказал так и не представившийся рыцарь, легко, будто в танце, вставший в незнакомую Теодору позицию.

— Всех? — хмуро уточнил тамплиер. Он умел оценивать противника. По плавности движений, по спокойствию взгляда, по экономному движению запястья, которым тот изменял положение своего непристойно длинного клинка. И Теодор был отнюдь не уверен в победе. Но... тем более не стоит скромничать. — И епископа?

Синеглазый чуть замешкался, задумавшись.

— Да.

А тамплиер не стал терять времени.

Его рывок был стремителен и точен, но длинный меч из подозрительно яркого и светлого металла не подпустил Теодора на ближнюю дистанцию, ослепив снопом искр, брызнувших от соприкосновения двух лезвий.

— Лунное железо! — услышал храмовник восклицание лучника, но не придал этому особого значения. Он и сам уже понял, что оружие соперника, несмотря на длину, много легче его собственного, а из чего там оно выковано... Теодор же не алхимик.

Несколько раз поединщики сходились, прощупывая слабые места друг друга, и снова

сыпались искры, слепившие синеглазого не хуже, чем Теодора. Ещё он заметил, что соперник старается держаться как можно дальше и реализовать преимущество в длине клинка. Тамплиер ринулся в ближний бой, ушёл от выпада и позволил синеглазому перехватить свою руку в жёстком захвате, так что рукоять его короткого оружия ткнулась сопернику в плечо, как раз в сочленение сплошного панциря с наплечником, вскинул левую руку и ударил по маленькой эмблеме ордена на крестовине меча.

Казалось, крик Ночного Всадника разорвал ночь, как ветхую тряпку. Или это от чудовищного удара головой у Теодора звёзды заплясали в глазах. Об дерево, кажется. Если бы не шлем, прощай череп! Сколько же силы в этом ублюдке, чтобы экипированного рыцаря как комнатную собачонку отшвырнуть?

Глаза заливало кровью и потом... вот дьявол! Голову всё-таки разбил, не видно ничего. Тамплиер сбросил покорёженный шлем, чтобы оглядеться. Конечно, отравленный стилет в рукояти — не самый честный приём. Но Палестина быстро учила разнице между рыцарским турниром ради улыбки прекрасной дамы и настоящим боем. Он ведь специально спросил об условиях, верно? Остаться в живых... больше никаких ограничений не прозвучало. Но вот интересно, что думают об этом остальные Ночные Всадники?

Красивые лица с нечеловечески правильными чертами оставались спокойны. Они даже не смотрели на Теодора, взгляды скрещивались где-то там, на другой стороне поляны, видимо, на мёртвом предводителе...

— Вы ранили его, мессир, — радостный горячий шёпот встряхнул рыцаря, заставил всмотреться в рассветную дымку. Проклятый туман! Становится плотнее!

— Как... ранил? — тупо переспросил Теодор. Кажется, у него что-то с глазами. Вон та высокая фигура стоит слишком прямо для мертвеца. Яд должен действовать мгновенно, уже не раз и не два проверял. И он попал, попал в узкую щель между двух пластин чудесно-лёгкого металла, иначе с чего бы синеглазому так орать?

— В плечо, мессир, видите, он меч в другую руку перебрасывает? Ух, теперь вы его!..

Тамплиер переступил с ноги на ногу. В голове всё ещё шумело. Брат Жофруа, нет вас здесь, чтобы «сей любопытный феномен» объяснить! Да и ваше счастье, что нет. Мессир Великий Магистр за грехи тяжкие послал, видно, раба Божьего Теодора прямо в ад.

«Мертвец» повёл мечом, и было не заметно, что левой рукой он владеет хуже правой. Рана, кажется, его всё же беспокоила, но вряд ли сильнее, чем храмовника — разбитая голова. Теодор двигался тяжело, будто в воде, самому себе казался медлительным и неповоротливым. Синеглазый приближался.

— *Credo in unum Deum*, — произнёс рыцарь Храма и поудобнее перехватил верный меч,

Patrem omnipotentem...

Тот, кто должен был лежать бездыханным, направлялся к Теодору с особой, доброжелательной улыбкой.

— *Factorem caeli et terrae*, — храмовник заученным, многожды повторённым движением, занёс руку. Он видел уже когда-то такую улыбку. У ассасина. Безумные фанатики так запугали власть имущих своей потусторонней неотвратимостью, что половина врагов ибн Саббаха мочилась по ночам. Ассасины не боялись смерти. Но умирали не хуже тех, кто боялся.

— Visibiliūm omnium et invisibiliūm!*

Теодор яростно рубанул мечом, целясь синеглазому в шею. Тот, против ожидания, не отстранился, подставляя под удар второе плечо, а, напротив, прынул навстречу, так что сияющий панцирь столкнулся с кольчугой грудь в грудь.

Неожиданно. Но тамплиер умел ценить подарки судьбы. Когда с твоей головы свободно свисает грива, которой позавидует девица или породистый жеребец, противника, способного намотать её на кулак, действительно не стоит подпускать так близко.

Однако неожиданности редко ходят в одиночку. Рука прошла сквозь белые пряди, как сквозь туман.

— Вот дьявол! — выругался храмовник вместо следующих слов молитвы. Ему всегда плохо давалась латынь.

Длинный меч, слишком громоздкий для такой дистанции, валялся на земле. Впрочем, как и меч Теодора. Синеглазый, кажется, сломал ему запястье, потому что пальцы не слушались.

— Не люблю... железо, — тяжело выдохнул Ночной Всадник, лицо которого покрылось волдырями, будто обваренное кипятком.

— Хр-р-р, — ответил храмовник. Из горла у него торчал его собственный нож. Железный. Тот, что он носил за голенищем сапога и даже успел достать. Может, и не стоило.

Дин ши пальцами другой руки отогнул те, что сжимали рукоять ножа — обгоревшие до кости, и отшатнулся, позволяя телу тамплиера осесть на траву.

В рыжих прядях христиан, следивших за поединком, не смея вздохнуть, добавилось седины. Остальные всадники грациозно соскакивали с сёдел, а из глубины леса, вместо плаща накинув на плечи клубы тумана, вышла женщина. Высокая и стройная, но в уголках глаз уже появились гусиные лапки, а лоб и щёки прорезали морщины. На полшага позади неё следовала юная особа. Юная и прекрасная, мог бы сказать тот, кого не смущают длинные, полукольцом загнутые назад рога.

Ночные Всадники склонили головы перед королевой Мэб. И их предводитель, всё ещё стоявший над поверженным христианином — тоже.

Женщина подошла к ним, наклонилась к храмовнику и, лишь слегка поморщившись от близости ненавистного металла, отодвинула съехавший подшлемник с мёртвого лица, чтобы видеть так и оставшиеся открытыми глаза. Геро держалась из последних сил. Её мутило и бросало в дрожь, но верная альва ни на шаг не желала отстать от великой сидхе.

— Он ведь понравился тебе, — Мэб выпрямила спину и теперь разглядывала изуродованное лицо дин ши.

— Да, моя королева, — бесхитростно отозвался тот. — Вот уже лет триста я не встречал подобного воина.

— Так зачем ты его убил? — в вопросе не прозвучало любопытство. Лишь сожаление и усталость.

Предводитель Ночных Всадников стоял молча, медленно моргая веками, на которых теперь не было ресниц.

— Он, кажется, не понял вопрос, моя королева, — почтительно поделилась наблюдениями рогатая альва. Ответом ей послужил тяжёлый вздох.

— Проследи, чтоб ожоги затянулись, — помолчав, сказала Мэб. И задумчиво добавила: — Только... не очень быстро.

Геро качнула рогами вперёд, одновременно выражая покорность воле повелительницы фей и пряча болезненную гримасу: лечить раны, нанесённые железом, ей самой было тяжело.

— Всех чужих пусть выведут за границы холмов, — негромко произнесла Мэб, и всадники один за другим попрятали мечи в ножны. Лишь один из них осмелился поинтересоваться:

— Всех, моя королева? И...

— Всех, — отрезала великая сидхе и растворилась в тумане. — Отпустите всех.

Patrem omnipotentem,

factorem caeli et terrae,

visibilium omnium et invisibilium.

Глава 8. Тара королей

Губы спящей трогательно приоткрылись, светлые локоны, завивающиеся в тугие колечки, золотым руном покрыли плечи юной феи. Аэд протянул руку и лёгким касанием огладил обнажённую грудь. Пёрышко пробормотала что-то во сне и перевернулась на живот, подставив королю Коннахта другую соблазнительную округлость. «Трогательная и нежная, — думал Аэд, проводя ладонью по гладкой, будто светящейся изнутри коже, — а какой грозной и требовательной была она этой ночью! Просто валькирия... любовь и война, удовольствие и боль, восторг и отчаяние... я мог бы подумать, что викинг привёл с собой саму Фрейю...»

Аэд откинулся на спину и закрыл глаза. Нет, он не заблуждался. Пока жива королева Мэб, чужие боги не поселятся в волшебной стране. Если, конечно, она сама их не позовёт. Женщины сидов и прежде выходили к людям. Случалось, они даже становились супругами королей. В те, прежние, времена, когда ард ри был самым могучим чародеем своих земель. При хорошем короле его земли процветают... «Наверное, я не очень хороший король», — желчно, как всё чаще при разговоре с самим собой, заметил владыка Коннахта, беднейшего из пяти королевств Ирландии. «Может, стоило бы жениться на ней?» — он снова открыл глаза и оглядел лежащую рядом фею-огонёк внимательно, будто видел впервые, а не имел её всё ночь напролёт.

«Нет», — Аэд встал и укрыл лёгким одеялом манящее тело женщины холмов, способное свести с ума любого мужчину. В том числе и его, к чему отрицать? Но сейчас, когда страсть была удовлетворена, он думал уже не как мужчина, а как король, помнивший о Добрых Соседях. Аэд достал из-под массивного стула, стоявшего в дальнем углу комнаты, собственные штаны. Как они туда попали? Он не помнил. Прошедшая ночь напоминала горячечный бред.

А вот рубашка аккуратно висела на спинке кровати. Околдованный, уставший или полумёртвый — Аэд никогда бы не бросил её небрежной рукой. Больше никогда не будет у него такой счастливой одежды. Рука, проворно сновавшая над пальцами, вплетавшая руны в замысловатый узор, охладела, сжимая золотой серп. Губы, шептавшие, «Пусть боги хранят тебя, братец», в последний раз выкрикивали не благословение, но проклятие. Проклятие должны наслать справедливые сидхе не короля, который оказался не в состоянии защитить даже собственную сестру. В былые времена, когда Ирландией ещё правили друиды, Верховный Бард своей рукой закалывал в положенный день белого быка, сцеживал кровь, а потом пил её и пил, пока не засыпал, и во сне видел истинного ард ри, владыку и заступника Пяти Королевств.

Ульв торжественно шествовал из одного зала в другой, мало-помалу приближаясь к срединному дворцу, куда сходились анфилады с пяти холмов, куда вели дороги с пяти сторон. И дело было не в трепете перед Священной Тарой, резиденцией Верховных Королей — друид давно уже не ставил её ни во что, но в женщине, закутанной в тёмную вуаль с ног до головы. Женщина неторопливо следовала за ним, а Великий Бард почтительно распахивал тяжёлые створки дверей, притягивавших взгляд резьбой и самоцветами.

Прекрасные залы Золотой Тары пусты. И это правильно. Но в главном зале на троне ард ри восседает Верховный Король. Это так неожиданно, что Ульв остановился и молча глядел на него, продолжая сжимать медную ручку двери.

Широкоплечий мужчина встал и направился к маленькой женщине в чёрном, не обращая внимания на Великого Барда, окаменевшего у входа. Он был красив, этот король. Густая борода завивалась колечками и отливала золотым блеском, так что казалась выкованной из металла, синие глаза яркостью напоминали о родстве с сидами.

— Тебя не должно здесь быть! — прошипел Ульв, почти ощущая, как язык раздваивается от змеиного яда. Но ард ри обратил на него внимания не больше, чем на ветер за окном.

— Приветствую вас, госпожа моего сердца, — учтиво произнёс ард ри, однако даже не наклонил головы, ибо был он королём и принимал гостей в своём доме. — Да будет жизнь ваша долгой, а здоровье крепким.

— Мы живём столько, сколько нам отмерено, а здоровье имеем такое, какое заслуживаем, — от звука её голоса мужчина вздрогнул, потому как не ожидал услышать шамкающий, надтреснутый голос беззубой старухи.

Король протянул дрожащую руку к вуали. Ульв с удовольствием выдернул бы эту руку из плеча, но его собственная ладонь надёжно прикипела к дверной ручке — чары королевы Мэб в который раз застали его врасплох.

Она не шевелилась и позволила ард ри отбросить покров. Увидев сморщенную, как печёное яблоко, седую старушку с водянистыми глазами и впалым ртом, король отшатнулся и, пробормотав: «Нет, это слишком! И без ночи с Душой Ирландии обойдусь!» бросился прочь.

Когда эхо его шагов затихло в пустых залах, Ульв смог, наконец, отойти от двери.

— Истинное лицо верховной власти безобразно, — старушечьими губами усмехнулась Мэб. — Не каждому по силам такое бремя нести.

Она взялась за край вуали, собираясь снова накинуть её на лицо, но Бард перехватил её руку, погладил морщинистую щёку. Кожа сразу разгладилась, засветилась серебристо-лунным цветом, водянистые глаза потемнели, в воздухе нарастало напряжение, какое бывает перед грозой. Ульв наклонился к своей королеве, словно хотел до предела сжать воображаемую пружину, чтобы душное ожидание, наконец, разразилось грозой и закончилось освежающим дождём.

— Он не достоин чести даже смотреть на тебя, — прошептал Бард низким, чуть хрипловатым голосом, и не пытаясь околдовать Мэб вкрадчивым тембром: слишком унижительными казались неудачи.

Она приложила палец к его губам.

— Зачем ты назвал этого мальчика ард ри? Разве ты видел его во сне?

Ульв отступил на шаг, пытаясь скрыть досаду: говорить о короле, решившем послушаться друида, не хотелось.

— Меня уже тошнило от бычьей крови. Раз за разом её вливали в меня всё больше и больше. Но в снах я никого не видел. Просто бродил в пустоте, иногда по залам Тары. Но всегда один. Этот... бычок не хуже и не лучше прочих. Правда, норовистым оказался. Вошёл во вкус.

— Хм... — лукавый взгляд сделал из Мэб совсем девчонку. Она нарочито задумчиво провела рукой по барельефу с изображением тернового куста. — Гулял по Таре Королей и

так ни разу никого и не увидел? Ни в полированном полу, ни в тёмном окне, ни в серебряном блюде?

— Тщеславные мысли меня посещали, — Ульв сложил руки на груди и отошёл к глубокой нише, отделанной золотом и драгоценными тканями. Он предвидел направление очередной насмешки королевы фей, и уже заранее было больно. Как можно представить цверга, занимающего престол потомков богини Дану? Безумие горячечного бреда. Глупость. Но глупость всё же меньшая, чем страстная мечта покорить сердце великой сидхе. — К счастью, все сомнения в Таре легко разрешить.

Ульв вытянул руку и небрежно опустил на невзрачный с виду камень, занимавший почётное место в тронном зале. Как и следовало ожидать, камень Фаль, камень королей Тары, промолчал и на этот раз.

Мэб тоже подошла поближе и произнесла с тонко выверенной и неоднократно применявшейся интонацией — как будто обращалась к слабоумному:

— Это — кусок скалы, в которой какой-то шутник вырезал пару углублений в форме ступней. Что такого интересного ты в нём нашёл?

— Фалльский камень, — Ульв медленно убрал руку за спину и теперь украдкой следил за рассеянным светом, беспорядочно рассыпавшимся по платью Мэб, превратив его из чёрного в рассветно-серое, — применяется для устранения ошибки, которую может допустить друид.

— Ключевое слово тут — Фалльский, — паутинка накидки Мэб растаяла, улетучилась с порывом неведомо откуда взявшегося тут ветра.

Ульв явственно чувствовал, что над ним потешаются. Но пока не был уверен, действительно ли перед ним подделка, или сидхе морочит ему голову, желая посмеяться над легковерием цверга.

— Кенн Круах сказал мне, что последний луч заходящего Самайна падает на камень Фаль в тронном зале Священной Тары, — упрямо пробубнил Бард. — Зачем ему было лгать?

— Боги не лгут, — кивнула Мэб, снисходительно поглаживая Ульва по гладкому подбородку. — Их надо просто научиться понимать. Тут ключевое слово было «священной».

В следующий миг у друида перехватило дыхание, а глаза болезненно заныли, хоть он инстинктивно прикрыл их рукавом.

— Добро пожаловать в Священную Тару, Великий Бард! — звонкий голосок заставил его вздрогнуть и открыть лицо.

Да, это действительно была Тара. Та Тара, которую он видел во сне: с белоснежными, полупрозрачными, как китайский фарфор, стенами, наполненная светом, свежим ветром и упоительными ароматами. Но на этот раз она не была пустой.

Стайки щебечущих фей, вперемежку с птицами, проносились мимо, деловитые лепреконы сновали туда-сюда, несколько кобольдов лихорадочно постукивали крохотными молоточками, заканчивая новую стенную панель из серебра, изображавшую чёрного волка, бегущего по лунной дорожке. Сама луна, полная и сияющая, висела высоко, у самого чёрного свода, усыпанного искрами волшебных кристаллов. Задрав голову, волк, видимо, тоскливо выл. Один из кобольдов достал крупный изумруд и точным движением поместил его в пустовавшую глазницу. Взгляд серебряного с чернью волка из тоскливого сделался хищным и жадным.

— Добро пожаловать! — повторила молоденькая альва, почтительно склоняясь перед Ульвом.

— Да пребудет с тобой милость богов, — машинально ответил друид, но альва расцвела и засветилась счастьем, как будто он и вправду осенил её благословением. Увы, теперь и сам Великий Бард не стал бы уповать на тех, чью милость призывал. Он даже пожалел о вырвавшихся словах. Не след без нужды тревожить мёртвых.

— Где... королева? — спросил Ульв, безуспешно оглядываясь по сторонам.

— В тронном зале, — тем же восторженно-звонким голосом ответила альва и снова почтительно склонила голову. — Мне приказано вас к ней проводить.

Бард кивнул, выражая готовность следовать за проводницей, и они двинулись в путь. Зал за залом, терраса за террасой, галерея за галереей. Эта Тара оказалась огромной и запутанной, как лабиринт, или, скорее, муравейник, потому что просто кишела маленьким народцем, альвами и прочими подданными Повелительницы Фей. В конце концов звонкоголосая девица, всю дорогу восторженно что-то щебетавшая, остановилась на смотровой площадке высокой башни, с которой открывался обширный вид, и Ульв убедился, что у Изнанки Тары с её лицевой стороной много общего. Здесь тоже ко дворцу ард ри вело пять дорог из пяти дворцов пяти королей, отдававших себя под его верховную власть. Но здесь эти дороги представляли собой подвесные мостки, лёгкие, беззаботно покачивающиеся на ветру. При одном взгляде на них кружилась голова. Не то чтобы Ульв боялся высоты... но прежде, чем ступить на полупрозрачную поверхность мостика вслед за альвой, он быстро начертил перед собой трикветр, пробормотав: «Земля, воздух, вода — одно», и решительно шагнул вперёд. Мостик перестал играть, сделался надёжным, как стена, возведённая цвергом, и Ульв с любопытством оглядывался по сторонам. Лес, поля и луга тут были совсем такими же, как в мире людей, за исключением того, что деревьев не касался топор дровосека, полей — серп жнеца, а луга не знали стад коров и овец. И тем не менее, то, что происходило в Мидгарде, находило своё отражение и в мире холмов. Из блюдечек, наполненных для Добрых Соседей, вытекали сюда молочные реки, колоски, связанные особым образом и оставленные на поле, прорастали целыми ячменными стогами, а легконогие феи до упаду кружились в зелёных бальных залах.

Мир распался и собрался вновь, сияя яркими красками, подобно тому, как радугой распадается омытый священнодействием грозы свет. Пьянящий воздух, лёгкое покалывание в кончиках пальцев — Великий Бард сам не заметил, как начал петь, вплетая волшебство своего голоса в полифонию двух миров, соединяя их в единое целое. Ульв остановился на середине моста, в самой высокой точке, и его Мысль и Чувство поплыли над Священной Тарой, слившись в страстном танце, закутывались в облака, скользили по стенам отблеском света. Певец был одновременно внутри и снаружи, в Таре и вне её, бескрайним небом и крошечной песчинкой на мостовой.

Ульв не заметил, как рядом оказалась Мэб. Возможно, она просто вышла из песни без слов, содержащей в себе все слова, что были, или ещё только будут. Её нежно-розовое, как робкий рассвет, платье соткано из цветочных лепестков, а в улыбке Ульв в первый раз не увидел насмешки.

— Пойдём, — сказала королева, когда Бард мягко загасил последнюю ноту своей песни, будто присыпал пеплом тлеющий до времени уголёк. — Ты ведь хотел на него посмотреть?

Фалльский камень оказался раскалённым добела и пронзительно-ярким. Он покоился в самом сердце Священной Тары, и, воистину, тут ему было самое место.

— Чьё оно? — мерная пульсация всегда завораживала Ульва, погружая в подобие транса. Он с усилием отвёл глаза.

— Когда-то это сердце принадлежало великому королю фоморов, — Мэб, сбросившая торжественность, как накидку с плеч, повернулась спиной к своему барду и неторопливо пошла вдоль стены, увешанной оружием и разного рода трофеями — от гигантских рогов до сморщенных и почерневших голов. — Королю, славившемуся своей мудростью и прозорливостью. — Хрупкие на вид руки вынули из оружейной стойки длинный меч так легко, будто это была вязальная спица. — Кому ещё можно было бы доверить указывать ардри?

— Альвис, — полуутвердительно произнёс Ульв. Мэб опустилась на каменную скамью, уложила меч на колени, и медленно, обводя пальцами каждый завиток сложного узора, провела рукой по тусклым ножнам. — «Ты не похож на цверга», сказала ты, когда я о нём пел.

Мэб усмехнулась.

— Что ты слышал о фоморах?

— Мифические существа, — с нарочитой отчётливостью проговорил цверг, — уродливые, страшные, жестокие, — память услужливо подсовывала длинноротых крепышей, коренастых и приземистых, снующих туда-сюда под исполинскими сводами Свартальфахейма. Строили они так, что просторно было бы и инеистому великану, — повелители мрака и страны Мёртвых, или...,- он осёкся, поражённый своей прежней недогадливостью, — Нижнего мира.

Ульв вспомнил, как ещё мальчишкой наткнулся в одном из штреков, подходивших к самой поверхности, испуганную пару, парня и девушку, скрывавшихся от каких-то преследователей. Цверг видел в темноте достаточно хорошо, чтобы свободно передвигаться, но захотел разглядеть людей получше, и пещера озарилась мягким золотистым светом. Парень с девушкой упали на колени и разрыдались, прося не уводить их «За море». Как будто Ульв собирался! Ему и так бы влетело, узнай кто-нибудь в городе, где он шатается. А проводить чужих с поверхности в столицу Короля-под-Горой, окружённую подземными озёрами, надёжно укрытую за сотни лет назад промытыми водяными лабиринтами, не только воспрещалось, но и каралось довольно строго.

— Фоморов ещё называют королями-за-морем...

— Никого не напоминает? — Мэб продолжала рассматривать ножны.

Ульв подошёл поближе, и теперь видел, что они покрыты не просто орнаментом, но искусно выполненными рисунками, рассказывающими давнюю историю.

— Фоморы — извечные враги Туата да Даннан, — Древняя, плохо сохранившаяся голова таращилась на Ульва пустыми глазницами. Сейчас ему казалось, что голова вполне могла принадлежать цвергу. — Как ты?.. Почему не прогнала меня сразу, как только узнала?

Мэб резко выпрямилась и метнула в барда молнию взгляда.

— Я — не из племени Дану, — отчеканила она, и он удовлетворённо кивнул: ему всегда казалась, что повелительница фей очень мало походит на фею. — Я — сама по себе. — Мэб стремительным движением выдернула меч из ножен. — Расскажи ему о битве при Маг Туиред!

Прежде, чем начать говорить, меч зашёлся стариковским кашлем, будто прочищал несуществующее горло. Он был стар. Его ковали ещё в те времена, когда каждый меч,

покидая ножны, начинал рассказывать о своих победах. И Ульв уже не сомневался, кому принадлежало это оружие.

— Славная была битва! — в металлическом голосе явственно звучало удовлетворение. — Туата да Даннан, великие потомки Немеда, постигли тайны магии и премудрости четырёх друидов в четырёх городах: Фалиасе и Гориасе, Муриасе и Финдиасе. И превзошли они всех людей по достоинствам своим и мастерству, так что простые смертные поклонялись им, словно то были боги...

— С собой они привезли четыре волшебных предмета, — голос барда не перебил повествование меча, но влился в него, как слова песни вливаются в музыку. — То были копьё Луга, не знающее пощады, Лиа Фаль, узнающий того, кому суждено править Ирландией, котёл Дагды, от которого никто не уходил голодным и... ты.

— И я, — довольно подтвердил меч Нуаду. — Не знающий промаха, никогда не возвращавшийся в ножны не отведавшим крови врага.

— Не отвлекайся. — Королева Мэб непочтительно щёлкнула ногтем по лезвию. Меч обиженно засопел, но продолжил:

— Туата да Даннан сошли на берег у Корку Белтаган, — «Коннемар», — мысленно сориентировался Ульв, — и подожгли корабли, чтобы не в их воле было отступить, — торжественно, как королевский бард на пиру, рассказывал меч. — Славные потомки Немеда потребовали у захвативших Ирландию Фир Болг...

— Не менее славных потомков Немеда, — язвительно вставила повелительница фей, но рассказчик не дал сбить себя с заданного тона:

— ...потребовали у захвативших Ирландию Фир Болг, — с нажимом повторил он, явно адресуясь к Ульву, — чтобы те дали им либо половину земель, либо славную битву.

— И Фир Болг, конечно, выбрали битву, — Бард присел на скамью рядом с Мэб и она переложила четвёртое сокровище Туата да Даннан на колени цвергу.

— Конечно, — Ульву показалось, что меч даже заворочался от переизбытка чувств. — Фир Болг ведь, в самом деле, происходили от корня Немеда, как и Племена Богини! И дрались несколько не хуже!

— Только были разбиты и перерезаны, все, кто не успел бежать к фоморам, — желчно добавила королева, привалившись к стене и прикрыв глаза. Холод каменной кладки юркой змейкой скользнул вдоль спины, и повелительница фей пожалела о легкомысленно сброшенном покрывале.

— У них ведь не было меня, — простодушно пояснил меч.

— А у Нуаду больше не было руки, — Ульв оторвал жадный взгляд от волшебного оружия и, встревоженный холодно-презрительной интонацией в её голосе, взгляделся в вертикальную чёрточку, появившуюся между тонкими, изогнутыми, будто луки, бровями той-что-была-сама-по-себе.

Побуревшие от грязи и крови (хороши боги!) Туата да Даннан слоняются по долине, деловито добывая врагов. Своих раненых у них уже нет: Диан Кехт познал все тайны врачевания, почти стёр грань между жизнью и смертью, возвысив ушедших в странствия потомков Немеда над их сильнее привязанными к дому сородичами, Фир Болг. Фир Болг разделили Ирландию на Пять Королевств, Фир Болг выбрали себе первого ард ри Верховного Короля. Вот он лежит, Эохайд, сын Эрка. Вот и юный Сренг, сын Сенгана

скрючился у ног предводителя Племян. А Нуаду, мудрый Нуаду, со звериной яростью продолжает топтать давно мёртвое тело героя, отрубившего руку с неотразимым мечом, не знавшим промаха. И что толку в том, что Диан Кехт обещает приставить предводителю серебряную руку, которой тот сможет опрокидывать кубок, ласкать женщину или держать меч ничуть не хуже, чем прежней?

Увечному не быть королём.

— Как случилось, что королём избрали Бреса? — спросил Ульв. — Разве его отец не был фомором?

Меч впервые за долгое время замолчал, не зная, что ответить. За него это сделала Мэб:

— Именно потому и выбрали, — сказала она, укрывая плечи тёмной шалью, и Ульв с сожалением отметил, как платье королевы утратило нежные краски, упало тяжёлыми складками вечной ночи. Не той, что пестрит бриллиантовыми гвоздиками звёзд. То была беспросветная ночь подземных цвергских пещер. Ночь Нижнего Мира, как сказала бы маленькая Сату.

— Не смотря на то, что Диан Кехт излечил всех, кого ранили в первой битве при Маг Туиред, мёртвых воскрешать он не мог. Туата да Даннан потеряли много своих героев.

— Эдлео, сын Ала, — с сожалением произнёс меч.

— Эрмас и Фиахр, — сухо добавила Мэб, и Ульв вспомнил, как она стояла на коленях над мёртвым идолом Золотого Бога.

— Туирилл Бикеро, — мечтательно продолжал болтливый меч, не особенно разбирающийся в выражениях лиц, да и не стремившийся к этому, — и ещё...

— В общем, их осталось мало, — Ульв отметил, что королева сказала «их», а не «нас», гадая, присутствовала ли она сама при той исторической битве, и если да, то в каком качестве. Бард слышал, что женщины Туата да Даннан не сражались наравне с мужчинами. Но было ли так заведено у Фир Болг?

— Так что Племена Богини заключили союз с третьей ветвью потомков Немедра. К тому времени их и без того уже многое связывало. Балор, король мёртвых, отдал свою дочь в жёны сыну Диан Кехта, великого врачевателя. А Брес... оказался просто удобен, потому что не принадлежал ни к одному из переругавшихся кланов. Его отец, Элата, младший из королев-за-морем, властвовал над ними как ард ри. И, если бы ты его увидел, то никогда бы не подумал называть фоморов уродливыми или страшными.

— Он был красив? — Ульв даже усомнился в своём недавнем открытии о тождестве цвергов и фоморов.

— О, да, — королева Мэб улыбнулась так, что мгновение яростной ревности обдало барда жаром. — Элата был настолько хорош собой, что Эри, красавица-Эри, переборчивая гордячка Эри, одна из знатнейших и благороднейших женщин Туата да Даннан, посмела лишь робко произнести: «Между нами не было уговора» на его «Давай переспим», первую фразу, произнесённую при первой встрече. Элата всегда знал, чего он хочет, и как ему это получить.

Ульв тихо рассмеялся.

— И что же? Владыка фоморов женился, желая удовлетворить минутную прихоть?

— Нет, — Тёмные волосы Мэб рассыпалась по плечам, словно позабыв, как были собраны в причёску. Склонив голову, она отвела в сторону непослушный локон, едва заметно

усмехнулась. — Он просто сказал: «Иди без уговора».

— И она пошла? — Ульву стоило труда изгнать из голоса напряжение. Почти тотчас же раздались чавкающие звуки. Цверг с недоумением посмотрел на всё ещё лежавший у него на коленях меч: зеленоватая ладонь сжимала безупречно острое лезвие, из двух тонких, но довольно глубоких порезов обильно сочилась кровь, тут же всасываясь в металл, как будто меч в самом деле пил её у врага-фомора.

— Можешь теперь его положить, — Мэб протянула ножны, Ульв принял их, удержав её ладонь в своей.

— Она пошла? — требовательно повторил цверг, впившись в королеву пронзительно-зелёными глазами, жадно ловя малейшее движение её души.

— Она — да, — с расстановкой произнесла повелительница фей, глядя на собеседника двумя загадочными, глубокими и тёмными, как прошлое Ирландии, безднами. Было в её взгляде что-то тревожащее, и Ульв резко, будто избавляясь от ненужного свидетеля, задвинул меч в ножны. Почему сердцу стало так тесно в груди?

— Эри — это была ты? — И прежде случалось барду досадливо отводить взгляд, когда разговор заходил о королях, скреплявших свою власть браком с Душой Ирландии. Почему же упоминание об Элате так его взволновало?

— Нет, глупый, — смех повелительницы фей пролился дождём, успокоил бурю, уже рвавшуюся из груди. — Я — не из Туата да Даннан, я ведь уже говорила тебе.

«Что же означает твоя тоска и твоя нежность, когда ты рассказываешь о них? — безмолвно спросил Бард. — Кто ты, моя королева, знающая о древних битвах больше участвовавших в них мечей?»

— Да, прости, я был невнимателен, — Ульв аккуратно повесил ножны на крюк. — Но я слышал, Брес оказался не лучшим королём.

— Это ещё мягко сказано, — Мэб встала, сделала несколько шагов по мозаичному полу, и в задумчивости подняла руку к виску. — Правление Бреса ввергло Ирландию в жестокий голод. Не было больше пирушек и песен. Люди падали, обессиленные недоеданием и тяжёлым, бессмысленным трудом. Фирид, испросивший ночлега во дворце, был накормлен тремя сухими лепёшками. И наутро сложил первую на этих землях хулительную песнь, отнимающую силу у короля. Бреса, прекраснейшего юношу Пяти Королевств, ненавидели все.

— Почему же сердце мудрого Альвиса сделало такой неудачный выбор? — спросил Великий Бард, любуясь своей королевой.

— Выбор? — усмехнулась Мэб. — Лиа Фаль не выбирает ард ри. Он лишь узнаёт того кому суждено править. Потому и вскрикивает: это прикосновение неприятно для сердца фомора.

— Но если сидхе и фоморы суть одно и то же...

— Все люди суть одно и то же, — её тёмные пряди шевелились, будто змеи, извивались кольцами, ползли вверх, пока не сложились в подобие шлема. — Разве это мешает им ненавидеть друг друга? Или воевать?

Взгляд королевы был направлен в прошлое. Ульв приблизился к ней хищным зверем: вкрадчиво, со спины. И обнял. Мэб вздрогнула, но уже в следующий миг расслабилась, и, вопреки ожиданию, не торопилась одёргивать своего барда. Напротив, её чёрная вуаль куда-то исчезла, а строгое платье утратило оттенки ночи, сделавшись рассветно-серым. От королевы фей головокружительно пахло росой и клевером. Прежде, чем прижаться

горячими губами к доверчиво открытой шее, Ульв тихо попросил:

— Расскажи мне о второй битве при Маг Туиред.

Утро после Самайна всегда серое. Тучи, тёмные и тяжёлые, как сведённые брови Элаты, короля-за-морем, висят над землёй, не пуская к ней золотые копыя солнца. Копий здесь и без того много.

Волнуется море, нервно разбивается о берег, беснуется, откалывая камни. Потому что не дожждётся Элата обратно героев, которых послал вместе своим сыном силой захватить то, что не удалось удержать мудростью. С тяжёлым сердцем отпускал фоморов их ард ри, недобрым считал он это дело. Но вместе с Бресом приплыла и его мать, прекрасная Эри, и упрёков её не вынес грозный Элата.

А теперь Балор, Балор с Дурным Глазом, сразивший самого Нуаду Среброрукого, лежит на земле... и вороны уже склевали его смертоносное око, а на кости зарятся лисы. Может быть, Племена Богини и предали бы тело великого фомора пристойному погребению, а, может быть, наоборот, издевались бы над его остатками. Но сейчас им было не до того. Воистину дикой была эта битва друидов и героев, врачей и кузнецов, да и просто обычных людей. Камни стали скользкими от крови, а река Униус унесла немало трупов.

Высокая женщина, с головы которой свисает девять прядей волос, стоит подбоченясь, оглядывая поле сражения, засеянное обломками стрел, мечей и копий. И, хоть Морриган и возвестила о славной победе над фоморами великим горам, волшебным холмам, устьям рек и могучим водам, на лице её не отражается торжества. Мрачен взор великой сидхе, так что насмешкой прозвучал вопрос второй женщины, маленькой и закутанной в чёрное:

— Радуетесь делу рук своих, Ворона Битвы*?

Морриган смерила собеседницу яростным взглядом.

— А ты чистенькой остаться решила? Ещё, небось, и гордишься этим? Вместо того, чтобы поблагодарить. Тоже мне, Душа Ирландии!

— Всё так быстро закончилось, — повела плечами маленькая женщина. — Сторону не успела выбрать. Надо было переспать заранее с кем-нибудь, чтоб наверняка определиться, но я не так популярна, как прекрасная в своём гневе Морриган.

Ворона Битвы пропустила мимо ушей шпильку касательно её связи с одним из Туата да Даннан и ехидно сощурилась:

— Я видела, как ты накрыла плащом Тетру, короля фоморов. Огм подобрал его меч, но тела так и не нашли. Элата не вечен, конечно, тем более, что Брес выторговал свою жалкую жизнь и вернулся к отцу. Что, если я?..

— Что если я навещу своего старого друга Ангуса в его Эмайне? — хорошенькое личико Души Ирландии излучало невинную безмятежность, но Морриган отвернулась.

— Я никому не скажу про вас с Дагдой, — заявила вдруг маленькая женщина с грозными глазами. — Это ваше дело. Но... для меня они все равны. Ты должна понимать.

Морриган отмахнулась.

— Подумаешь! И без тебя все всё знают. Он уже сам разболтал.

— Ты всё-таки сожалеешь? — удивлённо взгляделась одна великая сидхе в душу другой.

Ворона Битвы коротко кивнула.

— Это плохо закончится. Для всех нас.

И пропела:

— Не увижу я света, что мил мне.

Весна без цветов,

Скотина без молока,

Женщины без стыда,

Мужи без отваги,

Пленники без короля.**

***Ворона Битвы** — имя Бадб, богини войны. Одно из воплощений Морриган.

** **Не увижу я света, что мил мне...** — строки из «Битвы при Маг Туиред».

Очень бережно, куда бережнее, чем прекрасную фею, Аэд погладил блестящий шёлк рубашки. Сам когда-то подарил отрез Аластрионе.

— Не знаю, Аэд, — словно наяву услышал он голос сестры. — Может быть, Добрые Соседи просто ушли? Те, что в самом деле были добры, и прежде не торопились вмешиваться, а прочие... может, оно и к лучшему?

— А как же друид? Помнишь, он рассказывал про ард ри, при котором в Ирландии убирали по три урожая в год? Это про того, у которого жена была из сидов. Ладно, на трёх я не настаиваю. Хоть бы один, но такой, чтоб по весне не приходилось грызть кожаные ремни!

Аластриона покровительственно, как будто это она была старшей сестрой, вздохнула:

— Аэд, ты когда его слушал, одно ухо затыкал, да? Про Конна, который женился на Бекуме Белокожей, изгнанной с волшебных островов Бекуме, принёсшей засуху, и чуть не погубившей Ирландию, ты ничего не хочешь сказать? Королю Ирландии лучше вовсе не иметь никакой жены, чем сделать королевой ту, что будет его презирать.

— О чём ты задумался, милый? — голос серебряного колокольчика. Тёплые руки на его всё ещё голых плечах. Но почему ему кажется, что от женщины, пьянившей молоком и мёдом, явственно запахло болотом?

— О королеве Мэб, — Аэд мак Конхобайр расправил плечи, надел рубаху и развернулся к фее. Черты его лица сделались жёсткими, но Пёрышко этого не заметила. Она вскочила, позволяя плотной ткани одеяла соскользнуть на пол, и воскликнула:

— Как же вы мне надоели! Только и бредите великой сидхе! А она не женщина вообще! Желать Мэб — всё равно, что гору, или поле, или... старого пастуха, выгнавшего в поле стадо коз и провонявшего крепким пойлом и сыром!

— Ты права, женщина из холмов, — король Коннахта задумчиво оглаживал бороду. — Любить Душу Ирландии — значит любить её горы, поля и людей. И не будь я мак Конхобайр, если позволю себе об этом забыть.

Разъярённая Пёрышко торопливо натянула полотняную сорочку и юбку, которые носила

теперь вместо своих невесомых одежд, и выбежала, хлопнув дверью. Аэд вышел следом, но не для того, чтобы проводить взглядом болотный огонёк, предпочитавший быть женщиной. Ему просто захотелось ощутить на коже солнечный луч и вдохнуть напоённый ароматом клевера воздух. Тяжкое бремя забот и чувство вины куда-то отступили, заслонённые чистой радостью бытия. Мужчина, который не ощущал теперь себя ни королём, ни даже Аэдом мак Конхобайром, наблюдал за маленькой птичкой, расправившей крылышки и смело рухнувшей с дерева. Поток воздуха подхватил её, подбросил вверх и перед глазами мелькнула яркая грудка. Малиновка голосила во всю мощь певчих лёгких.

Кто-то когда-то говорил Аэду, что малиновок нельзя ловить, а тем более убивать, потому что это птички лепреконов, и если причинить им вред, маленькие человечки отложат на время ботинки, сапожки и сандалики, которые так любят тачать, и придут, чтобы тебе отомстить.

Глава 9. Эмайн Аблах

Альвгейр возился с узлами куда дольше, чем было необходимо, но Ульв спокойно ждал.
— Это... проделки Мэб? — исподлобья буркнул ярл.

Бард задумчиво почесал нос о плечо — руки всё ещё были спутаны канатом.

— Вполне возможно. Она, сколько мне помнится, была весьма дружна с Ангусом О'гом.
А Яблочный Эмайн — не то место, куда попадают случайно.

— Не знал, что в Верхний мир можно всем вместе попасть, — подал голос шаман, вглядываясь в прибрежные заросли. Ветер тихо позванивал кольцами на трёхцветном поясе.

— Как правило, для такого путешествия требуется стеклянная лодка, — Ульв сделал глубокий вдох и резко вытолкнул воздух из груди. Пеньковая змея упала к его ногам. Альвгейр неразборчиво что-то прошипел. — Но иногда Ангус может пропустить кого-то и на деревянном драккаре.

— Ангус — колдун? — Сигрид перегнулась через борт и сощурилась, пытаясь разглядеть, что такого удивительного на берегу заметил Онни.

— Ангус — бог, — буднично сообщил Ульв, растирая онемевшие плечи.

Нос корабля ткнулся в белый песок.

Сигрид покачнулась...

...вместо полированного дерева борта под руку попался морщинистый ствол. Коренастый бородач отскочил в сторону, так что гибкая ветка орешника едва не хлестнула девушку по лицу. Сигрид вскрикнула, коротышка выругался.

— Не имей привычки подкрадываться со спины, а то можешь и в лоб схлопотать, — рявкнул он. Сигрид ни слова не поняла в чужой речи, отступила на шаг, испуганно озираясь: где Ульв, отец, корабль? Где, хотя бы, море? Густой лес кругом. Клён, рябина... орешник. Золотистые гроздья в обрамлении пожухших, увядших уже листочков к земле клонятся — поспел урожай. Откуда-то нестерпимо яблоками пахнет, как только осенью бывает, когда аккуратные, один в один, плоды, для хранения на зиму сбережённые, уже по бочкам аккуратно разложены, да под крышу внесены — от ночных холодов.

Страшноватый незнакомец глядел на Сигрид с каким-то очень знакомым прищуром, а уж когда он сжал сразу три ореха в своей огромной лапице и послышался треск, дочь ярла, наконец, озарило, кого бородач ей так своим говором напоминает.

— Вы... Стейн с Зелёных Холмов, верно? — стараясь, чтоб голос не дрожал, выговорила Сигрид. — Отец Ульва?

— С утра Брокк был, — хмыкнул коротышка, успевший разгрызть уже все три ядрышка. Говорил он теперь на языке викингов. — Из-под Чёрной Горы. Но что паршивец этот — мой сын, чистая правда. Неужто невесту знакомиться привёл? — Цверг окинул Сигрид таким оценивающим взглядом, что она покраснела не хуже спелой рябины. — А сам прячется чего? Переживает, что ты из светлых?

— Я жена, — призналась девушка, продолжая пятиться. — Бывшая уже.

— Чего-о-о? — взревел Брокк и в следующее мгновение цапнул Сигрид за руку. — Я этому прохвосту уши надеру, чтоб по длине были, как и положено ослу. Ишь, удумал чего! Разводиться! Ладно, королеве Мэб голову дурил, мы молчали: она баба самостоятельная,

сама разберётся...

Цверг целенаправленно тащил спутницу за собой, не переставая яростно бубнить:

— Девочек портить! Верно, у Альвгейра набрался! А говорил я Меру: подумай, какой пример ребёнку подаёшь!!

Сигрид только невнятно что-то попискивала, пытаясь уберечь глаза от плетей ветвей.

Нос корабля ткнулся в белый песок.

Ульв с юношеской лёгкостью перемахнул через борт, не дожидаясь, пока спустят сходни. Он не знал, благодарить за переполнявшую его юношескую силу благодать острова вечной молодости или своё второе рождение. Впрочем, его это не больно-то интересовало: прямо перед Ульвом стояла маленькая женщина с лисьими чертами лица и хитрющими пуговками глаз.

Великий Бард снова ощутил себя маленьким волчонком. Он подбежал к улыбающейся женщине, сжал в объятиях, выдохнул в каштановые с рыжиной волосы:

— Мама!

Виона гладила сына по голове, будто рассталась с ним только утром, а вечером её набедокуривший и голодный, как волк, мальчик вернулся домой.

— Как ты, малыш?

— Я... — Ульв поднял голову и взгляделся в лицо матери, как делал в детстве, стараясь угадать её настроение. И насколько сильно влетит. Сколько будет в её взгляде разочарования? — Я стал Великим Бардом, — осторожно проговорил цверг.

— Да, мы слышали, — Виона ласково растрепала чёрные пряди, так что часть из них попадали на затвердевшие малахитом глаза. — Замуровал друида в склепе и Кенн Круаха убил. А ещё возвёл неприступную границу между Мидгардом и Волшебными мирами.

Ульв закусил тонкую губу так, что она побелела. Молчал, глубоко вдыхая исходящий от матери запах ячменного солода и сырого золота, с ноткой огня и цветущего клевера. Такой знакомый запах. Домашний. Родной. Сладкий запах клевера, разбавленный горечью полыни.

— Я влюбился в королеву фей, — сообщил Ульв, а Виона кивнула, не выказав удивления. Цверг выпустил её из объятий и, наконец, огляделся вокруг: вместо морского берега и драккара у него за спиной возвышался не то дворец, не то храм, сложенный из белого камня. Сложенный, видимо, уже давно, потому что выглядел заброшенным, даже обветшалым.

— Это было неизбежно, — сказала женщина-лепрекон, не уточняя, имеет ли в виду сердечные дела своего сына или упадок древнего святилища.

— И я всё... разрушил, — Ульв изучал панораму, открывавшуюся с крутого склона холма, на котором расположились мать с сыном. Озёра в тёмном обрамлении лесов курились серебристой дымкой. Далёкая цепочка гор сделала зубчатой линию горизонта. Небо хмурилось. «Странное место для вечного блаженства — раздражённо подумал Ульв. — Что я вообще здесь делаю? И мама...» — Это ведь сон? — обернулся он к Вионе. — Я уснул на борту драккара и увидел тебя? Или уже умер, и это начало очередного кошмара?

— Ты не спишь, — Виона уселась на низкорослый густой дёрн. — Хочешь, ущипну?

— В моих снах боль вполне ощутимая, — Ульв опустил рядом и сорвал незнакомый цветок. Повертел его в пальцах, делая вид, что разглядывает, на самом же деле украдкой следил за матерью. Идея о том, что родное существо может оказаться порождением

угасающего в камне разума, не давало покоя.

Виона рассматривала сына, не таясь. Её остренькие черты немного разгладились, смешливые губы не складывались в улыбку. Много лет Ульв восстанавливал в памяти образ матери: весёлой, сердитой, озорной или готовой к расправе над зарвавшимся отпрыском. Но сегодняшнее выражение её лица не было похоже ни на одно из тех, что он помнил.

— Тебе часто снятся кошмары, мой мальчик?

Ульв ответил не сразу.

— Знаешь, что в них самое страшное?

— Что? — Лепрекониха притянула сына к себе.

Ульв провёл ладонью по глазам.

— Начинается всё всегда хорошо. Так хорошо, как никогда не бывает на самом деле. И я... даже был рад им из-за этого. Ведь в конце, когда становилось невыносимо, я просыпался. А от того, что я сделал с собой и... с ней, не проснуться уже никогда.

— Бедный малыш, — вздохнула Виона, подёргивая сына за мочку уха, как делала когда-то, пытаясь разбудить усердно сопящего маленького цверга. — Рассказывай, что ты там натворил.

Ульв, нескладный, угловатый, как подросток, сидел на склоне, крепко обняв руками собственные колени, в которых к тому же прятал лицо. Только взъерошенный затылок отрицательно покрутился.

— А то хуже будет! — пообещала Виона тоном, убедительности которого позавидовала бы прабабка-сирена.

Поцелуй Мэб был сладким, как мёд клевера, горьким, как полынь, и терпким, как ягоды тёрна.

— Моя королева, — выдохнул проснувшийся внутри цверга вулкан, не оставляя сомнений: ключевое слово тут — «моя».

Повелительница фей повернула голову, предоставляя Барду возможность любоваться её профилем. Ульв нежно очертил губами насмешливую складочку рта Мэб. Задержался на неправильном на его взгляд, опущенном вниз уголке. Чуткие пальцы музыканта паучком пробежались по лбу волшебницы, убирая едва заметную складку.

— Что тебя беспокоит? — разгладив морщинку, пальцы зарылись в змеиный клубок непослушных волос королевы Мэб. Она тряхнула головой, сбрасывая руку Ульва, будто надоедливое насекомое, и отстранилась. На этот раз повелительница фей собиралась не просто выскользнуть из каменных объятий разгорячённого цверга, но вообще покинуть Священную Тару. Мэб как можно скорее хотела вернуться в любимый грот, спрятаться, как цыплёнок в разбитой скорлупе, оставив у входа преданную Геро со строгим приказом никого не впускать, особенно барда.

Но этого не произошло. У великой сидхе не вышло даже вырваться из кольца обвивших её рук. Крайнее недоумение сделало фею похожей на растерянного ребёнка. Ульв, не размыкая объятий, потянул зубами шнуровку просторного одеяния друида. Накрыл рукой узкую ладошку Мэб и приложил её к своей груди, горячей, будто очаг в разгар зимы.

Королева уже отчётливо хмурилась, но вырваться больше не пыталась, прислушиваясь к мерному биению сердца, будто лежавшего у неё на ладони.

— Я, фомор из-за Моря Мёртвых, тоже принёс тебе чудесный дар, — произнёс Ульв, ни

на секунду не усомнившийся в серьёзности собственных слов. — И нет во всех трёх мирах волшебства сильнее, чем таящееся в нём. Возьми же его и владей, о великая сидхе.

Ровное сияние сердца цверга коконом окутывало и его самого, и Мэб, прижавшуюся щекой к груди барда.

— Наверное, уже поздно приказывать тебе убираться и не показываться мне на глаза?

— Слишком поздно, — Ульв снова нашёл её губы своими. Он устал. Устал подавлять бушующее внутри пламя, устал изображать почтительного подданного. Если вулкан просыпается, рано или поздно это должно закончиться извержением. — моя королева...

Запах Мэб сводил с ума Волка, прикосновения Мэб будоражили Змея, дыхание Мэб стало ветром в крыльях Ворона, молния Мэб отзывалась глухим раскатом грома в Камне, но реснички слёз на ресницах Мэб заставили Барда прерваться и окунуться в беззвездную бездну глаз женщины, которую он любил.

— Почему ты не сердись на меня больше? — спросил Ульв, ещё не зная, как отнестись к этому открытию.

— Ты целуешься не настолько плохо, — резко рассмеялась королева и хотела отвернуться, но бард не позволил: с нежностью игривого волка тёрся о её лицо то губами, то щекой, то носом, попутно смахивая затвердевшие хрусталиками слёзы повелительницы фей.

— Не-ет, — Ульв пристально всматривался в её глаза, бесстрашно окунаясь в бездну. — Ты недовольна мной, расстроена, раздражена... но не сердись. Почему? Ты плачешь... как плакала о Кенн Круахе. Но и тогда ты не рассердилась. Неизвестность мучительна. Ударь, обзови тупым злобным цвергом... лучше болтаться на дереве, подвешенным за собственные кишки, чем быть причиной твоих слёз и терзаться безнаказанностью.

— Не мне... тебя судить, — проговорила Мэб с таким трудом, будто слова были камнями, которые ей приходится закатывать на крутую нору. — Ты таков, какой есть. Каким всегда был, каким навсегда останешься. Нравится мне это или нет, — она положила голову ему на плечо, словно утомилась от долгой дороги, — но ты всегда будешь поступать только так, как считаешь нужным. Как и должно поступать ард ри. Позволь я себе возненавидеть тебя, мой фомор, мой бард и мой король, Ирландию ждёт голод и вечная зима. Чёрным волкам Морриган снова придётся принимать свои изумрудные глаза из моих рук, ведь больше не осталось великих сидхе. Хочется ли тебе снова вести свою стаю по земле?

Чёрный волк далеко в глубине существа Ульва прорычал что-то невнятное, ворон зашёлся издевательским карканьем, змей сжал королеву фей в страстном объятии, а друид почувствовал себя последним ничтожеством, потому что процветание Ирландии интересовало его сейчас в последнюю очередь.

Положение спас цверг. Земной элементаль заявил свои права на душу нации, поспешив соединиться с ней в единое целое, пока какая-либо из граней переусложнённой личности Ульва снова всё не испортила.

Весенний ветер согревал своим дыханием холмы и впадинки, подгоняя капель и томные ручейки, обильно увлажняющие оттаявшую, податливую землю. Молодая хвоя отвечала на поцелуи солнца упоительным ароматом, а почки набухали и тянулись вверх за ускользящей лаской.

Ячменный колос наливался силой, распрямлялся, поднимая голову, каменел и наполнялся жизнью. Взмах серпа в жесте священнодействия: кто разберёт, жнец это или друид, когда золотом окрашивает сталь клонящееся к горизонту солнце? И колос опадает, ещё подрагивая — залог рождения новой жизни, повторения цикла, развития сложной

структуры бытия.

В страстных объятиях сплетаются «если» и «может быть», день превращается в ночь, боль в наслаждение, а предрассветное белое марево до краёв наполняет сухой растрескавшийся каньон. Туману неведомы оковы и границы, а потому без труда заполняет он пропасть, у которой нет и не может быть дна, живительной росой струится по склонам, и вот уже зелёным ковром укрыты обломки скал, а в глубине долины бьётся о собственные берега горная река. Дикая, неукротимая, обжигающе-холодная и... живая.

Острые белые зубчики. Это было первое и единственное, что увидел Ульв, когда открыл, наконец, глаза. Одурачивающий запах ландышей пьянил не хуже тернового вина. Бард вдыхал его полной грудью, жадно и бездумно, как и всё, что в последнее время делал. Но сердце тревожно вздрогнуло и заныло. Некстати вдруг вспомнилось, что плоды белоснежных цветов до крайности ядовиты.

Бард встал. Усмехнулся, стаскивая одежду с дубовых веток: хламида оказалась подвешена на манер божественной жертвы. На ходу завязывая последний шнурок, Ульв отправился на поиски повелительницы фей.

Но продвигаться по Священной Таре оказалось нелегко: за каждым поворотом ожидало новое чудо: сжатые снопы на краю зеленеющего поля, полная телега яблок и малинник, красный, как невеста в первую брачную ночь. Спелая вишня и ни с чем не сравнимый аромат цветущего терновника.

Каждый встречный, будь то альв, лепреккон или тролль, низко кланялись Ульву (последние при этом широко лыбились и отпускали поощрительные замечания: «Мужик! Так держать! Знай наших!»)

Ульв остановился у куста, густо усеянного цветами и колючками. Протянул руку, чтобы сорвать спелый на вид плод, но лишь оцарапал руку и задумчиво засунул пораненный палец в рот. Обернулся на хихиханье за спиной.

— Простите, ард ри, — склонилась в глубоком поклоне уже знакомая юная альва, переводившая Ульва через мост. Как ему показалось: главным образом, чтоб скрыть новый смешок, рвущийся наружу. — Но у вас такой растерянный вид!

— Я растерян, — подтвердил новоиспечённый верховный король, не отрывая взгляда от злополучного куста.

— Разве вам не известно, о великий, — самым почтительным тоном, на который была способна, пояснила альва, — что благоденствие земель Пяти Королевств и их Изнанки напрямую зависит от ард ри и... его королевы? Если между ними царит мир, то солнце будет щедрым, а урожай обильным. Если же свою любовь королю дарит сама Душа Ирландии, то...

Сердце дёрнулось и пропустило удар. А потом, будто налитое золотом, ухнуло вниз, так что Ульв покачнулся.

— Любовь?

— Да, мой король, — пролепетала альва, испуганная расширенными глазами, невидяще уставившимися на неё, — величайшее волшебство...

Она не договорила. Потому что Ульв вдруг засмеялся. И никто не назвал бы этот смех счастливым.

Ард ри не видел, как убегает объятая страхом маленькая альва, сверкая аккуратными копытцами. Перед глазами у него был полутёмный склеп, а зубы стучали от могильного

холода.

— А если будешь любим в ответ — то ты убьёшь её. Понял? Ты её или она тебя. И тот, кто останется, делается бессмертным. Навсегда. Будет помнить. Вечно. Вечно. Вечно...

Нос корабля ткнулся в белый снег.

Онни ступил на пористый наст, нисколько не удивляясь, что Яблочный Эмайн оказался усыпан подснежниками и подозрительно напоминал Суоми ранней весной. Молодому нойду уже приходилось бывать в Верхнем Мире и беседовать с золоторогим оленем, который теперь величаво шествует навстречу, высоко поднимая ноги.

От Мяндаша Онни знал, что не только Благословенные Земли выглядят по-разному для каждого, кто попадает сюда, но и их хозяин не всякому представляется благородным зверем с сияющими очами. Пришельцу из нижних миров и в самых смелых мечтах не удастся вообразить себе Верхний Мир таким, каков он есть. Потому приходилось довольствоваться тем, что тебе желают показать.

Рядом с оленем-предком, обнимая его за мощную шею, шла девушка. Черты её лица были знакомы Онни, хотя он помнил её пожилой, а после и вовсе старухой. И всё же нойд не усомнился ни на миг. До земли поклонившись Мяндашу, он протянул к девушке руки, улыбаясь так солнечно, как умеют лишь жители северных земель:

— Бабушка!

Сату обняла внука. Олень наклонил голову, фыркнул, лизнул нойда в нос горячим шершавым языком и, взбив задними копытами тяжёлый снег, прыгнул вперёд и вверх, прогарцевал по воздуху, высекая инеистые искры, и исчез, будто его и не было.

— Ты отлично показал себя, мальчик, — сказала Сату и взяла Онни за руку.

— Да я ничего особенного не делал, — усмехнулся тот. — Просто следил, чтобы всё шло, как надо.

— Без тебя Золотоволосый бы не справился, — шаманка одобрительно похлопала Онни по плечу, — он ведь понятия не имел, куда править.

— Это заслуга Олли, — нойд осторожно сорвал подснежник, внимательно рассмотрел — на вид тот оказался самым обычным. — Он ведь учил меня ориентироваться в Море.

— Скромность украшает юношей, — рассмеялась Сату, принимая протянутый ей цветок. — Не будь ты моим внуком, я бы, пожалуй, влюбилась. Кстати, будь осторожней с Сигрид. Её теперь долго ещё будет тянуть на колдунов и магов.

Онни задумчиво почесал нос.

— Дочь ярла — не моя проблема. У неё есть отец, есть муж и есть возлюбленный. Онни рядом с ней будет явно лишним.

— Да? — юная красавица хитро сощурилась, сразу сделавшись лет на двадцать старше. — То есть ты отсюда отправишься прямо домой?

Молодой шаман замялся, но всё же ответил:

— Я... думал сначала немного попутешествовать. Из Верхнего Мира расходится много дорог...

— Ну да, ну да, — мелкими быстрыми старушечьими движениями закивала Сату, — ты-то нойд, умеющий ориентироваться в Море, тебе это по силам. А остальных бросишь на

произвол судьбы? Вернее, произвол Золотоволосого?

— Н-но... — нога Онни пробила подтаявшую корку снега, и он неловко остушился. — Я думал, Волк...

— Волку сейчас свои проблемы бы решить, — покачала головой шаманка. — Королева Туманов не просто так вернула ему сердце и раскрыла перед вами границу миров. Ульву предстоит сделать выбор. И последствия этого выбора могут быть настолько серьёзны для всех нас, что я бы посоветовала дать ему возможность сосредоточиться.

Шаман вздохнул.

— Если честно, мне не очень нравится Золотоволосый. И вести его за собой...

— Да кому он нравится? — в притворном удивлении округлила глаза Сату. — Но с его отцом вы быстро сойдётесь. У Мера эйп Аквиля тебе будет чему поучиться. Да и не только у него.

— Как скажешь, бабушка, — Онни надел на голову идущей рядом девушке венки из подснежников.

— Вот и молодец! — Сату беззаботно, как почти никогда не делала при жизни, щурилась на восходящее солнце и улыбалась. — Слушайся бабушку и будет тебе счастье.

Нос корабля ткнулся в белый песок.

Альвгейр в стремительном движении обернулся кругом, обозревая, запечатлевая, оценивая место предстоящего боя. Яблочный Эмайн! Лучший, богатейший и прекраснейший из сидов, созданных великим Дагдой. Для себя старался же! Вот только младшенький сын его, Ангус О'г, надул старика: попросил прекрасный дом для себя всего на один день и одну ночь. Что такое один день и одна ночь для вечных сидхе? Но то была ночь Самайна, когда время уничтожает само себя. Дагде пришлось довольствоваться другим домом. Тем, где его настигло забвение, для богов равное смерти. Ангус же и теперь остаётся вечно юным воплощением любви и властителем времени своего эмайна.

А ещё их связывает нежная дружба с Мэб. С Чёрной Мэб, королевой туманов, с добровольной изгнанницей Мэб, навсегда покинувшей блаженную страну высших сидхе, с последней из них, вобравшей в себя все чары, все умения и всю память Туата да Даннан, Фир Болг и королей-за-морем. Коварная Мэб, жестокая Мэб, злопамятная, никому не спускающая обид Мэб, положила их драккар в лагуну, как дикую сливу на блюдо. Альвгейр не сомневался, что придётся драться.

Но тут же об этом забыл. Потому что прямо перед ним стоял тот, кого Альвгейр не надеялся уже когда-нибудь увидеть. Ярл водных ши, замерший с отогнутой ореховой ветвью в руке, озарённый золотыми бликами утреннего солнца, был прекрасен, как мечта юной девы о вечной любви. Лепестки цветущего жасмина оттеняли белизну гладкой кожи, молодой ясень проигрывал ши в стройности, а безоблачное небо завидовало цвету его глаз. Благородный эйп Аквиль не изменился. Изменился тот, кто на него смотрел.

Вместо юного ши, едва не потерявшего сознание от восхищения в присутствии отца, перед Мером стоял ярл-викинг, внимательный, собранный и готовый грудью встретить любую опасность, дать ей подножку и переломить хребет. Мужчина в кожаных штанах, дублёных сапогах и шерстяном плаще разительно отличался от подобострастного юноши, раздетого в пух и прах по моде высших ши, хотя и был с этим юношей на одно лицо.

— Ты повзрослел, — сказал Мер и вышел из-за куста лещины. Несколько орешков

полетели на расстеленный плащ, увенчав внушительную горку своих собратьев, скорлупа ещё одного хрустнула под тонкими пальцами фэйри. — Бороду стал носить. Женился, как я слышал.

— Овдоветь успел.

— Сочувствую, — без тени сожаления в голосе произнёс ши. — Впрочем, после выходки Ульва сочетаться браком с кем-то из условно бессмертных тебе было бы проблематично.

Альвгейр погладил золотистые колечки бороды — гордости ярла — отмечая осведомлённость отца о причинах возникновения границы, так жёстко разделившей мир и его Изнанку.

— Ульв за свою выходку здорово заплатил. Мне — в том числе.

— Рад видеть, что вы, наконец, подружились, — светская улыбка высокородного ши, приправленная едва различимой перчинкой сарказма, обдала Альвгейра горячей волной ностальгического восторга. Воспоминания детства накрыли с головой.

— Я его ненавижу, — любезно сообщил викинг.

— Когда водишь дружбу с цвергами, это обычное дело, — подмигнул Мер, сделавшись похожим на озорного мальчишку. — Я, например, лет двести ненавидел Брокка, после того, как он увёл у меня Виону.

— Ульв редкий гад, без чести и совести, разбивший, к тому же, сердце моей дочери.

— Бывает, — ши со скучающим видом отправил ядрышко ореха в рот, всем своим видом давая понять, что и теперь не расположен выслушивать, как его сын ябедничает.

— А ещё он спас мне жизнь. Не один раз. И... просто был рядом. Всё это время. «С тех пор, как ты бросил меня на произвол судьбы» — уже мысленно добавил Альвгейр.

Мер снова улыбнулся. На этот раз загадочно.

— Цверги такие странные, не так ли?

Истекающий кровью Альвгейр упрямо полз через поле. Полз, во-первых, потому что стоять уже не мог — голова кружилась, а во-вторых, надеялся, что нежная поросль озимого ячменя хоть с какой-то стороны прикроет «дичь» от преследователей.

Кровь ши позволяла отбить у собак охоту бежать по следу. И в лесу ветви деревьев не стали бы рвать одежду в клочья, как это делали живые изгороди, через которые он продирался, а трава, поддавшись уговорам, распрямлялась бы за спиной, так что лучшие охотники не смогли бы отыскать берлогу, в которой он бы затаился, зализывая раны, как раненный зверь.

Но до леса надо было ещё доползти. Ячмень считал себя культурным растением, подвластным только человеку, и лишь презрительно покачивался на увещевания, произнесённые полукровкой языком фэйри.

В Льесальфахейме Альвгейр чувствовал себя почти неуязвимым: дин ши с юным принцем не дрались, (возможно, из высокомерного пренебрежения к его происхождению), а прочие так шарахались от железа в его руке, что это сложно было назвать боем.

В Мидгарде железа не боялся никто. Боялись чужаков. Особенно нечеловечески сильных, шутя обходящих дозоры и охочих до местных красавиц. Альвгейр смог бы справиться с любим из хирдманов конунга, к которому его отправил Мер. Но не со всеми сразу.

Правду сказать, правителю золотоволосый парнишка пришёлся по душе. Почтительный, но смелый, изящный, но сильный. А то, что жена конунга от него глаз не отводит... так и с папочкой его так же было. Конунг только рад: баба молодая, что ни ночь — покоя не даёт.

Поэтому ему про Альвгейра не говорили. Сами собрались, сами вызвали чужака на серьёзный разговор. По-мужски.

И вот теперь истекающий кровью Альвгейр упрямо полз через поле...

Ульв брёл, сам не зная, куда. Натыкался на деревья, путался в корнях, поскользнулся в ручейках. Но каждый раз вставал и гнал себя дальше, на север. Как можно дальше от границы миров, возведённой сердцем цверга, вырванным из груди.

А потом кто-то съездил Ульву по уху. Несильно так, но он снова не удержался на ногах. — Ты куда прёшь, сопля? Не видишь? Мы тут немного заняты.

Целую долгую секунду Ульв стоял на коленях, уперев руки в раскисшую после холодного дождя землю, и бессмысленно таращился на то, что попадалась на глаза: заляпанные грязью листья одуванчика, редкая изгородь, пронзительно зеленеющее среди голых деревьев поле, медленно ползущий через поле ши... и обернувшийся в золочёном проёме двери Брокк из-под Чёрной Горы.

— Я знаю, он тот ещё засранец. Но его отец спас мне жизнь. Не забывай об этом, если ты цверг.

Ульв медленно выпрямился. Для этого пришлось сбросить плащ — намеренно, или случайно, но его край оказался под сапогом одного из загонщиков, поджидавших главного «егеря».

— Что ты... — душераздирающий крик одного из товарищей мгновенно собрал хирдманов в круг, разбить который им было уже не суждено. Бесстрашные воины каменели от ужаса: худой зеленокожий человек оглядывал их исподлобья невыносимо-яркими изумрудами, которые, оказывается, носил вместо глаз. А на том месте, где людям полагается иметь сердце, у него зиял рваный провал.

— Драугр*, - побелевшими губами прошептал хозяин ячменного поля, только что хмуро наблюдавший, как его посева приносятся в жертву затянувшейся игре.

И тогда, сжав исписанный мелкими рунами амулет, в центр круга, лицом к лицу с порождением тьмы, выступил скальд и пропел гальд**, как и полагалось, самым высоким голосом:

Слушай ты

песнь Вегарда,

станет петь -

мир услышит,

бесполезную

всем внимающим,

беспощадную

к убеждаемым.

Духи заблудятся,

сбудется страшное,

дрогнут утёсы,

мир обезумеет,

погода испортится,

сбудется страшное,

коль ты, ходящий после,

не уляжешься в землю,

и не сгинешь там.

Могучие воины дивились смелости и мастерству поэта сил, мысленно восхваляли мудрость конунга, почитавшего скальда за мудреца и требовавшего оказывать задохлику уважение. Заклинание, кажется, начинало действовать: чудовище стояло, не шелохнувшись, чуть наклонив голову набок, внимательно слушало. Однако стоило певцу сделать крохотную паузу, чтобы набрать воздуха, драугр подхватил гальд, да так ловко, точно это была его собственная песнь:

Так я на грудь

тебе надавлю,

что твоё сердце

сложут гадюки,

уши твои

никогда не услышат,

очи твои

наизнанку повывернет,

коль ты сейчас же язык

свой не вырвешь
сам, ибо
позорен твой голос
для гальдера***.

Песнь зеленокожего хотя и была исполнена столь же высоким голосом, отличалась от гальда викинга выразительностью и соловьиными переливами. Вегард самому себе показался тусклым и бледным, рука решительно потянулась к никчёмному языку...

— Опомнись! — один из хирдманов, приходившийся скальду свёкром, ударил певца по руке, а потом, на всякий случай, ещё и по щеке, чтобы в себя пришёл.

Вегард замотал головой: словно туман упал с глаз, а в уши ударом грома врезался хруст сломанной шеи — отец его Герды, прекрасной, но падкой на ласки синеглазого чужака, лежал на земле, а по спине его топтался сгусток тьмы. Скальд заорал от ужаса, встретившись глазами с мертвенно-зелёными, болотными зрачками.

«Я предупредал...» — было последнее, что услышал певец, ибо пророчество Ульва не замедлило сбыться.

Продавленная грудь, выскочившие из орбит глаза — на труп Вегарда было жутко смотреть. Цверг и не смотрел. Он разглядывал выдранное из шеи горло. Наконец, разжал руку, и окровавленный клочок плоти упал на тело того, кому недавно принадлежал.

Ульв оглядел викингов, приоткрыв по-волчьи острые зубы в сумасшедшей ухмылке:
— Следующий.

***Драугр** — (от древнеисл. draugr, мн. ч. draugar, норв. draug) — в скандинавской мифологии оживший мертвец, близкий к вампирам.

****Гальд** — (др. — сканд. galdr, мн.ч. galdrar) — древнескандинавский термин для обозначения заклинания или заговора, который распевались во время определенных ритуалов. Исполнялся фальцетом как мужчинами, так и женщинами.

***В обоих гальдах частично использован текст «Саги о Боси и Херрауде» (Bosa saga ok Herraus).

Альвгейр не поверил своим ушам. В первый раз, когда услышал заклинание против мертвеца: если бы умер он сам, то, уж конечно, это бы заметил, а в то, что на его преследователей какой-то доброжелатель натравил драугра верилось не то что с трудом — вообще не верилось. Не было тут у Альвгейра таких доброжелателей. Он старался, как мог, скрывать свою власть над ветрами, дикими животными и растениями, а особенно, над водой, но гальдеры всё равно его ненавидели. Вельвы* просто сторонились. Сейдменов

Альвгейр сторонился сам. И даже не просто сторонился, а...

Но во второй раз Альвгейр решил, что просто спятил. От непомерного перенапряжения, от отравления холодным железом, да мало ли! Из-за того же сейда**. Потому что ни с каким другим нельзя было перепутать голос подлой землеройки, ставшей Великим Бардом Пяти Королевств Ирландии (Да кто бы сомневался!) Нечего Ульву делать на полях Норвегии. И всё же... именно этот голос выкрикивал глумливые стишки со дна водяной воронки, и у полукровки-ши до сих пор алеют щёки от стыда и ярости при одном воспоминании об Ульве, сыне Брокка из-под Чёрной Горы.

Кто-то схватил Альвгейра за шиворот. Давно превратившаяся в лохмотья рубаха с мстительным треском отбросила ворот. Тогда этот кто-то, обладавший острыми когтями, подхватил ши под грудь и зашвырнул в ручей, будто обычный кожаный мяч. Измученный альв упал в ласковые объятия лесной воды и потерял сознание.

Утро было хмурым. По земле стелился плотный туман. Альвгейр определил его как гостя с Той стороны: белое марево поглощало звуки и не пускало к земле прямые лучи солнца: только по слабому молочному сиянию можно было догадаться, что где-то там, в Верхнем Мире, светило всё-таки существует.

Раны едва-едва затянулись. Полукровка восстанавливался гораздо дольше высокородных альвов. С другой стороны, такое количество железа для чистокровного ши стало бы трижды смертельным. Впервые в жизни Альвгейр возблагодарил судьбу за то, что мать его не была уроженкой Холмов. И по привычке возблагодарил кровь отца, обращавшую все силы природы в его молчаливых союзников. Подумав о союзниках, полукровка поёжился: у одного из них были очень острые когти. И до дрожи знакомый голос.

Искать пришлось долго. Плотный туман скрывал разбросанные по полю тела, Альвгейр то и дело о них спотыкался. Наклонялся, разглядывал неестественно вывернутые шеи, разорванные глотки, распоротые животы, переломанные в нескольких местах позвоночники и кости. Что двигало тем, кто вымещал на людях Мидгарда свою первобытную ярость? Альвгейр провёл здесь не так много времени, но успел побывать в четырёх крупных битвах. Нечеловеческая жестокость, с которой отнимали жизнь на этом поле, морозом продирала по коже и в самом деле наводила на мысли о ненасытном драугре. Жадно лакающее горячую кровь чудовище, в попытке заполнить собственную сосущую пустоту поедающее ещё бьющиеся сердца. Нечисть, выходец из Мира Мёртвых, жестокий, обречённый на вечный голод, беспощадный...

Он лежал в двух шагах от кромки леса: Альвгейру пришлось сделать круг по полю, чтобы найти. Сначала попался необычно целый труп лошади. Молодой хирдман с синими глазами не раз подмигивал красавцу-жеребцу, после чего тот неизменно под общий хохот сбрасывал наземь своего хозяина. Альвгейр знал, как торопился на расправу над шутником недавно женившийся ярл... Не дождётся прекрасная Исгерд***, неприступная с виду Исгерд, такая горячая на ложе страсти Исгерд домой своего мужа. Не дождётся и того, под кем стонала дикой кошкой, кому расцарапала спину и кого в полузабытьи звала «мой господин». Интересно, по ком она будет плакать больше?

Думать об этом было не особенно приятно. Но всё же гораздо приятнее, чем о том, кого Альвгейр так долго искал, продираясь через проклятый туман.

Об Ульве.

Он лежал на груди могучего ярла, как нежная возлюбленная после бурной ночи. Поистине, и эта ночь выдалась бурной. У человека был разбит череп. А цверг получил новый

железный доспех из стрел и обломков копий, застрявших в его тщедушном тельце. Когда Альвгейр попытался разделить два тела, его, наконец, стошнило: кулак ярла застрял глубоко в груди его убийцы. Куда делось сердце, которому полагалось быть у цверга в груди, ши так и не понял.

Видят боги, он хотел его сжечь. Огонь — прекрасная и единственная надёжная возможность окончательно упокоить драугра. Альвгейр даже разложил костёр, мучительно гадая, удастся ли поджечь его в этом проклятом тумане.

Но что-то грызло изнутри. Он даже не смог уложить тело на дрова: руки безвольно опустились, отказываясь служить.

Если бы цверг не вышвырнул его с этого омерзительно зелёного поля, на месте торжественно забитой нечисти оказался бы водный ши-полукровка.

Весь оставшийся день и всю следующую ночь Альвгейр эйп Аквиль, внук королевы холмов, вырезал на рябине, дубе и тисе священные руны, которые прилежный ученик зазубрил когда-то наизусть. На рассвете ши, которого вода не считала полукровкой, совершил омовение. Подготовил тело цверга: достал из него всё железо, окропил заговорённой водой, расчесал прямые и жёсткие, как шерсть северного волка, чёрные волосы. Перехватил их кожаным ремешком, как принято у кузнецов Свартальфахейма.

И спел собственный гальд.

Если Альвгейру когда-нибудь придётся умереть, он хотел бы быть похоронен в море. В холодном северном море, прозрачном и чистом, как слеза, родным, ласковым и вечно юным, как бабушка, заменившая сыну Мера мать.

А цверг хотел бы покоиться в земле. По крайней мере, так казалось Альвгейру. Конечно, в идеале надо бы сделать курган: построить маленький домик из камней и брёвен, уложить туда оружие и личные вещи... да только нет у Великого Барда ни оружия, ни украшений, ни чего-то, что стоило бы назвать одеждой. Впрочем, сам Альвгейр сейчас немногим богаче. А копать яму обломком меча для измождённого, умирающего от голода ши оказалось чудовищно тяжело. Искушение приманить и зажарить кролика было велико. Но Альвгейр держался: до конца обряда оставалось всего ничего.

Когда он опускал тело в землю, проклятый цверг тарачился узорчатыми малахитовыми глазами. Альвгейр подумал, что до конца жизни теперь будет ненавидеть зелёный цвет.

Ночью он вызвал бурю, которую оценила бы сама королева Мэб. Покрытые рунами деревья стонали, как испуганные дети, под порывами ветра, а дождь хлестал плетью-семихвосткой, но Альвгейр стоял над земляным холмом и выкрикивал в ночь гальд за гальдом.

Утро выдалось ясным. Ночной дождь смыл туман, утопил его в ручье, закрутил широкой воронкой и загнал в землю у подножья могильного камня. И целый день Альвгейр просидел, прислонившись к камню спиной. И жалел, что проклятый цверг и у него не выдрал горло — так там всё опухло, болело и саднило. «Ну ничего... — успокаивал себя альв. — Уже после заката можно развести костёр. И кролика. Двух кроликов. Может, сразу оленя?»

Насмешливое карканье слетевшегося на поле воронья заставило Альвгейра вздрогнуть. Голод больше не давал о себе знать. Как и полагалось отправителю священного ритуала очищения, он направил мысли на высокое и вечное.

После захода солнца холм стал раскачиваться, так что пришлось с него слезть. Альвгейр не очень чётко представлял себе последствия, к которым должны привести его заклинания.

Отец всегда говорил, что это его главная проблема. И не только в отношении магии.

Могильный камень провалился вниз, а на поверхность выбрался Ульв. На вид живой и совершенно невредимый: на месте зиявшей в груди раны не оказалось даже шрама. Драугру полагалось бы походить на разлагающийся труп и увеличиваться в размерах, но Альвгейр всё равно решил осведомиться:

— Это... ты?

Цверг издал нечленораздельный звук и принялся отряхиваться от налипших комьев земли.

— Там, на поле... — терзая несчастное горло, прохрипел светлый ши.

Ульв медленно поднял узкое лицо и впился в него яркими, убийственно-изумрудными глазами. Альвгейр попятился.

— Просто заткнись, — сказал цверг. Буднично, с хорошо знакомым пренебрежением, одной этой фразой сметая сомнения в своей теперешней сущности. — Голоса у тебя нет.

* **Вельва, Вёльва, Вала** или **Спакуна** (др. — сканд. *Volva, Vala, Spakona*) — в скандинавской мифологии провидица.

****Сейд** — Сейд считался черной магией.

Если адепты других школ пользовались почетом, то сейдменов окружала аура страха и недоверия.

Символом этой школы были ментальные атаки, подчиняющие разум человека, и сводящие его с ума. В конечном счете это могло привести к его гибели. Так же Сейд был способен вызвать буквально безумную любовь.

Для совершения Сейда его адепты должны были войти в транс. При этом использовались специальные словесные заклятия, причём в отличие от гальда, это были не стихи, а именно отдельные слова, выкрикиваемые во время обряда. В идеале их должны были произносить окружающие, но в крайнем случае это мог делать и сам маг. В результате сейдмены привлекали внимание злых духов или (по другой версии) темных эльфов, которые выполняли их волю.

Известно, что сейд сопровождался некими действиями, которые скандинавы считали неприличными (*ergi*). Этот термин можно перевести как «извращение».

*** **Исгерд** — «Льда защита»

— Так и знал, что ты, негодяй, за мамку будешь прятаться! — Разъярённый цверг выскочил из чащи, словно камень из пращи. — Гадёныш, мало я тебе уши за девчонок крутил!

— Я тоже рад видеть тебя, отец, — сдержанно произнёс Ульв, не выказав и намёка на раскаяние. Он разглядывал онемевшую от смущения, прячущую глаза Сигрид.

— Мужик ты или как? — продолжал кипеть Брокк. — Наобещал девчонке золотые горы и небо в алмазах, а теперь в кусты? Разве я этому тебя учил? Слово цверга твёрже алмаза должно быть!

— Что я обещал тебе, Сигрид? — спросил Ульв мягко, так что девушка вдруг разом

поблелдела. Точно таким тоном говорил с ней муж в ночь Бельтайна, в ночь, когда смертная песня волка пронеслась над лесами Исландии.

Но уже в следующий миг дочь ярла гордо вскинула голову и смело посмотрела Ульву в глаза. Отчеканила звонко и разборчиво:

— Ты поклялся защищать меня и весь мой род, Ульв, сын Камня и Зелёных Холмов!

Он усмехнулся. А Сигрид будто пронзило насквозь зелёной стрелой, в глазах зарябило от мельтешения листвы, и шёпотом ветра прозвучал вкрадчивый голос Великого Барда:

— До каких пор?

И Сигрид уже не было на поляне, заросшей орешником и рябиной. Она перед алтарём Вар, в свадебном наряде, так же, как в тот раз, боится взглянуть на стоящего рядом мужчину с волосами цвета воронова крыла и узким волчьим лицом. Но слышит, как и тогда, пронзительно-отчётливо:

— ...до самой своей смерти.

Брокк переводил недоумённый взгляд со своего шельмы-сына на девчонку, по щеке которой скатилась одинокая, но очень тяжёлая, слеза, и ничего не понимал. А Ульв произнёс ласково:

— Я выполнил, что обещал?

Сигрид раздражённым движением отёрла лицо и бросила в безжалостные смарагдовые глаза:

— Да! Ты мне ничего не должен!! Я развожусь с тобой, Ульв!!!

— Потому что?.. — сделал он приглашающий жест.

— Потому что я так хочу!

— Нет, — Ульв сложил руки за спиной и произнёс чуть-чуть изменившимся тоном, и огонь ярости Сигрид угас. — Нужна причина.

— Я развожусь с тобой, — произнесла девушка тихо, едва расслышав саму себя, — потому что ты меня не любишь. И никогда не любил.

— Да будет так, — торжественно кивнул Ульв. В голосе Великого Барда она различила облегчение. И благодарность. — Папа, мама! Позвольте представить вам прекрасную Сигрид, дочь ярла Альвгейра эйп Аквиля, которая отныне мне больше не жена.

— Виона! — взмолился Брокк, как делал всегда, если странное упрямство отпрыска ставило его в тупик. — Ну что ты на это скажешь?!

— Что скажу? — лепрекониha задумчиво поднесла крохотные пальчики к губам, и пристально оглядела Сигрид, будто та была диковинной статуэткой. Девушка, в свою очередь, занялась разглядыванием несостоявшейся свекрови, просто, чтоб скрасить неловкость. — Я скажу, — неожиданно заявила Виона, — что притащить на остров Ангуса О'га воплощение Фрейи — не самая лучшая твоя идея, сынок. Боги вообще существа ревнивые, а уж те, что отвечают за любовь...

— Ты о чём вообще? — обескураженный вид Ульва несколько примирил с происходящим его отца, хотя и не особенно прояснил происходящее.

— Я о том, что нам пора сваливать, — деловито заявила женщина с лисьим личиком, сунула два пальца в рот и так залихватски свистнула, что у Сигрид заложило уши.

От пронзительного свиста у Альгрейва заложило уши, так что отца он услышал как

сквозь вату:

— Пора сваливать.

Мер закинул на плечо полный орехов плащ и стремительно ринулся прямо в чашу, бросив сыну:

— Не отставай!

— Что случилось? — выкрикнул в удаляющуюся спину Альвгейр, честно пытающийся не отставать, но с трудом поспевающий за легконогим родителем.

— Не знаю, — на бегу отозвался Мер. — Но Вионе виднее. Она тут местная. Потом выясним, как отчалим.

— Она — местная, — Альвгейр споткнулся, — а... ты?

— А я, — высокородный ши заложил изящный вираж и свободной рукой ухватил сына за рукав, намереваясь тащить его за собой, как Брокк юную Сигрид, — а я, дорогой мой отпрыск, как ты помнишь, родился в Льесальфахейме.

— То есть вы... — заикаясь, протянул ярл, — вы...

Мер перехватил его взгляд, прикованный к плащ-мешку, и с удовлетворением подтвердил:

— Мы с Брокком ворует тут орехи знания. Знание, которое достаётся тебе легко — ничего не стоит, запомни это, о юный... гхм... о зрелый... в общем, сын мой. Вроде твоих пиратских набегов, но менее кроваво. Правда, в прошлый раз вместо добычи мы увезли отсюда Виону... она, знаешь, не сразу согласилась, но мы поняли: это судьба!

— Я должен найти своих людей, — при упоминании о морском разбое Альвгейр вспомнил, что он уже не юный восторженный ши, а викинг. Более того, ярл. Он встал, как вкопанный, и решительно сбросил руку Мера со своей. — Я в ответе за них!

Ши страдальчески закатил глаза.

— О, боги! Твоих людей? Вот этих? — Мер небрежно отодвинул в сторону целый пласт леса, открыв панораму яблоневого сада. Спелые плоды блестели в ветвях, перекатывались в сочной траве. Викинга обдало густым запахом домашней выпечки, ласкового лета и чего-то беззаботного, чему нет названия, и что можно в полной мере ощутить только в детстве. Альвгейр же мог лишь стоять и смотреть, как по деревьям карабкаются неуклюжие медвежата, волчата с широкими лапами кружатся, пытаясь поймать за хвост себя или друг друга. А между ними кувыркаются карапузы, самому старшему из которых от силы года четыре. Умилительные малыши не были похожи на воинственный хирд. И всё же это был именно он.

— Это... Ангус их? Так? — простонал ярл.

— О, нет, — Мер подозрительно щурился, любуясь мирной картиной. — Зачем ему? Но не забывай, где мы находимся. Яблочный Эмайн — остров блаженства и вечной юности. В ваших краях считают, что за этими садами присматривает Идунн. Что, по-твоему, сделали твои люди, как только наткнулись на вожделенные плоды, избавляющие от старости, болезней и смерти?

Альвгейр тоскливо взвыл:

— Расколдовать их можно?

— А разве они заколдованы? — фыркнул Мер. — Они блаженны и счастливы, как боги. Как большинство из здешних богов.

— Я не могу просто так их бросить!

— Тогда оставайся, — Мер кивнул на поляну. — Можешь за няньку побыть, хотя она

тут и без надобности. Только имей в виду, твои хирдманы тебя даже не вспомнят. А мне пора. С внучкой познакомиться хочу.

— Сигрид! — Альвгейра окатило холодом. Как он мог о ней забыть! — Она... она тоже?!!

— Да не-е-ет, — Мер небрежно выпустил ветку, которую держал всё это время в руке, и чудесная поляна уменьшилась, отдалилась и вовсе исчезла за непролазными зарослями леса. — Нашу девочку Брокк перехватил.

— Откуда ты знаешь? — подозрительно прорычал викинг, следуя за ши.

Мер только рассмеялся и засвистел очень похоже на малиновку.

— Ах ты ж, Двалин! — взревел Брокк, сбросил с себя и Сигрид, и мешок с орехами боевая секира взрезала воздух...

— Дорогой, ты же не станешь бить этим детей, — интонация Вионы была отнюдь не вопросительной, так что цвергу ничего не оставалось, как сопеть и сжимать в крепких ладонях любимое оружие, пожирая взглядом любимый корабль, облепленный любопытными подростками, как виноградная гроздь мошками. Корабль, надо сказать, был исключительным, и вполне стоил внимания, которое ему оказывало юное население острова: небольшой, изящный, как дельфин, гордо изогнувший носовую часть, он сверкал на солнце, так что было больно глазам. Корабль из стекла. Не совсем обычного, конечно, цвергского стекла, секрет которого Брокку открыл завалившийся в кармане со времён похищения Вионы орешек. Волшебное судно стало общим детищем для цверга, ши и той, что упорно называла себя лепреконихой. Выглядело это творение золотых рук мастера-цверга не менее впечатляюще, чем дворец Короля-под-Горой.

— Копья у них отнюдь не детские, — Онни вышел на берег одновременно с Мером и Альвгейром, только с другой стороны леса. Коротким движением вогнал в землю подтверждение своих слов.

Викинг тут же схватился за древко, повертел, попробовал в руке. Усмехнулся:

— Неплохо, шаман! Меньше часа на острове — и уже с трофеем. Как ты?.. — Пока говорил, Альвгейр, наконец, осознал, что рассматривает медленно тающий снег на сапогах нойда.

Онни проследил его взгляд и энергично топнул пару раз, уничтожив погодную несуразицу. Хмуро произнёс:

— Да пришлось тут пару ушей надрать. Чтоб к медведям спящим не лезли.

Виона тихонько прыснула в ладонь.

Раздался скрежет: юные «блаженные» пытались взломать люк в палубе. Почти в той же тональности заскрипел зубами Брокк. Мер покосился на него сапфировым глазом, накрутил на палец золотистый локон, привалился к ближайшему дереву и звонко заявил:

— Тоже мне корабль! Он даже не похож на настоящий. А в лагуне стоит драккар викингов!

Полтора десятка вихрастых голов повернулись в его сторону. Благородный эйп Аквиль словил каждый взгляд в отдельности, связал единой сетью и подсёк, плавно переведя центр общего внимания на мужественную фигуру Альвгейра.

— Викинги! — разорвал небо радостный ор. — Чур, я буду ярлом! — А я — конунгом! — Ая... а я... тогда Тор!!!

Ураганный ветер пронёсся мимо, и вот уже только мягкий бриз ласкает лица и волосы собравшихся на берегу, играет их растрепавшимися локонами. Молчание оседает вместе с песком, взбитым твёрдыми маленькими пятками.

— Ты... только что отдал им наш корабль, отец? — медленно, с расстановкой произнёс Альвгейр. — Тот, что мы с Ульвом ладили своими руками, с которым я отвоевал себе жену и землю, на котором...

— Забудь о нём, — Бард отряхнул плащ и зелёным морем спокойствия встретил шквал ярости викинга. — Каким бы хорошим ни был деревянный корабль, ему никогда уже не покинуть здешних берегов.

Мер положил руку сыну на плечо и проникновенно произнёс:

— Считай, что это прощальный дар вождя своему хирду.

— Эти — не мой хирд! — вскричал Альвгейр, махнув рукой в сторону леса.

— Поднимайтесь на борт, — прервал его Брокк. — Отчаливаем как можно скорее. Виона зря полошить не будет.

Первым по сходям взбежал Онни и принялся оглядываться, как ни в чём ни бывало. Мер с Альвгейром под руки вели беспрестанно оглядывающуюся на Ульва Сигрид. Семейство Брокка слегка замешкалось на берегу. Цверг хмуро оглядел сына.

— Дай угадаю. Ты с нами не поплывёшь?

Тот покачал головой.

— Мне с вами сейчас не по пути. Прослежу, чтобы вышли гладко, и по времени не очень глубоко.

— А сам? — Брокк нервно поглаживал рукоять секиры.

— К Мэб, — ответил Ульв без тени колебания. Виона чмокнула его в щёку и не очень понятно изрекла:

— Я горжусь, что ты сделал меня своей матерью.

Брокк тяжело вздохнул и тоже обнял сына. Тихо сказал ему на ухо:

— Суровую бабу ты себе выбрал. Тяжело будет.

Ульв покосился на мать и усмехнулся:

— Это семейное.

— А где вёсла? — спросил Онни, не обнаруживший даже уключин. — Или парус?

— Не надо ничего, — Мер погладил корабль по длинной шее, тот игриво изогнулся. Альвгейр остро затосковал по своему драккару.

Брокк с Вионой подошли к водному ши, палуба вздрогнула, и сверкающее судно заскользило по воде. Довольно скоро море подёрнулось рябью, волны, прежде ласково облекавшие борта, бились о них всё яростнее. Тоскующий Альвгейр хотел, было, их успокоить, но Мер его остановил:

— Мы ещё не далеко отошли, это море Ангуса. Тебя всё равно не послушается, да и ему вряд ли понравится. Корабль выдержит. Скоро уже первый порог...

И тогда до них долетела песня. Голос Великого Барда успокаивал воду, будто целый груз разлитого масла, нежные звуки расцветали в небе лепестками рассвета, чудесный корабль летел, как на крыльях, едва-едва не отрываясь от поверхности. А Сигрид стояла и шмыгала носом.

— Поплачь, — Виона обняла девушку за плечи и ткнулась острым подбородком. — Он ведь для тебя поёт.

— Правда?

— Уж не знаю, что из этого правда... ты умеешь делать вкусный скир?

Сигрид невольно рассмеялась.

— Эта песня про то, как я готовлю скир? Не может быть!

— Жаркое из кабана тоже хвалит, — пожала плечами Виона.

Ульв старался. Он душу вложил в эту песню: сыновнюю любовь, годы странного товарищества с Альвгейром, нежность и благодарность к маленькой Сигрид, уважение к Онни, наследнику милой Сату, сплетал он словами разных языков, наполнял ветром и солнцем. И довольно скоро стеклянный корабль Брокка пересёк границу, за которой море поменяло цвет, выскочил из воды, на мгновение завис в высшей точке полёта, ослепительно засверкав в лучах восходящего солнца, обернулся вокруг своей оси и нырнул вниз, весело взмахнув хвостом на прощание, будто резвящийся кит.

— Очень трогательно, — сказал кто-то за плечом Ульва, и туман Кенн Круаха сам собой взметнул чёрный плащ, завихрился вокруг Барда, коконом укрыл всё вокруг.

— Впечатляет, — закашлялся Ангус О'г. Он шурился, разгоняя марево, словно это был едкий дым.

Ульв взял себя в руки и в пару движений рассеял непрошеное колдовство. Церемонно поклонился синеглазому юноше, окружённому птицами и светом.

— Прошу прощения. Сорвалось.

— Бывает, — пожал плечами бог и уселся на выглаженный волнами огромный плоский камень. Зарылся босыми ногами в светлый песок. Некоторое время оба молчали, разглядывая горизонт.

— Хорошо спел, — Ангус удовлетворённо откинулся назад, отёрся о полусогнутые локти. — Ювелирно, можно сказать. От Ирландии довольно близко вынырнут, правда, Сигрид при всём желании уже на коронацию Эрика не успеет. Ты всегда со временем слишком сильно мудришь: вся система в разнос идёт, стоит вам по разным мирам разбежаться.

Ульв скинул плащ на песок и уселся рядом с камнем хозяина острова, на котором царствовал вечный Самайн.

— Всё нормально было, пока она дыру в границе не нашла, — буркнул цверг, ковыряя ножом песок.

— И это тоже был только вопрос времени, — усмехнулся Ангус. — Времени и ряда трагических стечений обстоятельств.

— Я всё поправлю, — Ульв откопал плоский гольш и блинчиком запустил его по воде.

— Попробуй, конечно, — Ангус зевнул. — Что тебе остаётся? Я с удовольствием посмотрю.

На этот раз Ульв не пел. Напротив, он сам растворился в шёпоте листвы, распался на прошлое, глубоко в корнях Свартальфахейма, будущее, на робких лепестках весенних цветов, а между ними был ствол мирового дерева, и Ульв устремился по нему вверх и вниз, живительным соком и потрескавшейся корой.

Вот рыжий Эрик хватает за руку свою неверную фею и рычит ей в ухо: «Королевская шлюха!» — А она лишь смеётся и обнимает его за шею...

Вот корабли викингов у берегов Ирландии. Есть в этом что-то неправильное. Ах да! Сейчас зима. А корабли стоят на приколе. Случилось то, о чём предупреждала королева Мэб: однажды они не захотят уйти с награбленным из монастырей, а решат остаться.

Волк рычит и раздражённо скалит зубы. Долго его не было здесь, сейчас... но земля уходит из-под ног, приходится взмахивать крыльями, подниматься вместе с горячими потоками воздуха, парить... горячо от пожаров. Изумрудный остров раздирают стычки и битвы. Кажется, здесь, в Мидгарде, ничего не знают о нежной привязанности Пака к ирландке Геро, потому что Туманный Альбион вместо друидов посылает теперь только вооружённых людей.

Больше нет Пяти Королевств. Холодный пот градом сшибает Ульва в море, он падает, бессильно стараясь зацепиться за воздух и время, которое словно срывается с цепи и летит, как обезумевшая лошадь: католическая церковь, король Генрих, английские бароны на ирландских землях, грабежи, насилие, поборы, низложение бунтаря ард-ри собственными сыновьями...

Ульв вынырнул из омута истории, захлёбываясь от негодования и ужаса.

— Что... что это было?

— Войны, — Ангус смотрит на него с сожалением. — Порабощение и упадок. Зима.

— Но Мэб? Почему она ничего не сделала? Она ведь была уже свободна!

— Мне ответить, или вспомнишь сам?

Ульв, взмокший и жалкий, снова опустился на белый песок. Такой белый, что от него слезились глаза. Белый, как сверкающие залы Священной Тары. Ладонь заныла, и Ульв не удержался, посмотрел, не осталось ли следов от разговорчивого лезвия, ненавидящего фоморов.

— Останавливать кровопролитие ей и прежде плохо удавалось.

— Да и с чего бы ей это уметь? — Ангус беспечно взбивал пятками песчаную бурю. — У неё ведь был король. Суровый, но справедливый ард ри, железной, вернее, каменной, рукой державший Пять Королевств.

На этот раз у Ульва в глазах потемнело.

— А знаешь, — продолжал хозяин Яблочного Эмайна, — вот о тебе никто не сожалел. После вашего «сколько можно быть вечно юными, пора уже и о детях подумать», о тебе и не вспоминали почти.

Со дна времён, из тёмных пещер памяти, о которых Ульв даже и не подозревал, поднимался стеклянный корабль. На его палубе стояли двое, держась за руки, и смотрели вперёд, на молодую, покрытую нежной зеленью землю. Землю, которую мужчина только что сотворил...

— А вот по ней тут тосковали, — издали пробивался голос Ангуса. — Ведь как пела! Нет, я понимаю, конечно, у вас там семья, всё общее, и туманы, и плодородие, но с тех пор, как ты голосить взялся, она даже на арфе играть перестала. Поющий камень это разве что любопытно, но когда Душа поёт, не сравнить же...

Ульв со стоном сжал ладонями голову. Казалось, она распадается на куски. Обрывистые кошмарные сны, преследовавшие его во время недолгого окаменения, хлынули со всех сторон. Чудовищно-яркие, подробные, живые.

Бессильно опущенные руки. И рыдающая любимая.

— Они умерли! Все!! Из-за того, что мы поссорились с тобой!!!

Он обозревал последний город, в который перебирались заражённые красной чумой дети Паротлона. Их остатки. Так было проще друг друга хоронить.

Он не знал, что ответить.

— Разделить потомков Немеда казалось такой удачной идеей, — вздыхал Ангус, отмахиваясь от своих птичек, беспрестанно вьющихся вокруг. — Всё-таки надёжнее... кто ж знал, что они все выживут, а потом передерутся за историческую родину?

— Люди... разучились слышать её голос, — хрипло, низким рокотом гейзера, сообщил тот, что когда-то своими руками прорезал русла рек и ваял складки гор. — Ещё тогда. Поэтому говорить приходилось мне...

— А у тебя не было правых и виноватых, — подтверждал легкомысленный хозяин Яблочного Эмайна. — Всех всмятку и на удобрение полей. Лесов... тебя, в общем.

Ульв его больше не слушал.

Перед внутренним взором стояла маленькая женщина с подозрительно сухими грозowymi глазами, закутанная в чёрную шаль.

«Я ухожу», — так просто звучит.

И ушла она так просто. Сказала, что не может бросить туалет, даже если достучаться до них почти невозможно. Надеется, если стать одной из них, поселиться в соседнем сиде и приходиться на их торжества, её смогут услышать?

Не может бросить это проклятое племя... а его, значит, может?

Отголосок древней ярости вулканической лавой опалил грудь. Что он тогда устроил? Извержение? Землетрясение? Шторм? Вырванные с корнем деревья точно были. Кривые, приземистые... яблони. И синеглазый малыш, протягивающий спелый плод.

Птицы поют...

— А много ты тогда сожрал. На десяток воплощений хватило, наверное. Забвение с запасом, хе-хе... и всё равно тебя к ней каждый раз тянуло. Какой бы тварью безмозглой не бегал — всё рядом. Что волков пасти, что стаи воронов в долину Маг Туиред стягивать...

Тёмные глаза королевы, которую теперь называют Мэб, а в самой глубине — короткая молния узнавания.

— Ты не похож на цверга.

— Ты не похожа на фею.

Косые взгляды, снисходительная улыбка в ответ на его самые обольстительные песни, доверчивая мягкость и слёзы... слёзы под аккомпанемент сердца цверга. Ульв думал, что Мэб, менее ослеплённая страстью, вспомнила о его трагическом проклятье. Проклятье! Предсмертное бормотание несчастного старика, игрушки детские... как и все эти копошащиеся потомки Немеда. Для него это всегда были лишь игрушки. Но не для неё. Даже великие сидхе были для их создательницы любимыми, хоть и неразумными, детьми.

— То, что я видел... Ирландия — наполовину под пятой английской короны, наполовину и вовсе... республика. Так будет? — песок скрипел на зубах, и голос выходил совсем не похожим на принадлежащий Великому Барду, срывался в низкий хрип.

— Уже есть, — Ангус О'г подобрал под себя ноги. — А ты чего хотел? Сам же отделил Мидгард от Изнанки, изгнал из него всё колдовство, оставил лишь бледные воспоминания. А боги не живут без веры. Ты посадил свою Мэб за стекло, но забыл, что для цветка, как для огня, нужен воздух. Если раньше ирландец верил в фей и лепреконов, теперь он верит только в виски и картошку.

— Это я убил Душу Ирландии. — Зелёные глаза помертвели, лицо цверга криво потрескалось горькой усмешкой. — Я всё-таки её убил.

— Яблочко? — Бог любви был сейчас олицетворением безмятежности. — Полегчает.

Ульв с рычанием зашвырнул лоснящийся плод в хмурое море. И даже руку о штаны вытер.

— С детства их ненавижу!

Под ногами скрипит снег. Гигантские ели прикрыли вдовый наряд белыми шальями. Цветочные феи спят глубоко в своих норках, болотные огоньки затаились на дне омута, спасаясь от стеклянного волшебства льда.

Тот, чьи ноги заставляли снег скрипеть, затруднился бы с ответом, если бы его спросили, кто он такой. Древний бог? Плоть и кровь этой земли, камень, однажды обретший собственный голос? Чёрный волк Смерти с изумрудными очами, ворон, выклёвывающий глаза поверженным воинам, или угорь, однажды попавшийся элементалю земли и его странной жене?

Когда-то он был ещё и друидом. Поэтому теперь остановился у подножия священного дуба. Дерево молчало, скованное сном. Бурые листочки, так и не облетевшие по осени, заледенели и походили теперь на сотни скрученных маленьких тел. Жалкое жертвоприношение вступившей в свои права зиме.

Когда-то под корнями этого дуба жили лепреконы. Целый клан маленьких рыжих человечков прорыл сотни ходов, не потревожив ни покой дерева. Залы, кладовки и коридоры переплетались, переходили друг в друга, а члены клана Мак Моран сидели на корнях, как на извилистых скамьях, полировали их сотнями зелёных рукавов, ели размоченные в молоке ячменные лепёшки и тачали кожаные ботиночки долгими зимними вечерами, так что даже через завывание вьюги пробивался стук сотен молотков.

Сейчас было тихо. Так тихо, что мужчине в чёрном, подбитом мехом, плаще, стало даже не по себе. Он засунул голову под верхний корень, но не нашёл там ничего, кроме темноты, зато получил целый сугроб за шиворот.

Шипя и отфыркиваясь, он выбрался обратно на тропинку, которую сам же и проложил. И обнаружил, что уже не один.

— Мак Мораны переехали, — сообщила Мэб с небрежной невозмутимостью.

— Далеко? — бывший друид и сам не знал, почему семейство лепреконов так его интересует. Но что-то же надо было говорить?

— На ту сторону, — отстранённая вежливость застывала вокруг королевы фей инеистым кружевом. — Одни отправились во Францию, другие — в Новый Свет. Эмигранты в Ирландии теперь главная статья экспорта. Даже удивительно, как их в Дублине ещё сколько-то осталось. Кобольды, в основном. Но они всегда были сильнее привязаны к земле.

Она говорила, а он любовался её лицом, с которого давно уже сошла печать вечной юности. Так же, как и с его собственного теперь.

— Прекрати так на меня смотреть, — Мэб сердито нахмурилась.

— Ты прекрасна, моя королева, — когда-то гладкие черты цверга прорезало суровыми морщинами. Но складка губ, напротив, приобрела мягкость.

Её смех зазвенел мелкими льдинками на кончиках ветвей.

— Пошёл вон. Видеть тебя больше не могу. Столько лет одно и то же. Оставь меня, наконец, в покое.

Гость не ответил, только шагнул вперёд. Мэб попятилась, и воздух затвердел, царапал лёгкие жёстким инеем. Но Ульв поднял ладонь, и холодная стена отекла, изошла влажным

туманом.

— Тебе даже иней к лицу, — Травянистые глаза горели золотыми искрами, а седина в волосах Мэб таяла под горячими ладонями.

— Убирайся к своей новой жене, ненормальный, — королева фей упрямо отпихивала от себя Ульва, упираясь в его каменную грудь. И невольно ловила радостный ритм его сердца.

— Ты прекрасно знаешь, что я никуда не уйду.

Она, конечно, знала, иначе никогда бы ничего подобного не произнесла, но так быстро отказываться от снежного наряда не собиралась. Впрочем, не сдавался и Ульв, облекая свою половину волнами тепла и весенним ветром. Снег посерел, стал ноздреватым, у их ног уже журчали первые ручейки.

— Ты постарел, — язвительно заметила Мэб, наблюдая за бесстыдно обнажающейся из-под снега землёй в редких лохмотьях прошлогодней травы. — Неужели на этот раз у Ангуса для тебя даже яблочка не нашлось?

— Даже камню приходит когда-то время повзрослеть, — клейкая молодая зелень нахлынула из его глаз, затопила лес, потянула за собой стебли и ветви. Королева Мэб, наконец, позволила себя обнять.

— А в виде цверга ты забавный был. Серьёзный такой... особенно если вспомнить, как сам фоморов лепил.

— Ты могла бы намекнуть, — его поцелуи осыпались горстями цветов, прикосновения ласкали утренним солнцем.

— Вот ещё! — острая бровь королевы возмущённо взлетела вверх, а вслед за ней — усеянные шипами побеги тёрна. — Разве бы ты тогда осознал?

Ульв, теперь уже не карлик, а создатель-исполин, наклонился к своей беспокойной душе, и прошептал ей что-то на ухо. Мэб улыбнулась. Однако то, что произошло между ними дальше, навсегда останется тайной. Вероятно, это было что-то хорошее. Пак рассказывал детям (и Геро его не опровергала), что терновые заросли, оградившие супругов от всех возможных миров, вскоре густо покрылись розовыми цветами, наполнив Волшебную страну благоуханием Весны, и привлекли в Ирландию множество пчёл.

— Звезда моя, укатится же! Хотя бы черепахой подопри!

— Уйди, изверг! При создании моего мира ни одно животное не пострадает.

— Тогда небесной твердью накрой.

— Это мещанство! Мне будет мало воздуха. И пространства.

— Да, но светила же надо куда-то вешать? Или они будут держаться на твоём честном слове?

— Почему бы и нет? Моё честное слово ничем не хуже твоего.

— А если Луна упадёт?

— Земля убежит. Она вечно бежит, тебе ли не знать.

После непродолжительного тихого смеха:

— Я люблю тебя.

— Теперь они это называют «гравитация». Вообще не отлынивай. Тебе ещё людей лепить.

— Из чего? Из глины, что ли?

— А мне всё равно. Твоя очередь быть мамочкой.

